СВИ

ГЕНЕРАЛ ДЕ ГОЛЛЬ

М. О. МИРОВИЧ

Ф

След в Истории

ГЕНЕРАЛ ДЕ ГОЛЛЬ

М. О. МИРОВИЧ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге рассказывается о некоторых эпизодах и жизни Шарля де Голля, генерала, основателя и первого президента Пятой республики. Особенно широко освещаются события, связанные с отношением де Голля к СССР, со взглядами генерала на политику, проводимую теми или иными руководителями Советского государства, вплоть до своей отставки в 1969 году. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

- Михаил Мирович
  - 1890–1913 годы
  - 1914 год
  - 1915–1917 годы
  - 1918 год
  - 1919–1925 годы
  - 1926–1937 годы
  - 1938 год
  - 1939 год
  - 1940 год
  - 1941 год
  - 1942 год
  - 1943–1944 годы
  - 1945 год
  - 1946 год
  - 1947–1948 годы
  - 1949–1950 годы
  - 1951–1957 годы
  - 1958 год
  - 1959–1961 годы
  - 1962 год
  - 1963–1964 годы
  - 1965 год
  - 1966 год
  - 1967 год
  - 1968 год
  - 1969–1970 годы
  - Литература

Valhalla Club maxima-library

Михаил Мирович
Генерал де Голль
Штрихи к политическому портрету

Hercules Roy de Rome et d'Annemarc,
De Gaulle trois Guion furnomme:
Trembler l'vude de fainct Marc,
Premier fur tous monarque renomme.

Геркулес, царь Рима и Аннемарка,
Трижды некто, названный де Голлем, возглавит Францию,
Италия и тот, что от святого Марка (из Венеции), трепещут,
Первый монарх, обновлен прежде всех.

Нострадамус

1890–1913 годы

Будущий основатель Пятой республики, второй сын Анри и Жанны де Голль, Шарль Андрэ Мари Жозеф, родился в Лилле двадцать второго ноября 1890 года в дворянской семье, корни которой уходили в глубины средневековья.

Основоположником рода считают славного рыцаря Ришара де Голля, который жил в XIII веке в Нормандии и прославился доблестными подвигами на поле брани.

* * *

Анри де Голль, услышав о рождении сына, поспешил к жене. Та лежала на кровати, ее голова покоилась на высокой подушке, а во взгляде угадывались удовлетворение и усталость.

— Покажите мне сына, — сказал счастливый отец. — Надеюсь, он — моя копия.

— Пожалуйста, мсье, — сказала служанка. — Думаю, вы правы.

— Да, — протянул Анри де Голль, взяв сына на руки. — Он, безусловно, похож на меня… Такие же большие уши… Очень умный взгляд. Бесспорно, ему следует идти на военную службу. Очень может быть, что он сумеет дослужиться до полковника! Впрочем, лучше пусть будет священником. Если он мой сын, то сумеет разговаривать с паствой.

— Как мы его назовем? — тихо спросила у мужа Жанна.

— Конечно Шарлем, — ответил де Голль-отец, — в честь его дядюшки.

* * *

Отец Шарля Анри де Голль работал преподавателем философии и литературы в колледже, находящемся под патронажем иезуитов. В молодости он участвовал во франко-прусской войне 1870–1871 годов, был ранен и до конца жизни не мог смириться с поражением Франции.

Он был ярым монархистом, патриотом, клерикалом, с отвращением относился к демократическим идеям, ненавидел «Марсельезу», ставшую национальным гимном Франции в 1879 году, и умер в 1932 году в возрасте восьмидесяти четырех лет.

Мать будущего президента Франции звали в девичестве

Жанной Майо, она была дочерью известной аристократки Джулии Майо-Деланua, слыла истовой католичкой и обладала неуемной энер^ией. Джулия Майо была дочерью ирландца Андроника Маккартена и шотландки Энни Флеминг.

Мать часто рассказывала юному Шарлю, что их род восходит к Жанне д'Арк, и очень гордилась этим обстоятельством.

Родители пытались воспитать в Шарле религиозность и патриотизм, что в конечном итоге предопределило его судьбу.

У Шарля было три брата и сестра. Братьев звали Ксавье, Жак и Пьер, а сестру — Мария Агнесса.

* * *

В конце XIX века во Франции проживало около сорока миллионов человек. Франция была страной, где сельское хозяйство играло более важную роль, чем промышленность, а экономическую ситуацию в стране определяли мелкие предприятия и ростовщический капитал. Тем не менее Франция оставалась, наряду с Великобританией, Соединенными Штатами и Германией, передовой империей, давшей миру многих выдающихся деятелей науки, искусства и народного образования. Достаточно назвать имена живших на рубеже веков братьев Жана Луи и Огюста Люмьеров, Александра Гюстава Эйфеля, Пьера де Кубертена…

В литературной жизни Франции на первые роли выходили так называемые неоромантики — Жюль Амедео Барбе д'Оревилли, Жюль Вилье де Лиль-Адан, Эдмон Ростан. Заняли свое место под солнцем и символисты, наиболее крупным теоретиком которых был Стефан Маллармэ, а самыми яркими представителями — Поль Верлен и Артюр Рембо.

Франция давно стала Меккой западноевропейской живописи, где проводили время в трудах и развлечениях художники, чьи имена золотыми буквами впечатаны в анналы изобразительного искусства. Достаточно вспомнить Ван Гога и Гогена, Моне и Сера.

В 1889 году в Париже состоялся учредительный конгресс II Интернационала, который впоследствии осудили адепты коммунизма, подчеркивая его ревизионистский характер. В 1895 году во Франции была создана Всеобщая конфедерация труда (ВКТ).

В 1901 году была образована еще одна организация левой ориентации — Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов, история которой восходила к левым республиканцам и антиклерикалам конца XIX века и которая

сыграла заметную роль в новейшей французской истории. Через четыре года все партийные ячейки социалистов объединились во Французскую секцию рабочего (Второго) Интернационала — Социалистическую партию (СФИО). Советская историческая наука до последних дней своего существования утверждала, что руководство партии, возглавляемое оппортунистами Жюлем Гедом и Жаном Жоресом, повело СФИО по пути социал-реформ вместо того, чтобы воспламенять сердца французских рабочих идеями диктатуры пролетариата и мировой революции.

В начале столетия в экономике Франции наступило некоторое оживление. Резкими темпами стала развиваться металлургия, возросла добыча железной руды и коксующихся углей. Франция уверенно занимала второе место в мире по выпуску автомобилей.

И все-таки Французская республика значительно отставала от промышленно развитых стран. К началу первой мировой войны в стране выплавлялось в шесть раз меньше стали, чем в Соединенных Штатах, и в три раза меньше, чем в Германии. Предприятия, оборудованные по последнему слову техники, оставались скорее исключением, чем правилом. На них трудилось менее сорока процентов рабочих. Остальные были заняты на производствах, где численность персонала не превышала восьми — десяти человек.

Пагубное влияние на развитие экономики оказывала утечка капитала за рубеж. В первые годы нынешнего века около сорока миллиардов франков было вложено в заграничные займы и предприятия, а к 1914 году эта сумма достигла сорока восьми миллиардов, что в полтора раза превышал о капиталовложения в экономику Франции. Страны Восточной и Западной Европы получали шестьдесят пять процентов французского экспорта капитала, а общая сумма вложений в русскую промышленность составила двенадцать-тринадцать миллиардов франков.

Франция владела заморскими территориями, общая площадь которых более чем в два десятка раз превышала площадь метрополии.

Парламентские выборы 1902 года привели к власти радикал-социалистов. Во главе кабинета стал Э. Комб — бывший семинарист, порвавший с церковью и ставший врачом. Новый премьер, опираясь на решение палаты депутатов, поставил в центр политической жизни борьбу с клерикализмом.

* * *

В 1896 году в Париж приехал государь-император Всея Руси Николай II. Это событие вызвало восторженный интерес убежденного монархиста Анри де Голля.

— Смотри, сынок, — говорил он шестилетнему Шарлю, усаживая его себе на плечи, — русские сумели сохранить у себя возлюбленного монарха. А ведь столько в России людей без стыда и совести, стремящихся погубить императора и посеять среди богобоязненного населения панику и страх.

В русских царей швыряют бомбы, в них стреляют из пистолетов, но монархия по-прежнему жива и дает остальному миру пример мудрости и величия. Увидишь, сынок, что русские, если, конечно, им удастся сохранить на троне государя, станут самой процветающей нацией в Европе, а то и во всем мире!

* * *

С детства родители приучали Шарля к чтению. Он полюбил Даниэля Дефо и Жюля Верна, Редьярда Киплинга и Александра Дюма. Но самым любимым автором будущего президента Франции стал Эдмон Ростан, восставший, как Феникс из пепла, в 1897 году с постановкой «Сирано де Бержерака» в парижских театрах.

В 1901 году родители отправили Шарля в иезуитский колледж Непорочного Зачатия, расположенный на улице де Вожирар в Париже, где преподавал его отец. Обучение в иезуитских учебных заведениях было весьма престижным во Франции. Наряду с теологическими дисциплинами, преподавание которых было профилирующим, в колледже большое внимание уделялось и прочим гуманитарным предметам. Здесь серьезно изучали древнегреческий язык и латынь,' философию и литературу. Достаточно сказать, что юный де Голль читал на языке оригинала Вергилия, Тацита и Ксенофонта.

Не меньше внимания уделяли наставники колледжа истории Франции и современной литературе. Именно изучение истории утвердило Шарля в намерении стать офицером французской армии, хотя раньше, под влиянием родителей, он мечтал заняться миссионерской деятельностью.

В своих воспоминаниях генерал де Голль писал:

> «В юности меня особенно волновало все, связанное с судьбами Франции, будь то события ее истории или ее политической жизни. Меня интересовала и вместе с тем возмущала историческая драма, непрерывно

разыгрывающаяся на арене политической борьбы. Я восторгался умом, энтузиазмом и красноречием многих участников этой драмы. В то же время меня удручало, что столько талантов бессмысленно растрачивалось в результате политического хаоса и внутренних распрей, тем более что в начале XXˆвека стали появляться первые предвестники войны. Должен сказать, что в ранней юности война не внушала мне никакого ужаса и я превозносил то, что мне еще не пришлось испытать. Я был уверен, что Франции суждено пройти через горнило величайших испытаний. Я считал, что смысл жизни состоит в том, чтобы свершить во имя Франции выдающийся подвиг…»

Основой иезуитского воспитания было внушение трепета перед любой властью. Пассивное повиновение, как говорили преподаватели колледжа, есть высшая из христианских добродетелей. Даже если приказы кажутся омерзительными и нелогичными, они должны быть безусловно и с радостью выполнены, а их обсуждение есть величайший грех, требующий немедленного порицания.

Шарля не смущали внушаемые принципы, и он с уважением относился к своим преподавателям и дружил с соучениками.

Выучеников иезуитской школы воспитывали в духе неприятия Французской (впрочем, как и всех других) революции. Преподаватели подробно рассказывали ученикам о зверствах, чинимых так называемыми революционерами в своей собственной стране, о невинных жертвах и сатанинской жестокости, которые сопровождают любую смуту, каким бы красивым именем она ни называлась бы. В колледже Непорочного Зачатия имена Дантона, Марата и Робеспьера всегда произносились с чувством гадливости и отвращения. Названные персоны почитались кровавыми злодеями, ввергнувшими Францию в хаос и принесшими неслыханные страдания нации.

В колледже де Голль зарекомендовал себя остроумным учеником, обладающим чувством собственного достоинства, гордым, но и сентиментальным, который очень бережно относился к истории своей страны и искренне переживал неудачи и поражения, даже если они случились несколько веков назад. Он мечтал, что когда-нибудь Франция станет величайшей страной в мире, которая сумеет повести за собой цивилизацию, установив мир без воин и насилия.

* * *

Через несколько лет после поступления де Голля в колледж Непорочного Зачатия последний по распоряжению пришедших к власти антиклерикалов был закрыт, и юный Шарль продолжил учебу в соседней Бельгии, где французскими иезуитами, лишившимися возможности работать на родине, была основана школа Святого Сердца. Здесь работали те же учителя, что и на родине, преподавались те же предметы, а ученикам внушались те же постулаты.

В 1908 году Шарль с блеском заканчивает иезуитскую школу, сдает экзамен и, получив диплом бакалавра, возвращается в Париж.

После разговора с родными он решил поступать в элитное военное учебное заведение — Сен-Сир, основанное Наполеоном Бонапартом в 1803 году в Фонтенбло, а затем переведенное в Версаль. Большую часть времени воспитанники этого училища посвящали изучению военных дисциплин, иностранных языков, истории и географии. Курсанты занимались фехтованием, стрельбой и, как в любом военном заведении мира, бесконечное число раз собирали-разбирали оружие и начищали его так, что слепило в глазах.

Для поступления в Сен-Сир необходимо было выдержать конкурс, ибо на одно место здесь претендовало более трех кандидатов. После обучения на подготовительном отделении и успешной сдачи экзаменов в августе 1909 года де Голль зачисляется курсантом. Из всех родов войск юный Шарль выбрал пехоту. По его представлению, именно этот род войск, как ни один другой, воспитывал в офицере истинный солдатский дух, без которого армия превращается в скопище голытьбы, отбывающей повинность или стремящейся к карьере во имя денег.

С юных лет Шарль де Голль знал, что ему уготована в жизни не тривиальная судьба. Он чувствовал, что ему предопределено сыграть свою, очень важную, роль в истории Франции, и это обстоятельство укрепляло его волю.

По существовавшим тогда законам, каждый курсант военных училищ, прежде чем приступить к учебе, должен был год отслужить простым солдатом. Де Голль, несмотря на внутреннее неприятие такой системы, с честью проходит испытание в Тридцать третьем пехотном полку. Здесь он бок о бок живет с людьми из народа, узнает их чаяния и заботы, понимает, к чему они стремятся в жизни.

В октябре 1910 года де Голль возвращается в Сен-Сир, получив некоторый армейский опыт.

В свободное от учебы время курсанты без конца обсуждали предстоящие сражения. Вряд ли в Сен-Сире можно было найти

хотя бы одного курсанта или преподавателя, кто бы не верил в скорое наступление войны. Пять лет назад была образована англо-французская Антанта (Entente cordiale — *Сердечное понимание,* фр.), основной целью которой было будущее противоборство с Германией.

Учащиеся школы рисовали друг перед другом картины кровавых битв, в которых им предстояло принимать участие. Одни видели себя во главе кавалерийского батальона, прорывающего эшелонированную оборону противника, другие, оголив штыки, шли в атаку на супостата, третьи командовали артиллерийскими батареями, подвергавшими массированному артобстрелу укрепленные районы неприятеля. Все они видели себя героями…

И, разумеется, каждый из курсантов мечтал о том, как президент Франции вручит ему орден Почетного легиона. О, этот незабываемый миг славы!

— Орден не должен быть самоцелью, — говорил своим товарищам юный Шарль. — Конечно, получить его весьма приятно и лестно. Но главное — победа над противником.

— А ты откуда знаешь? — спросил де Голля его сокурсник. — Разве ты уже кого-нибудь побеждал?

— Знаю, — самодовольно произнес Шарль. — А победы к нам еще придут.

* * *

Три года обучения пролетели как один день, и в октябре 1912 года будущий президент Франции покинул Сен-Сир в звании младшего лейтенанта, получив направление на службу в уже знакомый ему Тридцать третий пехотный полк в Аррас.

Примечательно, что перед отбытием на место назначения будущий премьер-министр и президент Франции, как и каждый выпускник Сен-Сира, дал торжественную клятву никогда ни при каких обстоятельствах не заниматься политической деятельностью.

В характеристике, выданной Шарлю де Голлю после окончания училища, его начальник сообщал, что тот обладает хорошими способностями, усерден и самостоятелен. Здесь отмечалась также решительность и энергия выпускника. Из двухсот одиннадцати сокурсников де Голль был тринадцатым.

Тридцать третьим пехотным полком тогда командовал известный в армейских кругах полковник Анри Филипп Петен, который с первого дня представился де Голлю мудрым человеком

и искусным военачальником. Петен, в отличие от большинства офицеров французской армии, всегда старался обо всем иметь свое мнение, мыслить самостоятельно и поощрял это качество у своих подчиненных. Вероятно, именно это обстоятельство особенно притягивало к нему молодого де Голля.

В дальнейшем судьба не раз будет сводить этих людей. И своего старшего сына де Голль назовет Филиппом в честь Петена, который станет его крестным отцом.

В октябре 1913 года по представлению полковника Петена де Голль получает звание лейтенанта и весьма лестную характеристику.

1914 год

Второго августа 1914 года передовые части немецкой армии оккупировали Люксембург, а на следующий день Германия объявила войну Франции.

Мировая война не могла не начаться, ибо тому предшествовал целый комплекс причин. В Германии группа националистов, именовавших себя пангерманцами, планировала создание Великой Германии, куда бы вошли Австро-Венгрия, Голландия, часть Франции, Бельгия, Прибалтика, Швеция, Дания, Финляндия, Люксембург, часть Азии и Африки. Подобные устремления имели так называемые «патриоты» во Франции, Англии и России.

За три десятилетия до начала мировой войны один из основоположников самого передового учения Фридрих Энгельс во введении к книге С. Боркхейма «На память немецким ура-патриотам 1806–1807 годов» писал:

> «…для Пруссии-Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны… только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса».

* * *

К концу года война распространилась практически на весь европейский континент. В активных боевых действиях принимали

участие Австро-Венгрия, Германия, Турция, Россия, Франция, Сербия, Бельгия, Великобритания, Черногория, Япония. По числу солдат и офицеров значительный перевес был за Антантой, которая выставила против Германии и ее сателлитов около шести миллионов человек, та же — только чуть больше трех с половиной миллионов. Однако Германия имела 11 232 легких и 2244 тяжелых орудия, против 12 134 легких и 1013 тяжелых — у Антанты.

С каждой неделей противоборствующие стороны наращивали свой военный потенциал.

Для Франции война носила скорее оборонительный характер, ибо нападающей стороной была Германия. Этот факт сплотил французское общество, и де Голлю казалось, что его мечта о подвиге во имя родины вот-вот станет реальностью. Молодой лейтенант рвался в бой, считая себя способным на многое в войне, которую с нетерпением ждал.

В первые дни войны Тридцать третий пехотный полк принял боевое крещение, перейдя границу соседней Бельгии и вступив в бой с немецкими войсками. Однако события разворачиваются совсем не так, как планировало французское командование.

Несмотря на бесстрашное сопротивление французов, немцы теснили их все ближе и ближе к Парижу.

Меньше чем через две недели после начала боевых действий де Голль к своей великой досаде получает первую рану и попадает в госпиталь в Аррасе, из которого его эвакуируют в столицу в связи с наступлением немцев и приближением фронта к этому городу.

Казалось, вот-вот Париж попадет в осаду, но, отступая, французские войска мужественно оказывали упорное сопротивление и готовили контрманевр.

С пятого по девятое сентября между Парижем и Верденом развернулось одно из крупнейших сражений первой мировой войны, в котором принимали участие шесть англо-французских и пять германских армий — всего около двух миллионов человек. На всем протяжении фронта германские атаки энергично отражались армиями Антанты, и, потеряв колоссальное количество солдат и офицеров в наступательной операции, немцы утратили инициативу.

После сражения на Марне с поста германского главнокомандующего ушел Мольтке. Война приняла оборонительный характер по всей линии фронта и сводилась к мелким стычкам с противником. Центр тяжести активных боевых действий сместился на восточный фронт, где немцам противостояла русская армия.

Вспоминая первые дни войны, позже де Голль скажет:

«Русское продвижение в Пруссии значительно способствовало нашему восстановлению на Марне».

* * *

Значительную роль в военных действиях сыграли французские колонии, все экономические ресурсы которых были направлены на службу метрополии. Собственные резервы Франции уже через несколько месяцев боевых действий были на исходе. За время ведения боевых действия Французская республика получала кукурузу и рис из Индокитая, сахар из Реюньона и Антильских островов, мясо с Мадагаскара и Новой Каледонии. Из Северной Африки поступали зерновые культуры, скот, масло, хлопок и кожа…

Но колонии помогали метрополии не только сырьем. Более полумиллиона африканцев отважно сражались в составе французской армии и еще двести тысяч самоотверженно трудились в тылу на предприятиях военно-промышленного комплекса.

К ноябрю 1918 года во французской армии числился сто двадцать один батальон колониальных войск. Свыше семидесяти пяти тысяч темнокожих воинов осталось на полях сражений.

1915–1917 годы

В конце февраля 1915 года Антанта решилась на несколько стратегических операций, которые, впрочем, не принесли никакой реальной пользы.

Весной война стала более активной благодаря предпринятым французами нескольким наступательным операциям. В одной из них под Мениль-лез-Юрль де Голль получает вторую рану и только спустя три месяца возвращается в строй.

Двадцать второго апреля у Ипра состоялось сражение, не имевшее серьезного стратегического значения, но навсегда оставшееся в истории. В этот день немцы применили отравляющие вещества, разработка которых была ими надежно засекречена. На шестикилометровом участке в течение пяти минут был произведен выпуск газовой волны. Обороняющаяся сторона никак не предвидела возможности использования отравляющих средств и не смогла применить никаких средств защиты для уменьшения силы действия иприта. На этом участке фронта Антанта потеряла пятнадцать тысяч человек. Однако извлечь серьезную выгоду от применения нового оружия немцы не смогли, ибо сами не имели надежной защиты.

Седьмого мая немцы потопили один из крупнейших пароходов того времени «Лузитанию», на борту которого находилось более тысячи пассажиров.

Пятнадцатого сентября за мужество и героизм, проявленные в боях, де Голля произвели в капитаны, а тридцатого октября назначили командиром роты.

Среди важнейших битв 1916 года следует отметить прежде всего сражение под Верденом, где германское командование сместило центр боевых действий с восточного фронта на западный и повело мощный штурм на центр французской обороны. Стремительная атака немцев не стала, как замышлял кайзер, решающей и не смогла пробить брешь в обороне французов. Тем не менее под яростным натиском противника французские солдаты медленно отступали.

Капитан де Голль получил свое третье ранение в жесточайшей рукопашной битве. Он упал на поле брани, обливаясь кровью, и отступающие посчитали его погибшим, о чем было сообщено его безутешным родителям.

Посмертно де Голль был награжден орденом Почетного легиона. В приказе об этом сообщалось, что капитан был сражен в бою неприятельским штыком, и его беспримерный подвиг — пример для подражания.

В бессознательном состоянии де Голль попал в немецкий плен.

В своих воспоминаниях он писал:

> «…боевое крещение, тяготы и лишения окопной жизни, атаки, обстрелы, ранения, плен, — я мог убедиться в том, что Франция в результате низкой рождаемости, бессодержательных идей и беспечности властей, лишенная значительной части необходимых для ее обороны средств, все-таки сумела сделать невероятное усилие и своими неисчислимыми жертвами восполнить то, чего ей недоставало, чтобы выйти победительницей из этого испытания…»

В немецком плену капитан де Голль пробыл около тысячи дней. Он сменил множество тюрем и лагерей. Пять раз пытался бежать, но ни разу — успешно. В конце концов де Голля заключили в лагерь для офицеров, склонных к побегам, в Игольштадте.

Впрочем, жизнь в заключении не была слишком тяжелой для пленных. Они имели возможность учиться и осваивать новые специальности, читать и общаться со своими товарищами.

В плену де Голль штудировал немецкий язык, читал немецкие газеты, из которых узнал, что командующим французской армией был назначен его старый знакомый Анри Филипп Петен. Здесь же де Голль прочитал о крупном сражении на Сомме, где впервые в истории войн англичане применили танки. Их было всего восемнадцать на ограниченных участках фронта, и решающей роли в битве они не сыграли. Танки использовались англичанами как помощь пехоте. Тем не менее даже по газетным заметкам де Голль оценил значение нового вида вооружения и его важную роль в будущих войнах.

Именно в плену де Голль задумал книги, которые написал, вернувшись во Францию. Здесь же он познакомился с одной из самых зловещих фигур русской истории — Михаилом Николаевичем Тухачевским, который «прославился» расстрелом тысяч заложников, убийством отравляющими веществами русских крестьян и бездарными «теоретическими» сочинениями.

Тем временем в России грянули события, не имевшие аналогов в мировой истории. В начале ноября 1917 года в России произошел Октябрьский переворот, инициированный кайзеровской Германией и безумством толпы дезертиров. К власти пришел Ленин (В.И. Ульянов), профессиональный революционер, поставивший целью добиться мирового господства любой ценой, что неоднократно декларировалось в его

многочисленных публицистических сочинениях.

Большевики отказались от всех обязательств, взятых на себя их родиной, и запросили позорного мира с кайзеровской Германией, которая посчитала, что недаром потратила деньги на подкуп большевистского вождя.

В дальнейшем выяснилось, что потери, понесенные Германией после прихода к власти в России большевиков, в тысячи раз больше, чем прибыль от выхода русских из первой мировой войны.

1918 год

В ноябре война завершилась окончательной победой Антанты. Покинули поля брани сателлиты германского рейха: Турция, Болгария, Австро-Венгрия. И в Компьенском лесу, в штабном вагоне, было подписано перемирие, согласно которому немцы обязались вывести войска с территорий Бельгии, Франции, Люксембурга и возместить убытки, понесенные Антантой в ходе войны.

Германия должна была передать союзникам все вооружение и технику, а также часть военно-морского флота. Франции отходили захваченные немцами в 1870 году территории Эльзаса и Лотарингии, а также некоторые колонии Германии и Турции, в результате чего площадь империи возросла на шестьсот двадцать пять тысяч квадратных километров, а численность населения на пять с половиной миллионов человек.

Позорный Брест-Литовский договор, подписанный Германией с Советской Россией, считался недействительным, но немцам было разрешено оставаться в России. Австро-Венгрия распалась и выбыла из круга держав, которые определяли судьбы Европы.

Победа вывела Францию в число ведущих держав мира. Ее вооруженные силы служили образцом для подражания, а тактика и стратегия — образцом для передовой военной науки.

В первой мировой войне погибло почти полтора миллиона французских солдат и офицеров, около трех миллионов получили ранения.

* * *

Во время войны и в первые послевоенные годы на территории Европы разразилась самая известная в истории человечества эпидемия гриппа — пресловутая «испанка», которая унесла около двадцати миллионов жизней.

Экономика ведущих европейских держав, в том числе (и особенно) Франции находилась в плачевном состоянии. Семь лет понадобилось французскому сельскому хозяйству для того, чтобы достичь довоенного уровня производства.

Тем не менее, как впоследствии говорил один из русских революционеров Карл Радек:

> «Германский империализм был сокрушен, и его место занял победоносный французский…

империализм».

Последний и становится отныне основной целью большевиков, главари которых жаждали господства над миром.

Красные командиры мечтали о том, как их красные кони будут пить воду из красной Сены.

* * *

Освободившись из плена, капитан де Голль возвращается во Францию, где узнает, что его братья принимали участие в боевых действиях и вернулись домой живыми и невредимыми. Это была большая радость.

К сожалению, за годы, проведенные в плену, де Голль выпал из кадровой обоймы, и он, кавалер орденов Почетного легиона и Военного креста, не смог сразу найти применение своему опыту и знаниям.

1919–1925 годы

В 1919 году де Голль откликается на призыв польского правительства и отправляется в составе делегации французских военных специалистов в Варшаву для участия в формировании и обучении новой польской армии. Засучив рукава, со свойственной ему энергией, де Голль принялся за дело и довольно скоро превратил разрозненные формирования в настоящую, хорошо обученную армию.

Де Голль, получивший к тому времени польское воинское звание майора, участвует в боях с армиями кровавого палача Ионы Якира и бездарного Семена Буденного на Волыни и под Варшавой. За мужество и героизм Шарль де Голль был награжден орденом Святого Венцлава.

Не исключено, что решению де Голля защищать Польшу способствовали громкие заявления одного из советских вождей, приятеля Ионы Якира, товарища Зиновьева, который обещал, что к полувековому юбилею Парижской Коммуны, то есть к весне 1921 года, Франция станет еще одной советской республикой.

Он хорошо помнил уроки истории и читал газеты, в которых рассказывалось о зверствах коммунистов в собственной стране. Он знал об убийствах сотен тысяч мирных граждан по подозрению или доносу о «неправильном» социальном происхождении, знал о стремлении коммунистов к мировому господству, об их подлости и коварстве, об отсутствии у большевиков даже зачатков каких-либо моральных принципов.

Под командованием Юзефа Пилсудского польская армия наносит чувствительные поражения советским вооруженным формированиям, после чего советское руководство перестает рассматривать доктрину Троцкого о перманентной революции как руководство к немедленным действиям.

* * *

В октябре 1921 года, после окончательного краха экспорта мировой революции, Шарль де Голль возвращается во Францию, где вступает в брак с любимой девушкой Ивонной Вандру, с которой и прожил всю жизнь душа в душу.

На протяжении всей жизни Шарль был прекрасным мужем и любящим отцом. В письмах он всегда обращался к Ивонне не иначе, как «моя дорогая милая Аннушка».

Его жена была родом из весьма влиятельной и богатой семьи

из Кале. К своим предкам это семейство причисляло незаконнорожденную дочь папы Юлия III. Клан Вандру владел фамильным замком в Арденнах, имением в Булони и прекрасной квартирой на бульваре Виктор в столице. Отрочество и юность Ивонна провела в монастыре ордена визитадинок. Ее всегда отличал веселый нрав, она слыла среди воспитанниц и воспитателей сообразительной и умной девушкой.

Когда де Голль, решившись, сделал ей официальное предложение, она, ни секунды не раздумывая, согласилась.

При этом она решительно заявила родителям:

— Или я выйду замуж за Шарля, или не выйду замуж вообще!

— Доченька, посмотри на него внимательнее, — сокрушалась Джулия Майо-Деланув. — Ведь он на целых тридцать сантиметров выше тебя. Ты едва достаешь ему до плеча.

— При чем тут рост, мама? — удивленно воскликнула Ивонна.

После непродолжительных дебатов счастливая Ивонна получила родительское благословение.

* * *

В октябре де Голль перешел на преподавательскую работу в Сен-Сир, где занял должность заместителя профессора на кафедре военной истории. Однако очень скоро он понял, что педагогика — не его призвание.

Через год он подал документы и был зачислен в Высшую военную школу, где готовился высший командный состав французской армии. Под маской холодного и презрительного аристократа, как вспоминали его сокурсники, скрывался отзывчивый и благородный товарищ, который, несмотря на богатый военный опыт и значительные правительственные награды, всегда держался дружески и просто.

Учеба давалась де Голлю без особых затруднений. Уже тогда он понимал, что военные доктрины, взятые на вооружение нынешними стратегами и преподаваемые в Высшей военной школе, совершенно устарели. Он неоднократно вступал в споры со своими преподавателями и потому нажил среди них немало врагов, которые постарались, чтобы капитан де Голль вместо работы в Генеральном штабе, которую традиционно получали выпускники Высшей военной школы, был отправлен подальше от столицы.

Так Шарль попал в Рейнскую оккупационную армию.

В характеристике выпускника значилось:

«Очень способный и широко образованный, отлично ориентируется на местности, отдает четкие приказы, решителен, трудолюбив… Личность развитая, с большим чувством собственного достоинства. Может достичь блестящих результатов».

* * *

В 1924 году де Голль издает свою первую книгу «Раздор в стане врага», замысел которой созрел еще во времена германского плена. В этой монографии молодой капитан анализирует итоги первой мировой войны, размышляет над судьбой Германии, пытается понять, что привело ее к поражению, и дает характеристику взаимоотношениям гражданской и военной власти в период военных действий.

Нельзя сказать, что эта работа, изданная тысячным тиражом, вызвала переворот в умах его современников, но она не осталась незамеченной. И, может быть, именно ее появление заставило маршала Петена — к тому времени вице-председателя Высшего Совета национальной обороны (ВСНО) — вспомнить о своем любимце и перевести его в свое ведомство.

Здесь де Голль участвовал в разработке оборонительной стратегии, которая должна была стать, по задумке маршала Петена, основой военной доктрины Франции на ближайшие десятилетия. Однако вскоре де Голль пришел к выводу, что его идеи не находят понимания в ВСНО. Большинство теоретиков сходились во мнении, что для надежной защиты Франции будет достаточно строительства и укрепления оборонительных рубежей на всем протяжении границ с Германией. А по мнению де Голля, это могло оказаться смертельно опасным для Франции в условиях современной войны.

Де Голль пытался убедить оппонентов в том, сколь губительно обрекать французскую армию на пассивное ведение боевых действий, но — безрезультатно. Франция, засучив рукава, начала строительство печально известной «линии Мажино».

Через три года по протекции Петена де Голля представили в очередному воинскому званию майора и назначили командиром девятнадцатого мотопехотного батальона, дислоцированного в Трире.

1926–1937 годы

В сентябре 1926 года Германию принимают в Лигу наций. Это событие многие политики посчитали переломным моментом мировой истории. Они полагали, что теперь война европейского (а тем более мирового) масштаба невозможна, и не придавали большого внимания деятельности самозарождающегося монстра — Национал-социалистической партии Германии (НСДАП), возглавляемой неудавшимся художником и бывшим ефрейтором Адольфом Гитлером.

Тогда же де Голль пришел к выводу, что экономика Советской России полностью перешла на военные рельсы. Один из немногих, де Голль понимал, что новая мировая война неизбежна. Об этом он неоднократно предупреждал общественность в своих печатных трудах.

В начале 1928 года у де Голля родилась дочь Анна. И каково же было горе родителей, когда выявилось, что о ребенка нарушение хромосомного набора. Врачам удалось спасти девочку, но она на всю жизнь осталась тяжело больным человеком. Родители окружили свое дитя любовью и заботой. Ивонна говорила, что готова отказаться от всего на свете, лишь бы облегчить страдания дочери. Однако, несмотря на молитвы и старания врачей, состояние Анны не улучшалось. Не раз родители обретали надежду и теряли ее. Ни на минуту девочку нельзя было оставить без присмотра. Она не умела ходить и разговаривать. Она не могла отличить холод от жары. Она ела только протертую пищу, потому что не умела жевать.

Генерал был любящим и преданным отцом. Часто, заменяя мать и сиделку, он носил дочь на руках, гулял с ней, кормил ее.

Анна умерла в двадцатилетием возрасте, оставив глубокую рану в сердце генерала и его жены.

— Теперь она стала такой, как все, — сказал генерал де Голль на ее могиле.

К этому времени другая его дочь, Элизабет, уже была замужем, а вскоре устроилась и судьба сына Филиппа: он женился на девушке из семьи Монта-ламбер.

В ноябре 1929 года де Голль направляется в Северную Африку в расположение французских колониальных войск.

* * *

Конец двадцатых — начало тридцатых годов ознаменовались

в экономической политике Франции серьезными изменениями. Постепенно, благодаря стараниям кабинета Пуанкаре, традиционный для Франции ростовщический капитал был вытеснен капиталом финансово-промышленным. Резко возросли инвестиции в промышленность, снизилась безработица, укрепились позиции французского франка, резко возросло промышленное производство.

На фоне мощного экономического кризиса, разразившегося в мире в конце двадцатых годов, картина экономической жизни Франции выглядела идиллической. Родина де Голля благополучно выдержала первые удары экономической стихии.

Андре Симон сообщал тогда своим читателям:

> «Некий авторитетный экономист писал, что в то время Франция была величайшей военной, политической и финансовой силой в Европе. Система внешних договоров обеспечивала Франции, в случае нападения, помощь Великобритании, Бельгии, Польши и Чехословакии. Хотя у нее и не было военного союза с Югославией и Румынией, но не могло быть сомнений, к кому тяготели симпатии этих стран. Италия, экономически ослабленная кризисом, не в состоянии была идти против Франции. Во главе недавно провозглашенной Испанской республики стояли люди, горячо сочувствовавшие во время первой мировой войны англо-французскому союзу. Наконец улучшились отношения с Советским Союзом…»

Однако постепенно страна скатывалась в пропасть кризиса, в которой находился остальной мир. Кабинет Даладье, пришедший к власти в январе 1933 года, получил в наследство от предыдущего правительства Жозефа Поль-Бонкура разбухший бюджет и несбалансированные статьи расходов и доходов. Дефицит бюджета доходил до четырнадцати миллиардов франков.

Сбор налогов уменьшался с каждой неделей. Экспортно-импортные операции сократились более чем на треть. Туризм, обычно бывший одним из самых прибыльных видов предпринимательства, переживал глубокий кризис — число желающих посетить Францию сократилось более чем в четыре раза.

Два с половиной миллиона французов потеряли работу.

В начале тридцатых началось катастрофическое снижение цен на сельскохозяйственную продукцию, особенно на пшеницу и вино — эти традиционные индикаторы благополучия

крестьянского производства во Франции.

Вместе с тем становилось очевидным, что Франция оказалась между молотом и наковальней: с одной стороны — Адольф Гитлер, с каждым днем наращивающий мускулы, с другой — вождь всех времен и народов товарищ Сталин, неторопливо собирающий самую мощную армию мира.

На Востоке Европы вожди мирового пролетариата планомерно и решительно готовили экспансию на Запад, цинично выдавая эту затею за «помощь восставшему пролетариату». Каждый политически грамотный гражданин молодой Советской республики твердо знал: пока остались капитализм и социализм, они мирно жить не могут: либо одно, либо другое в конце концов победит; либо по Советской республике будут петь панихиды, либо — по мировому капитализму.

Еще шестого марта 1931 года лидер консервативной партии Англии Болдуин говорил:

«Я не хочу ругать Россию, но я хочу все-таки сказать, что в настоящее время Россия представляет самую большую потенциальную опасность для нашего экономического развития. В России сейчас работают над тем, что они там называют пятилетним планом. Суть плана состоит в том, чтобы в течение пяти лет индустриализовать Россию или, иными словами, снабдить Россию мощным оборудованием, которое позволило бы ей производить товары для экспорта. Оно оплачивает это принудительным трудом для жителей, деньгами, которые она выкачивает из своего населения, и доходами, которые она получает от продажи своего сырья за границей… Кредиты, которыми Россия пользуется у нас, идут на осуществление пятилетнего плана. Это значит, что мы помогаем финансировать то самое оружие, которое затем должно будет поразить нас в сердце. Русские имеют полное право думать, что они устроят мировую революцию, но я не хочу никакой революции в Англии, и потому я имею право принять все те меры, которые могут предупредить ее…»

На Западе, в фашистском рейхе, любимым бестселлером добропорядочного бюргера становилась монография Адольфа Гитлера «Моя борьба», вытеснившая из сознания обывателя Гёте, Шиллера и Гейне, книги которых предавались огню на партийных шабашах.

В «Моей борьбе» бывший ефрейтор декларировал:

«Только во Франции ныне больше чем когда бы то ни было существует единство во взглядах биржи и еврейского биржевого капитала, с одной стороны, и шовинистически настроенных государственных деятелей французской республики — с другой.

Это тождество интересов и настроений представляет громаднейшую опасность для Германии. Именно вследствие этого обстоятельства Франция является самым страшным нашим врагом. С одной стороны, французский народ все больше и больше смешивает свою кровь с кровью негров; а с другой, французский народ все теснее и теснее сближается с евреями на основе общего стремления к подчинению себе всего мира. И все это, вместе взятое, превращает Францию в самую большую угрозу для дальнейшего существования белой расы в Европе. Стремление французов привезти негров на Рейн в сердце Европы и тем отравить нашу кровь является выражением садистской, прямо противоестественной мести, которой пылает к нашему народу этот наш исконный враг, полный шовинистских чувств; но и хладнокровно мстительные евреи стремятся к тому же. Им тоже хочется начать свою работу отравления крови белой расы как раз в центре европейского континента. Отсюда они надеются нанести нашей более высокой расе самый верный удар, подорвав основы ее господствующего положения».

Кроме того, твердо (и с удовольствием) следуя духу и букве Рапальского договора, Советский Союз не покладая рук занимался вооружением будущей немецкой армии. Пятнадцатого апреля 1925 года в Липецке был подписан документ об открытии секретной совместной советско-германской авиашколы, в которой бы готовились будущие военные летчики двух стран. Этот документ полностью игнорировал Версальский мирный договор, запрещавший Германии готовить военных летчиков, но это мало интересовало будущих поджигателей войны.

Помимо летчиков в двадцатые — тридцатые годы на территории СССР существовали и другие германские объекты, такие, например, как школа химзащиты под Саратовом и школа по подготовке танкистов в районе Казани…

Полковник де Голль видел надвигающуюся катастрофу, однако его положение в то время не позволяло ему в какой бы то ни было мере влиять на политику Франции, а французское руководство не придавало деятельности фашистов и коммунистов серьезного значения. Один из французских журналистов вспоминает, что министры кабинета Даладье шутливо говорили при упоминании о «Mein Kampf»: «Неужели вы действительно думаете, что можно делать политику на книге?»

Вместо реальной программы, которая бы обеспечивала стабильную ситуацию в мире и нейтрализацию возможного агрессора, кабинет Даладье проводил политику «умиротворения», приведшую в конечном итоге к катастрофическим последствиям.

* * *

В 1932 году правительство лидера радикалов, бывшего школьного учителя, Эдуарда Эррио подписало пакт о ненападении с СССР, а в 1933 году к власти в Германии пришли фашисты.

Фюрер, выступая второго февраля 1933 года по радио, сказал:

«Мы были бы счастливы, если бы весь остальной мир путем сокращений вооружений избавил нас от необходимости постоянно увеличивать наши вооружения».

Чем и привели в восторг пацифистов западных стран.

Тотчас Даладье послал в Берлин своего посланника графа Фернана де Бринона, который должен был склонить Гитлера к вступлению в предполагаемый союз — Великобритания, Германия, Франция и Италия.

По возвращении из Германии де Бринон сказал:

«Я подозреваю, что честолюбивое желание господина Гитлера — быть тем человеком, который от лица Германии достигнет соглашения с Францией. Если в его книге «Mein Kampf» и выражена ненависть к Франции, следует помнить, что книга эта была написана в то время, когда господин Гитлер страдал в тюрьме. С тех пор он сильно изменился».

Граф довел до сведения Даладье, что Гитлер дал слово проводить сугубо миролюбивую политику. Только стараниями бывшего премьера Эдуарда Эррио и маршала Юзефа Пилсудского предлагаемый союз остался только в проектах и умах незадачливых политиков.

* * *

Одна из французских фашистских организаций «Аксьон франсез», руководимая Шарлем Морасом и Лионом Додэ, пыталась спровоцировать уличные беспорядки, но полиция оказалась на высоте, и французский фашизм остался третьестепенной политической силой. Шестого февраля на площади Согласия и вокруг здания парламента собрались фашиствующие толпы, которые собирались штурмовать парламент. Среди организаций, вознамерившихся взять власть в свои руки, были «Боевые кресты», «Патриотическая молодежь» и «Королевские бойцы». Они скандировали: «Петен! Хотим Петена!», но путч провалился.

* * *

В 1932 году вышла вторая книга де Голля «На острие шпаги», которая была написана на материале из лекций, прочитанных им в Высшей военной школе и Сорбонне. Основная мысль, красной нитью проходящая через книгу, заключалась в определении места армии в истории, ее значения в развитии общества и роли личности в истории. В этом сочинении отчетливо прослеживается влияние Фридриха Ницше — его «Заратустры».

В своей книге де Голль пишет о событиях того времени:

«Было ясно, что окончание войны не обеспечивало мира. По мере того как Германия восстанавливала силы, она возвращалась к своим прежним притязаниям… В этот период я был назначен секретарем Военного совета национальной обороны — постоянного органа при премьер-министре, ведавшего подготовкой государственного аппарата и всей нации к войне».

Вслед за появлением книги де Голль в 1933 году получает чин подполковника.

В следующем, 1934 году, Анри Филипп Петен стал военным министром в правительстве Думерга. Маршал выстроил свою военную доктрину, которая вызвала резкий протест де Голля. Петен считал, что в возможном будущем в противоборстве с Германией успех может принести только сугубо оборонительная стратегия.

Ввиду нехватки средств армия практически не получала новых видов вооружений: денег не было даже на закупку обычного стрелкового оружия.

Петен и Вейган считали, что гитлеровская Германия в первую очередь нападет на СССР, а Франция сможет имеющимися силами и средствами противостоять немцам, укрывшись за «линией Мажино». Де Голль видел всю пагубность этой стратегии и неоднократно выступал в печати с разъяснением своих позиций. Он понимал, что воевать с Германией Франция может только умением, ибо людские ресурсы были явно на стороне будущего противника. Для ведения успешных боевых действий, полагал де Голль, Франция должна иметь немногочисленную, но профессиональную армию, в которой одну из главных ролей будут играть бронетанковые соединения.

К сожалению, идеи де Голля не находили понимания в высших командных кругах Франции. Военная доктрина того времени рассматривала танки лишь как средство, поддерживающее пехоту, а не как самостоятельную силу.

В 1934 году выходит в свет новая книга де Голля «За профессиональную армию», в которой автор дает оценку

предстоящим сражениям и требует немедленной модернизации французской армии, полагая, что в современных войнах все будет решаться профессионализмом армейских подразделений.

По странному стечению обстоятельств, книга имела успех отнюдь не на родине, где было продано менее тысячи экземпляров, а в Германии. Разумеется, мысли, изложенные де Голлем, не были откровением для германских генералов, однако прекрасный литературный стиль и блестящий анализ сделали ее незаменимой для верхушки фашистского генштаба.

В своих «Воспоминаниях» Альберт Шпеер приводит следующие слова Адольфа Гитлера:

«— Я неоднократно перечитывал книгу полковника де Голля, — говорил бесноватый фюрер, — о возможностях современного ведения боя моторизованными соединениями и много из нее почерпнул».

Кроме того, эта книга была выпущена в СССР Государственным военным издательством тиражом в восемь тысяч экземпляров и с интересом изучалась в Красной Армии.

* * *

Французское командование продолжало всецело рассчитывать на «линию Мажино» как на замечательный оборонительный редут, способный остановить германские армии, полностью игнорируя предложения де Голля.

Министр обороны Анри Филипп Петен не принимал идеи перевооружения французской армии. К тому времени отношения между ним и де Голлем заметно охладились — отчасти из-за неприятия Петеном идей своего бывшего протеже, отчасти из-за сочувствия министра профашистским группировкам во Франции. Дружба полностью расстроилась после издания в 1938 году еще одной монографии де Голля «Франция и ее армия», написанной по материалам, собранным в середине двадцатых по просьбе Петена. По некоторым сведениям, маршал добивался соавторства, но получил категорический отказ.

Тем временем де Голль стремился получить разрешение на формирование во Франции современных бронетанковых соединений. Ему удалось ангажировать нескольких видных публицистов, которые восприняли идеи де Голля и старательно рекламировали их в прессе.

Впрочем, это мало что дало, и де Голль решил заручиться поддержкой своих идей в парламенте. В 1934 году де Голль познакомился с Полем Рейно, который как политик, по мнению

де Голля, имел большое будущее и соглашался с теорией относительно роли бронетанковых соединений в предстоящей войне.

* * *

В 1934 году супруги де Голль приобретают небольшое имение Буассери — двухэтажный дом с парком в деревне Коломбэле-дез-Эглиз в трехстах километрах от Парижа. Эта покупка была связана главным образом с тем, что врачи рекомендовали мягкий и прохладный климат для больной Анны, а также ее полную изоляцию от внешнего мира. К тому же мадам де Голль давно хотела иметь загородные владения для отдыха.

* * *

Весной 1935 года Рейно выступил в парламенте с предложениями о реформировании французской армии. Он настоятельно предлагал депутатам рассмотреть важнейший, на его взгляд, законопроект о немедленном создании специальной армии в составе шести линейных и одной моторизованной дивизии, резервов общего подчинения и служб, который был с презрением встречен депутатами и почти без обсуждения отклонен большинством голосов. Все попытки де Голля и Рейно найти союзников среди влиятельных людей заканчивались крахом. Их вежливо выслушивали, иногда обещали помочь, но никакого содействия никогда не оказывали.

В октябре 1936 года состоялась знаменитая встреча де Голля и премьер-министра Леона Блюма, назначенного на высший государственный пост четвертого июня 1936 года. Встреча состоялась в тот день, когда бельгийский король Леопольд III заявил правительству Франции, что Бельгия не намерена следовать союзническим обязательствам в связи с тем, что франко-бельгийский союз не обеспечивает безопасность Бельгии.

Леон Блюм, подав руку де Голлю и усадив его в кресло, принялся говорить о том, что идеи о перевооружении армии находят понимание в правительстве Третьей республики.

— Кажется, вы всегда выступали против моих идей? — спросил де Голль премьера.

— Конечно, выступал, — ничуть не смутившись, ответил Блюм. — Но когда становишься премьером, многие взгляды меняются… Кстати, мне хотелось бы узнать ваше мнение

относительно того, что произойдет, если Гитлер отважится бросить свои войска на Вену, Прагу или Варшаву?

— Не произойдет ничего неожиданного. В зависимости от обстановки мы призовем людей из резерва первой очереди или из запаса. А затем, глядя сквозь амбразуру наших укреплений, будем безучастно наблюдать, как Адольф Гитлер прибирает к рукам Европу.

— Неужели вы хотите, чтобы мы направили экспедиционный корпус в Австрию, Богемию или Польшу?

— Нет, — проговорил де Голль. — Но если немцы будут наступать вдоль Дуная или Эльбы, мы просто обязаны выдвинуть наши армии на Рейн. Мы должны войти в Рурскую область, если вермахт пойдет на Вислу. Ведь если бы мы были в состоянии предпринять такие контрмеры, этого было бы достаточно, чтобы не допустить агрессии. Но при нашей нынешней системе мы не в состоянии двинуться с места. И, наоборот, наличие танковой армии побуждало бы нас к активным действиям. Разве правительство не чувствовало бы себя увереннее, если бы заранее было к этому готово?

— В ваших словах есть резон, — сказал Блюм. — Было бы, конечно, прискорбно, если бы нашим друзьям в Центральной и Восточной Европе пришлось стать жертвами вторжения. Однако в конечном счете Гитлер ничего не добьется до тех пор, пока не нанесет поражения нам. А как он может это сделать? Вы согласны с тем, что наша система, мало пригодная для наступательных действий, блестяще приспособлена для обороны?

— Тезис о неприступности «линии Мажино» с каждым днем все меньше соответствует истине. Первым это понял бельгийский король, о чем он и сообщал нам в доступной форме.

— Может, вы и правы, но, я думаю, Леопольд при разрыве союза руководствовался не только стратегическими соображениями. Мне говорили, что он симпатизирует Гитлеру… Но в любом случае наша оборонительная линия и фортификационные сооружения смогут обеспечить безопасность нашей территории.

— Ни в коем случае! Это обман самих себя, — сказал де Голль. — И весьма сомнительный вывод. Еще в конце прошлой войны не существовало обороны, которую невозможно было бы пробить. А ведь какой прогресс достигнут с тех пор в развитии танков и авиации! В будущем массированное использование достаточного количества боевых машин позволит прорвать на избранном участке любой оборонительный редут. А как только брешь будет проделана, немцы смогут при поддержке авиации двинуть в наш глубокий тыл массу своих быстроходных танков.

Если мы будем располагать танками в равном количестве, все можно будет исправить, если нет — все будет проиграно.

— С вами тяжело спорить, — улыбнулся Блюм, — потому что вы правы. Правительство разработало, а парламент утвердил решение, что помимо бюджетных ассигнований на производство танков и самолетов будет выделяться значительная сумма.

Де Голль заметил премьеру, что самолеты, которые планировалось выпускать в больших количествах, были разработаны исключительно для оборонительных, а не для наступательных действий. А танки «Рено» и «Гочкинс» имеют большой вес, малую скорость, вооружены малокалиберным короткоствольным орудием и предназначены для сопровождения пехоты, а никак не для выполнения самостоятельных заданий в составе специальных танковых соединений.

— Выпускаемые танки — это вчерашний день танкостроения. Вы должны понять, — сказал де Голль, — что мы построим столько же танков и израсходуем столько же средств, сколько потребовалось бы для создания танковой армии, а иметь эту армию все-таки не будем!

— Я не вмешиваюсь в работу Даладье. Военные кредиты — это дело его и генерала Гамелена.

— Но позволю себе заметить, что за состояние обороны отвечает правительство, — сухо сказал де Голль.

В это время зазвонил телефон…

— Извините, но я уже не принадлежу сам себе, — сказал Блюм, давая понять, что тема разговора исчерпана.

…Встреча, о которой так подробно пишет генерал де Голль в мемуарах, произвела на главу правительства сильное впечатление. Однако он не собирался менять военную доктрину, полагаясь на министерство обороны, которое считало идеи де Голля не соответствующими истинному состоянию дел.

* * *

В 1936 году военным руководством было решено затормозить карьерный рост де Голля, и лишь благодаря Полю Рейно в 1937 году, в возрасте сорока семи лет, он получает погоны полковника французской армии и назначение командиром Пятьсот седьмого танкового полка в Меце, оснащенного танками старого образца.

1938 год

Двадцать третьего марта Поль Рейно сформировал новое правительство. Милитаристские устремления Советской России и Германии не были секретом для нового кабинета министров, который никак не мог решить, кого считать главным врагом Французской республики — СССР или Третий рейх.

Многие члены вновь сформированного кабинета полагали, что основная опасность для Франции исходит отнюдь не от фашистской Германии, а от Страны Советов, которая фантастическими темпами наращивала свой военный потенциал и стремилась столкнуть Гитлера со странами Западной Европы.

К концу 1938 года Красная Армия насчитывала почти четыре миллиона бойцов, восемнадцать тысяч танков и двадцать тысяч самолетов. В том же 1938 году по свидетельству тогдашнего министра авиации Ги ля Шамбра, французская армия имела на вооружении всего двадцать (двадцать!) современных самолетов.

Тем временем гитлеровская Германия присоединила к своей территории Австрию, грубо нарушив Версальский и Сен-Жерменский договоры, и начала готовиться к вторжению в Чехословакию. Для этого в Судетской области, входящей в состав последней, были инспирированы беспорядки под сепаратистскими лозунгами. Смута была пресечена чехословацкими властями без больших проблем, однако дала повод Гитлеру угрожать Чехословакии насильственным отторжением мятежной территории.

В то время Чехословакия находилась в более выгодном стратегическом положении, чем Германия. Ее поддерживала Лига наций, а государства Антанты были связаны с ней дружественными отношениями. Армия потенциальной жертвы агрессии была отнюдь не слабей германской, ее границы были хорошо укреплены, а военная промышленность считалась одной из самых передовых в Европе.

Двадцать восьмого сентября 1938 года в мюнхенском «Коричневом доме», резиденции Адольфа Гитлера, началась встреча руководителей Англии, Франции, Италии и Германии для решения судьбы Чехословакии. На следующий день Чемберлен, Даладье, Гитлер и Муссолини подписали соглашение, согласно которому в недельный срок Чехословакия обязана была передать Германии Судетскую область, а часть территории Чехословакии, где компактно проживали поляки и венгры, отходила Польше и Венгрии. Чехословакия лишалась пятой части территории с четвертью людских и промышленных ресурсов.

Представители чехословацкого правительства были поставлены перед фактом, и им оставалось лишь смириться и постараться сохранить status quo. Конечно, Чехословакия имела возможность оказать вооруженное сопротивление немцам, но предательство вчерашних союзников выбило из ее рук основной козырь — поддержку Запада.

В обмен на предательство интересов союзного государства Гитлер обещал Чемберлену не нападать на Великобританию, что было зафиксировано в англо-германской декларации. Через несколько недель был подписан аналогичный франко-германский пакт.

Герман Геринг в Нюрнберге говорил:

«В действительности все это произошло довольно просто. Ни Чемберлен, ни Даладье в конечном итоге не были заинтересованы в том, чтобы жертвовать или рисковать чем-либо для спасения Чехословакии. Это было ясно для меня как день. Судьба ее решилась в основном в течение трех часов. Затем три часа ушли на спор по поводу слова «гарантия»… […] Время от времени Даладье одобрял то, что говорил Гитлер. Никакого возражения против чего бы то ни было! Я был просто поражен, как легко все удалось Гитлеру… Когда он потребовал, чтобы некоторые военные заводы Чехословакии, находящиеся за границами Судетской области, были переведены на судетскую территорию, как только она нам отойдет, я ожидал взрыва, но не последовало и писка. Мы получили все, что хотели. […] Они даже не настаивали на том, чтобы проконсультировать чехов, хотя бы для формы. В конце заседания посол Франции в Чехословакии сказал: «Хорошо, теперь мне предстоит передать приговор осужденным». Вот и все… Долгий спор по поводу слова «гарантия» был решен тем, что Гитлеру предоставили право гарантировать остальную часть Чехословакии. Все прекрасно понимали, что это значит».

Мышеловка, куда почти в полном составе попала Западная Европа, захлопнулась.

После Мюнхенского сговора де Голль окончательно уверился в том, что новой войны не избежать, о чем пытался предупредить власть предержащих в книге «Франция и ее армия». Он еще и еще раз доказывает необходимость самого срочного создания крупных бронетанковых, а также авиационных соединений.

Но его никто не хочет слушать.

1939 год

Вечером четырнадцатого марта президент и министр иностранных дел Чехословакии прибыли в Германию. Им сообщили, что в ближайшие часы вся территория страны будет занята войсками вермахта.

— Лондон и Париж не интересуются Чехословакией, — сказал Адольф Гитлер чехословацкой делегации. — Вы им глубоко безразличны.

Большая часть страны вошла в состав рейха под названием «Протекторат Богемия и Моравия». Словакия становилась «независимым» государством под патронажем Германии. Значительная часть территории бывшей Чехословакии перешла Венгрии и Польше.

В августе 1939 года произошло одно событие, которое сыграло свою роль в боевых действиях на территории Африки. Египетский король Фарук, на словах неизменно подчеркивавший свою лояльность Великобритании, назначил премьер-министром Али Махер-пашу, оголтелого англофоба, который тайно поддерживал «державы оси».

В дальнейшем, при подготовке битвы с армиями Роммеля, англичане столкнутся с яростным сопротивлением «братьев-мусульман», деятельность которых поддерживал Махер-паша. И только решительность британского посольства, добившегося назначения на пост премьера своей креатуры Наххас-паши, поставила ситуацию на Ближнем Востоке под контроль союзников.

* * *

В четыре часа сорок минут первого сентября 1939 года началась вторая мировая война. Немецкие войска вошли в Польшу с одной стороны, русские войска через две недели — с другой и расчленили ее на две части.

Германский корабль «Шлезвиг-Гольштейн» обстрелял Гданьск, а самолеты подвергли бомбардировке жилые массивы, аэродромы, склады и казармы. Бронетанковые и моторизованные части гитлеровцев крушили польские части на узких участках фронта, что подтверждало правоту предвоенных идей де Голля.

Седьмого сентября правительство Польши перебралось в Люблин. Двадцать восьмого немцы заняли Варшаву, и германское радио сообщило о полной победе вермахта.

Семнадцатого сентября советские войска перешли польские границы и двинулись навстречу вермахту. Двадцать второго Красной Армией были заняты Брест и Львов, где она встретилась в теплой и дружественной обстановке с войсками Гитлера.

Это знаменательное событие было отмечено впечатляющим советско-германским парадом в Бресте, на улицах которого были повсеместно развешаны красные флаги — половина из которых была украшена свастикой, половина — серпом и молотом. С немецкой стороны парад принимал генерал Гудериан, с советской — комбриг Кривошеин.

Сталин и Гитлер чувствовали себя победителями. Причем у Генерального секретаря ЦК ВКП(б) было гораздо больше причин для радости. Ему удалось убедить Запад, что именно фюрер является носителем вселенского зла, а он, сын простого грузинского сапожника, всего лишь пытается спасти мир от «коричневой чумы».

Официальная советская историография описывает этот эпизод как переход советскими войсками границы с целью «взять под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии».

Третьего сентября Франция и Англия, следуя своим обязательствам перед Польшей, объявляют войну Германии, названную впоследствии «странной войной» из-за того, что ни первая, ни вторая не вели против агрессора никаких боевых действий. Французы продолжали рассчитывать на «линию Мажино» как на панацею от гитлеровского вторжения.

В первые месяцы «странной войны» ста десяти англо-французским дивизиям противостояло только двадцать три дивизии вермахта. Остальные силы гитлеровцев вели боевые действия на востоке Европы.

Двадцать шестого сентября правительство Даладье издает декрет о запрете Французской коммунистической партии (ФКП), а в октябре выдает ордера на арест не мобилизованных в армию депутатов-коммунистов. Распускаются профсоюзы.

Двадцать восьмого сентября 1939 года был подписан советско-германский договор о дружбе, сотрудничестве и границе. Молотов заявил своему немецкому коллеге, что Советский Союз хотел бы вернуть себе Финляндию и Прибалтику, утерянные по условиям Брест-Литовского договора 1918 года.

Министру иностранных дел фашистской Германии Иоахиму фон Риббентропу не хотелось отдавать Сталину всю Прибалтику, и он предложил компромиссный вариант: Литва — рейху, Латвия и Эстония — Советам. Однако аргументы СССР оказались более серьезными.

Позже бесноватый фюрер писал:

«Пакт с Россией не мог побудить меня по-иному отнестись к внутреннему врагу. Но сами по себе коммунисты мне в тысячу раз симпатичнее того же Штархемберга *(князь фон Штархемберг — участник «пивного путча», впоследствии разошедшийся во взглядах с А. Гитлером. — М.М.)* У них здоровые натуры…»

Сразу после подписания пакта Советская Россия предложила прибалтам подписать договор о базировании Балтийского флота в прибалтийских портах, что было немедленно сделано. Уже в середине июня правительствам прибалтийских стран предъявили ультиматумы, в которых их обвиняли в том, что они планировали нападение на Красную Армию и требовали немедленной отставки прибалтийских правительств, а также допуска советских воинских контингентов на территории Латвии, Литвы и Эстонии. Москва заявила, что в формировании новых прибалтийских правительств примут участие ее представители.

Ответ прибалтов не имел никакого значения для Москвы (и Латвия, и Литва, и Эстония приняли сталинский ультиматум). И вскоре под руководством В. Деканозова, А. Вышинского и А. Жданова в бывших независимых странах были созданы новые правительства.

Тем временем французские монополии в нарушение всех постановлений правительства и этических норм через подставные компании в третьих странах наращивают поставку в рейх новейшего технологического оборудования и стратегического сырья. Только в декабре из Франции в Германию было вывезено около двадцати тысяч тонн железной руды.

1940 год

Весной на западных границах Франции было сосредоточено до ста пятнадцати немецких дивизий.

Двадцать четвертого февраля германским генеральным штабом был утвержден окончательный вариант нападения на Францию. Восемнадцатого в марта Адольф Гитлер и Муссолини встретились на перевале Бренкер, где договорились об участии Италии в предстоящих боевых действиях.

Де Голль обращается ко всем крупных политическим деятелям Франции с требованием немедленных действий во имя спасения страны. Он заклинает принять срочные меры, дабы предотвратить блицкриг на территории Франции; он предлагает собрать воедино все имеющиеся танки и создать крупные танковые соединения, которые смогли бы противостоять аналогичным соединениям вермахта.

Ответом стало разрешение на формирование одной танковой дивизии, в ведение которой было передано сто двадцать танков, хотя де Голль считал минимальным количеством полтысячи боевых машин.

* * *

Тридцатого ноября 1939 года советские войска перешли в наступление на всем протяжении советско-финской границы. Наступление Красной Армии продолжалось вплоть до пятого декабря, когда она уперлась в знаменитую «линию Манергейма», строительство которой продолжалось более десяти лет, и к концу декабря наступление советских войск было окончательно остановлено.

Четырнадцатого декабря СССР, развязавший войну с Финляндией, был исключен из Лиги наций, что не затронуло его политических интересов. Если, конечно, не считать «морального эмбарго» американцев, «угрозы» вмешательства в войну «мощных» армий Норвегии и Швеции на стороне финнов и помощи финской армии устаревшим вооружением.

С началом советско-финской войны в Финляндию из Франции перебросили сто семьдесят пять самолетов, пятьсот артиллерийских орудий, пять тысяч единиц стрелкового оружия и начали подготовку к отправке специальный экспедиционный альпийский корпус, что в создавшихся условиях было абсолютно бессмысленным.

Кроме того, разрабатывался план войсковой операции против СССР со стороны Кавказа. Было намечено нанести авиационный удар по нефтяным разработкам в Азербайджане, дабы лишить Советский Союз топливной базы и вовлечь его в конфликт с Турцией. Руководить операцией поручалось генералу Вейгану.

Де Голль выступает против этих шагов правительства, считая безрассудством отвлечение техники на далекие театры военных действий, когда Франция сама стоит перед лицом самой серьезной военной угрозы за всю свою историю.

Только подписание советско-финского мирного договора двенадцатого марта 1940 года прервало подготовку Франции к военному вмешательству на севере Европы.

В апреле 1940 года гитлеровские войска оккупировали территории Дании и Норвегии.

* * *

Десятого мая пришел конец «войне без событий».

Несколько бомбардировщиков «люфтваффе» нанесли символический удар по Фрайбургу и обвинили в этом акте Францию. Немцы двинули десять бронетанковых и шесть моторизованных дивизий на Бельгию, Голландию и Люксембург, сокрушая все на своем пути и расчищая дорогу на Францию.

Гитлер хотел заставить французские и английские войска войти в Бельгию, чтобы связать их там изнурительными оборонительными боями с меньшей частью своих соединений. Основные силы Гитлер бросил на Арденны и Северную Францию, чтобы пробиться к Ла-Маншу. Эта военная хитрость оправдалась целиком и полностью.

Хваленая «линия Мажино» ни на секунду не приостановила наступления вермахта; ее обошли со стороны Бельгии и Седана, где она заканчивалась. В тот же день германская авиация разбомбила французские аэродромы, после чего преимущество немцев в воздушных боях стало подавляющим.

Несмотря на некоторый перевес Франции в тешках, никакого преимущества это не дало, ибо их большинство было рассеяно по всей линии фронта, в то время как немецкая бронетехника была сконцентрирована на одном направлении.

Одиннадцатого мая де Голль возглавляет Четвертую бронетанковую дивизию, вновь сформированную из разрозненных соединений.

В течение трех дней немцы взломали стокилометровую линию фронта и двенадцатого мая вышли к реке Маас.

Четырнадцатого мая Гудериан форсировал Маас и направил свой корпус к Ла-Маншу.

Пятнадцатого мая главнокомандующий голландской армией приказал прекратить сопротивление. Поль Рейно обратился к Черчиллю, который четырьмя днями раньше сменил на посту премьер-министра Чемберлена. «Вчера вечером мы проиграли битвы, — телеграфировал он новому хозяину Даунинг-стрит. — Пришлите нам все самолеты и войска, какими вы располагаете».

Черчилль обещал приехать в Париж, чтобы обсудить положение с французским руководством на месте.

Тогда же французское правительство сменило на посту главнокомандующего Гамелена Вейганом, а семнадцатого мая немецкие войска подошли к Брюсселю.

Де Голль с горечью думал о том, что все развивается по сценарию, который он несколько лет подряд рисовал перед ведущими политиками страны.

В одной из своих книг он писал:

> «Высоты на рубеже Мозеля и Мааса, граничащие с одной стороны с лотарингским плато, а с другой — с Арденнами, представляют, правда, значительные препятствия. Но эти реки неглубоки, и достаточно одной ошибки, какой-либо неожиданности или минутной оплошности, чтобы потерять эти позиции и обнажить свой тыл при всяком отступлении в Эно или во Фландрии. На этих низких равнинах не найти никакой естественной преграды, на которую могла бы опереться линия сопротивления; там нет линии господствующих высот и нет рек, текущих параллельно фронту. А еще хуже то, что географические условия благоприятствуют нападающему, предоставляя ему многочисленные пути для вторжения, как, например, долины рек Мааса, Самбры, Скарпы и Лисы; здесь реки, шоссейные дороги и железнодорожные линии служат как бы проводниками противнику».

Пятнадцатого мая де Голль получает приказ соединиться с Шестой армией, чтобы препятствовать гитлеровцам, стремящимся оккупировать столицу.

Шестнадцатого мая состоялась встреча Черчилля с Рейно, Даладье и Гамеленом. «Глубокое уныние, — писал впоследствии английский премьер, — было написано на их лицах».

— Есть ли у Франции стратегические резервы? — спросил Черчилль у французского руководства.

— Нет, — в отчаянии произнес Рейно. — Нет!

Восемнадцатого мая Поль Рейно, оставаясь премьером, принял на себя обязанности министра обороны. Даладье стал министром иностранных дел, Анри Филипп Петен, бывший до этого послом Франции во франкистской Испании, стал вице-премьером.

Тем временем немцы форсировали реки Уазу и Самбру и вошли в Ле-Като и Сен-Кантен, то есть смогли за короткий период преодолеть почти полторы сотни километров.

Двадцать пятого мая Вейган сказал Рейно сакраментальную фразу:

— Франция совершила огромную ошибку, вступив в войну, — произнес он. — Теперь ей придется дорого заплатить за это преступное неблагоразумие.

— Если Германия предложит нам относительно выгодные условия, — поддержал его президент Франции Лебрен, — мы должны внимательно изучить и трезво обсудить их.

Интересно, что слова Вейгана удивительным образом перекликаются с сентенциями Й. Геббельса, который писал:

«Жизнь в оккупированных врагом районах Запада представляется сущим адом. Французский народ вынужден дорого расплачиваться за глупость своего правительства, которое объявило нам войну в сентябре 1939 года. Но он и заслужил этого. Как и поляки, которые теперь со слезами на глазах внушают мировой общественности, что они потеряли к настоящему времени в результате голода, депортации и уничтожения десять миллионов человек. Это — наказание за высокомерие, проявленное поляками в августе 1939 года».

Двадцать шестого мая немцы заняли Булонь и Калэ. И когда по приказу короля Леопольда III бельгийская армия капитулировала, армии союзников на севере оказались в тяжелом положении и должны были пробиваться вдоль узкого коридора к Дюнкерку.

Гордон Уотерфилд отмечал:

> «В эти тревожные дни французы создали оборонительную линию вдоль рек Соммы и Эн. Эта линия шла от Ла-Манша в юго-восточном направлении, через Аббевиль, Амьен, Перонну и Гам, а затем поворачивала к востоку вдоль канала Элетт и Уазы, через Невшатель, Ретель и Аттиньи и далее вдоль Арденского канала до линии Мажино у Монмеди и Лонгви. В конце мая я посетил французскую механизированную дивизию на реке Эн к востоку от Аттиньи. Эта дивизия остановила продвижение отборной

германской бронетанковой дивизии. Французский командующий, генерал Бюиссон, был по характеру оптимистом. Только этим и можно объяснить, что в такой критический момент он разрешил военным корреспондентам посетить свою дивизию».

* * *

Семнадцатого мая де Голль начинает неожиданное наступление в направлении Монкорне, чтобы не дать неприятелю подойти к позициям, которые должны были быть занятыми Шестой армией. Его войска отчаянно сражаются за каждый клочок земли, и под адским огнем танкового корпуса генерала Гудериана де Голлю удается добиться тактических успехов, максимально возможных в тех условиях. Однако они не смогли оказать серьезного влияния на общее положение французской армии.

Генерал Гудериан в «Мемуарах солдата» писал:

> «Мы были информированы о присутствии Четвертой бронетанковой дивизии генерала де Голля, который давал о себе знать с 16 мая… Де Голль не уклонялся от боев и с несколькими отдельными танками 19 мая прорвался на расстояние двух километров от моего командного пункта… Я пережил несколько часов неуверенности».

Тем не менее премьер-министр Франции Поль Рейно сумел, наконец, оценить правоту де Голля, давным-давно предупреждавшего о громадной роли танков в предстоящей войне.

Двадцать восьмого мая полковник де Голль был произведен в чин бригадного генерала.

* * *

Третьего июня по Парижу впервые был нанесен бомбовый удар. Сотни парижан погибли. Налет начался в половине второго по полудню и вызвал большие разрушения в столице.

Пятого июня полным поражением закончилась битва под Дюнкерком. В четыре часа дня немцы начали наступление, в котором участвовало пятьсот тысяч солдат и около тысячи самолетов. На фронте, протяженностью в две сотни километров,

было обозначено три главных удара: в районе Амьена, Перонны и канала Эллет.

В тот же день Поль Рейно производит перестановку в своем кабинете, в результате которой укрепляет свои позиции вице-премьер, старый знакомый де Голля маршал Анри Филипп Петен и его единомышленники, считавшие войну проигранной и выступающие за «почетный мир» с Германией на любых условиях. Генерал Шарль де Голль был приглашен на должность госсекретаря (младшего министра) национальной безопасности.

Спустя четыре дня Италия, боясь опоздать к разделу Франции, объявила ей войну. Предвидя скорую сдачу Парижа, правительство срочно покидает столицу и переезжает в Бордо.

Четырнадцатого июня по приказу военного министра генерала Вейгана Париж был сдан без боя. Де Голль предлагал Рейно эвакуацию правительственных структур и остатков армии на заморские территории, чтобы продолжить сопротивление, однако премьер-министр, имея сильную оппозицию в собственном кабинете, предпочел подать в отставку.

Во главе государства стал восьмидесятичетырехлетний маршал Анри Филипп Петен, выпускник Сен-Сира, герой первой мировой войны, много лет занимавший пост военного министра в нескольких французских правительствах. Вторым лицом был объявлен Пьер Лаваль, сделавший головокружительную карьеру, пройдя путь от неудачливого адвоката до сенатора.

Заняв пост премьер-министра, Анри Филипп Петен немедленно связался по телефону с министром иностранных дел Испании Хуаном Байгбедером и своим близким другом немецким послом в Испании фон Шторером и сообщил, что Франция прекращает сопротивление.

Двадцатого июня немецкое радио сообщило, что германское верховное командование готово заключить перемирие, и уже на следующий день французская делегация во главе с генералом Хюнтцигером была доставлена в Компьенский лес под Парижем. В том самом вагоне, где в 1918 году маршал Фош продиктовал германским представителям условия перемирия, нынешнюю французскую делегацию встречали злорадствующие Гитлер, Геринг, Гесс, Риббентроп, Редер и Кейтель.

История Третьей республики, насчитывающая семьдесят пять лет, закончилась.

Двадцать четвертого июня было достигнуто перемирие между фашистской Италией и Францией.

Оба договора вступили в силу двадцать пятого июня 1940 года в один час пятнадцать минут.

Однако еще тридцатого июня несколько французских

дивизий мужественно сражались с захватчиками, а на «линии Мажино» многие гарнизоны отказывались признавать позорный мирный договор.

Двадцать шестого июня французская подводная лодка «Рюби» потопила вражеский корабль.

Надо сказать, что в момент наивысшей угрозы на германо-французском фронте Поль Рейно обратился к Сталину с просьбой оказать помощь самолетами и немедленно получил утвердительный ответ. Однако обещанная помощь оказалась невостребованной в связи с подписанием перемирия. С аналогичной просьбой французы обратились к правительству США и получили ответ, что американский народ готов оказать моральную и материальную поддержку, но не военную.

Очевидец событий Андре Симон отмечал:

> «…для Франции началась эпоха «отечества, труда и семьи» — гитлеро-петеновская эра».

С начала войны прошло меньше девяти месяцев. Собственно же боевые действия продолжались неполных тридцать восемь дней.

Впоследствии, анализируя причины быстрого поражения, генерал де Голль писал:

> «…командные кадры, лишенные систематического и планомерного руководства со стороны правительства, оказались во власти рутины. В армии господствовали концепции, которых придерживались еще до окончания первой мировой войны. Этому в значительной мере способствовало и то обстоятельство, что военные руководители дряхлели на своих постах, оставаясь приверженцами устаревших взглядов… Идея позиционной войны составляла основу стратегии, которой собирались руководствоваться в будущей войне. Она же определяла организацию войск, их обучение, вооружение и всю военную доктрину в целом».

Согласно условиям перемирия, французские армия и флот подлежали разоружению и демобилизации. Германия и Италия получали в свое полное распоряжение или под свой контроль в исправном состоянии всю французскую артиллерию, все танки и самолеты, все средства тяги, боеприпасы и стрелковое оружие.

Демаркационная линия разделяла страну на две зоны: оккупированную вермахтом и неоккупированную. Большая часть страны, в том числе Париж и крупнейшие промышленные центры,

попадали под юрисдикцию фашистской Германии. Франция брала на себя обязательство содержать оккупационные войска, выделяя на эти цели двенадцать миллиардов франков ежемесячно. На занятой гитлеровцами территории до войны проживало шестьдесят пять процентов населения, выплавлялось девяносто семь процентов чугуна и девяносто четыре процента стали, добывалось семьдесят девять процентов угля, сто процентов железной руды.

Десятого июля Лаваль, открывая так называемое «Национальное собрание», заявил:

«Поскольку демократия решила вступить в борьбу против нацизма и фашизма и проиграла ее, она должна исчезнуть. На смену ей должен прийти новый, смелый авторитарный режим, национальный и социальный».

Формально правительство Петена обладало самостоятельностью: издавало законы, декреты, назначало государственных чиновников и отныне располагалось в курортном городишке Виши. Петеновскому режиму разрешалось иметь небольшую — стотысячную — армию. Марионеточный режим поддерживал дипломатические отношения с рядом государств.

На неоккупированной территории запрещалась любая оппозиционная деятельность.

* * *

Позже Адольф Гитлер скажет:

«Все, что я видел в Париже, оставило меня равнодушным».

Впрочем, по свидетельству другого фашистского функционера, главного архитектора фюрера Альберта Шпеера, Гитлер, напротив, восторгался красотами столицы Франции: «Увидеть Париж было мечтой моей жизни. Не могу выразить, до чего я счастлив, что… эта мечта сбылась».

«Вечером того же дня, — продолжает вспоминать Шпеер, — он (Гитлер) вторично принял меня в маленькой горнице крестьянского дома. Он сидел один за столом. Без долгих подходов он сказал: «Подготовьте текст указа, которым я велю возобновить в Берлине строительные работы в полном объеме… Разве Париж не прекрасен? Берлин должен стать еще прекрасней. Раньше я часто задавался вопросом, не следует ли разрушить Париж, — продолжал он с таким же невозмутимым спокойствием, словно речь шла о простейшем деле, — но когда мы доведем до конца строительство в Берлине, Париж станет не более чем

тенью. Так чего ради разрушать его?»

После подписания перемирия между Германией и Францией Соединенные Штаты продолжали поддерживать дипломатические отношения с Виши. Американское правительство через Красный Крест оказывало марионеточным властям обширную продовольственную помощь. США надеялись, что это сделает Петена более сговорчивым в вопросах неограниченного доступа США к французским колониальным владениям. Американцы требовали размещения военных баз на Антильских островах, островах Мартиника и Сен-Пьер, а также во Французской Гвиане.

Девятого июня состоялась первая встреча де Голля с Черчиллем в Бриоре в ходе трехчасовых переговоров о судьбе Франции, где между генералом и премьер-министром сразу же возникли тесные деловые отношения. Впрочем, Уинстон Черчилль, поручая генералу Спирсу подобрать будущего руководителя французского правительства в изгнании, отнюдь не подразумевал де Голля, полагая его недостаточно авторитетной фигурой.

Вот что вспоминает об этой встрече генерал де Голль:

«Черчилль принял меня на Даунинг-стрит. Это была моя первая встреча с ним. Впечатление от нее укрепило мое убеждение в том, что Великобритания, руководимая таким борцом, как он, никогда не покорится. Черчилль показался мне человеком, которому по плечу самая трудная задача, только бы она была при этом грандиозной. Уверенность его суждений, широкая эрудиция, знание большинства проблем, стран, людей, о которых шла речь, наконец, огромный интерес к военным вопросам проявились в ходе беседы в полной мере. Кроме всего прочего, по своему характеру Черчилль был создан для того, чтобы действовать, рисковать, влиять на ход событий, причем решительно и без стеснений».

* * *

Шестнадцатого июня 1940 года генерал де Голль в качестве заместителя военного министра встретился в Лондоне с Черчиллем, лордом Галифаксом и французским послом. В тот же день он вылетел на родину, где встретился с Рейно и передал ему проект слияния Англии и Франции в одно государство, чему помешала отставка премьер-министра.

Семнадцатого июня генерал де Голль, его адъютант Жоффруа де Курсель и начальник дипломатической канцелярии Ролан де Маржери снова летят в Лондон, где состоялась новая встреча

премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля и будущего президента Пятой республики. Участники встречи уже знали, что Петен обратился к Гитлеру с просьбой о перемирии и выступил по радио.

Престарелый Анри Филипп Петен сказал:

> «Никому не удастся расколоть французов в момент, когда их страна испытывает страдание. Франция понимает, что она заслужила уважение всего света… Французы уверены, что, признав свое поражение, они проявят больше величия, нежели выдвинув против него бесплодные речи и иллюзорные проекты… С болью в сердце я говорю вам сегодня о том, что надо прекратить борьбу. Сегодня ночью я обратился к противнику, для того чтобы спросить его, готов ли он искать вместе со мною как солдат с солдатом, после борьбы и сохраняя честь, средства положить конец военным действиям».

Де Голль убеждал Черчилля в том, что Франция отнюдь не сложила оружия, что французы никогда не примирятся с позорной капитуляцией. Генерал сказал, что он продолжит борьбу с немецко-фашистскими захватчиками и готов возглавить сопротивление.

Восемнадцатого июня де Голль выступил по Би-би-си с обращением к Франции. Это событие принято считать эпохальным в борьбе французского народа с немецко-фашистскими захватчиками.

Вот его выступление:

«Военачальники, возглавлявшие в течение многих лет французскую армию, сформировали правительство. Ссылаясь на поражения наших армий, это правительство вступило в переговоры с противником, чтобы прекратить борьбу.

Конечно, нас подавили и продолжают подавлять механизированные, наземные и воздушные силы противника.

Нас вынуждают отступать не столько численное превосходство немцев, сколько их танки, самолеты, их тактика. Именно танки, самолеты, тактика немцев в такой степени захватили наших руководителей врасплох, что ввергли их в то положение, в котором они сейчас находятся.

Но разве сказано последнее слово? Разве нет больше надежды? Разве нанесено окончательное поражение? Нет!

Поверьте мне, ибо я знаю, о чем говорю: для Франции ничего не потеряно, мы сможем в будущем одержать победу теми же средствами, которые причинили нам поражение.

Ибо Франция не одинока! Она не одинока! Она не одинока!

За ней стоит обширная империя. Она может объединиться с Британской империей, которая господствует на морях и продолжает борьбу. Она, как и Англия, может неограниченно использовать мощную промышленность Соединенных Штатов.

Эта война не ограничится лишь многострадальной территорией нашей страны. Исход этой войны не решается битвой за Францию. Это мировая война. Невзирая на все ошибки, промедления, страдания, в мире есть средства, достаточные для того, чтобы в один прекрасный день разгромить наших врагов. И хотя мы сейчас подавлены механизированными силами, в будущем мы сможем одержать победу при помощи превосходящих механизированных сил. От этого будут зависеть судьбы мира.

Я, генерал де Голль, находящийся в настоящее время в Лондоне, обращаюсь к французским офицерам и солдатам, которые находятся на британской территории или могут там оказаться в будущем, с оружием или без оружия; к инженерам и рабочим, специалистам по производству вооружения, которые находятся на британской территории или могут там оказаться, с призывом установить контакт со мной.

Что бы ни произошло, пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет.

Завтра, как и сегодня, я буду выступать по Лондонскому радио».

Мужественный поступок генерала не оставило без внимания советское руководство, которое распорядилось срочно собрать самые подробные сведения о Шарле де Голле. В то время СССР поддерживал дипломатические отношения с Виши, куда из Парижа вместе с Петеном и его приспешниками переехало советское посольство.

Сбором сведений о генерале было поручено заниматься товарищам из Народного комиссариата иностранных дел и Исполнительного комитета III Интернационала.

Уже одиннадцатого июля «живая легенда» ФКП Жак Дюкло сдал своим кремлевским шефам подробный отчет, в котором характеризовал генерала де Голля как ставленника английского империализма и выходца из французских буржуазных слоев.

Однако эта эпистола не стала руководством к действию, и Жак Дюкло получил указание от генерального секретаря Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) Георгия Димитрова забыть о своем негативном отношении к генералу.

В то же время советские компетентные органы продолжали сбор информации о генерале и не спешили объявить

официальное к нему отношение. Это продолжалось до тех пор, пока один из немногих коммунистов, относящихся к де Голлю с симпатией, писатель Жан-Ришар Блок получил разрешение положительно оценить деятельность де Голля как лидера «Свободной Франции».

Вот что писал о генерале писатель-коммунист:

«Первые же выступления генерала по лондонскому радио в июне явно всколыхнули, наэлектризовали Францию. Он призывал эту раздавленную страну к борьбе, он призывал эту разоруженную страну к борьбе, он призывал эту униженную страну к чести, он призывал эту разбитую страну к реваншу, он призывал эту оккупированную страну к освобождению. Он называл измену изменой, он создавал армию, он заклинал «французскую империю» сплотиться вокруг Великобритании. Даже у коммунистов зарождалось тайное нежное чувство к этому энергичному человеку, о котором почти ничего не было известно…»

Однако «нежные чувства» французских коммунистов к генералу оказались недолговечными.

* * *

С началом «странной» войны Французская республика ощутила стратегические преимущества, которые обеспечивали ей колонии. Уже осенью 1939 года на действительную военную службу было призвано свыше двухсот тысяч жителей Алжира, из которых больше половины были арабами.

Слова де Голля о том, что «за ней (Францией) стоит обширная империя», не были пустым звуком. Предательство Петена встретило растущее сопротивление не только во Франции, но и в ее колониях. После исторического выступления де Голля по британскому радио, французские колонии одна за другой начали присоединяться к «Свободной Франции».

Позже один из героев второй мировой войны генерал Ф. Леклерк де Отклок вспоминал:

«Начиная с 1940 года, удивленный мир смог увидеть, как наша империя устремилась на помощь матери-родине. Эта империя стала театром первых побед нашей возрождающейся силы. Она была также одним из участников этих побед, поскольку ее ресурсы позволили нам воссоздать французскую армию».

Аборигены французских колоний в Африке составляли значительную часть вооруженных сил «Сражающейся Франции» и принимали самое активное участие в боевых действиях на

территории Европы. По признанию генерала де Голля, две трети французских армий, ведущих освободительную войну с гитлеровцами, состояли из африканцев и арабов.

* * *

Девятнадцатого июня из Бреста на последнем пароходе из Франции прибыла мадам де Голль с детьми. Сначала они жили в Лондоне, но вскоре переехали в пригород. Филипп де Голль поступил в английскую морскую школу, а Элизабет — на курсы медицинских сестер.

Мать де Голля осталась во Франции и скончалась шестнадцатого июля 1940 года, услышав за несколько дней до смерти выступление Шарля по Би-би-си:

«Если четырнадцатое июля 1940 года — это день траура для нашей родины, пусть он же станет днем надежды. Победа будет за нами! И мы добьемся ее, за это я отвечаю, с участием французского оружия!»

Да, таким сыном можно гордиться.

Отпевали мать генерала в пемпонской церкви. Вишистская администрация запретила произносить священникам и упоминать в прессе фамилию де Голль. Мать генерала хоронили как Жанну Майо, однако Франция знала, кто ушел из жизни. Несмотря на категорический запрет властей, жандармы выстроились в почетный караул у гроба матери будущего освободителя республики.

* * *

К этому времени под командованием генерала находилось всего два французских батальона, эвакуированных из Норвегии, и три небольших корабля. Из высокопоставленных военных и гражданских чиновников, присоединившихся к генералу, следует отметить адмирала Мюзелье, генерала Катру, генерала Лежантийома, администратора кабинета Рейно Гастона Палевски и других.

Девизом «Свободной Франции» стали слова «Честь и Родина», а эмблемой — лотарингский крест. Черчилль приказал отвести правительству де Голля время на Лондонском радио, которое начало вещание на Францию. Это помогло де Голлю заявить о себе на родине, где крепла оппозиция вишистскому правительству.

Двадцать восьмого июня де Голль узнал, что «Правительство Его Величества признает генерала главой всех свободных французов, которые, где бы они ни находились, присоединяются к нему для защиты дела союзников». Де Голлю и его сподвижникам был предложен офис на Карлтон-Гардене, 4.

Третьего июля английский флот внезапно атаковал французскую (вишистскую) эскадру у берегов Алжира. Несколько минут потребовалось британскому флоту, чтобы вывести из строя французские корабли, стоявшие на якоре у пирса Мерс-эль-Кебир. В тот же день английские власти захватили все французские плавсредства, находящиеся в английских портах.

В результате описываемых событий Франция потеряла полторы тысячи человек убитыми и ранеными.

Правительство Виши разорвало с Великобританией дипломатические отношения, а де Голль публично заявил о своем резком осуждении неожиданной акции англичан, ибо полагал, что петеновская пропаганда не преминет использовать атаку для дискредитации «Свободной Франции».

* * *

Де Голль продолжал прибирать к руками заморские, в первую очередь африканские территории. В июле о присоединении к «Свободной Франции» заявили администрации колоний Французской Экваториальной Африки — Чада, Конго, Убанги-Шари, Габона и Камеруна. О своем признании де Голля заявило несколько французских колоний в Тихом океане.

Однако вовлечение колоний в мировую войну имело и оборотную сторону. Народы, находящиеся под управлением Французской республики, ожидали от метрополии шагов, направленных на представление им полной независимости. Де Голль удерживал колонии в составе империи, но это давалось все труднее и труднее. Даже в самых отсталых странах Черной Африки размышляли о своем месте в современном мире, мечтая о дне, когда их родина обретет свободу.

Де Голль и его соратники понимали, что старые методы управления все чаще дают сбои, и искали новые формы сосуществования с колониями, тем более, что без их поддержки трудно было себе представить как победу, так и последующее возрождение Франции.

Важную роль в работе с колониями сыграла Браззавильская конференция губернаторов заморских территорий, на которой была разработана концепция трансформации империи в союз.

Губернаторами был предложен ряд мер по повышению жизненного уровня населения колоний и модернизации экономики зависимых стран.

* * *

Седьмого августа 1940 года де Голль и Черчилль договорились об основах формирования французских добровольческих сил в Великобритании и их последующем участии в борьбе с общим противником. Согласно этим договоренностям англичане обязались финансировать де Голля и, несмотря на то, что Черчилль не рассматривал де Голля как отправителя государственных функций, генералу разрешили использовать в своих структурах элементы будущего государственного аппарата. В военных вопросах договор обязывал де Голля подчиняться директивам английского командования.

В то время де Голль всецело зависел от Черчилля и посчитал условия соглашения вполне приемлемыми.

За день до этого де Голль и Черчилль договорились о совместной акции — штурме Дакара с моря, которая бесславно провалилась. После трех дней артиллерийской перестрелки между кораблями союзников и оборонительными редутами Дакара изрядно побитые нападавшие отошли в море.

* * *

Тридцатого июня 1940 года де Голль получил письмо от поверенного в делах Франции в Лондоне де Кастелляна.

> «Генерал!
>
> По поручению французского правительства имею честь препроводить вам прилагаемое при сем извещение.
>
> Прошу подтвердить его получение.
>
> Примите, генерал, уверения в моих самых лучших чувствах».
>
> В письмо был вложен следующий документ:
>
> «По распоряжению судебного следователя при постоянном военном трибунале Семнадцатого округа от 27 июня с.г. временно исполняющий должность бригадного генерала де Голль (Шарль Андре Жозеф Мари), обвиняемый в отказе от повиновения в условиях военного времени и в подстрекательстве

военнослужащих к неповиновению, предан суду военного трибунала Семнадцатого округа.

Приказ об аресте отдан сего числа.

Председатель трибунала подписал 28 июня постановление, требующее, чтобы он явился в тюрьму Сен-Мишель в Тулузе до истечения пятидневного срока, начиная с 29 июня 1940 г.; в противном случае он будет судим заочно».

Де Голль ответил, что его не интересуют документы, подписанные чиновниками вишистского правительства.

* * *

Двадцать седьмого октября 1940 года, находясь в Конго, генерал де Голль издает Манифест о структуре французской власти во время войны, в котором резко осудил деятельность маршала Петена. Вместе с Манифестом увидел свет ордонанс (указ), доводящий до сведения французов и союзников факт создания Совета обороны империи, призванного руководить военными действиями.

В Совет обороны вошли бывший генерал-губернатор Индокитая Катру, адмирал Мюзелье, генерал де Лармина, д'Аржелье, Леклерк, губернатор Чада Эбуэ и др.

В Манифесте говорилось:

«Орган, находящийся в Виши и претендующий на то, чтобы называться правительством, является неконституционным и подчиняется захватчикам… Поэтому необходимо, чтобы новая власть взяла на себя задачу руководить военными усилиями Франции… Я буду осуществлять свою власть от имени Франции».

Семнадцатого ноября де Голль возвращается в Великобританию, чтобы работать над завершением формирования собственного Управления политическими делами, которое состояло из Генерального штаба и информационной службы. На первом этапе главной задачей создаваемой структуры была реклама «Свободной Франции», ее признание международной общественностью и набор рекрутов в боевые отряды. С этой миссией во все концы света отправились эмиссары де Голля, многие из которых успешно справились со своей задачей.

И все-таки, несмотря на титанические усилия, к концу 1940

года де Голль располагал всего-навсего семью тысячами солдат и офицеров.

1941 год

К началу года положение де Голля как главы правительства в изгнании было чрезвычайно шатким. Соединенные Штаты поддерживали дипломатические отношения с Петеном и не видели в генерале легитимного руководителя Франции. Отношения де Голля с Черчиллем никогда не отличались стабильностью, перетекая из дружеских в откровенно враждебные.

Двенадцатого мая 1941 года адмирал Дарлан, один из самых высокопоставленных чиновников в правительстве Виши, встретился в Берхтесгадене с Адольфом Гитлером. На этой встрече адмирал сообщил фюреру, что правительство Анри Филиппа Петена передает Германии военно-воздушные и военно-морские базы Франции, расположенные в Сирии, Северной и Западной Африке. Через две недели вишистская и германская стороны подписали секретный протокол о предоставлении Франции видимости политических уступок как средства оправдания перед общественным мнением возможного вооруженного конфликта между Францией, с одной стороны, и Великобританией и США — с другой.

— Французы, вам надлежит следовать за мной без всяких задних мыслей по пути чести и национальных интересов, — говорил престарелый маршал своему народу, понимая под «задними мыслями» борьбу с фашизмом.

* * *

Восьмого июня 1941 года генерал Катру обратился к населению североафриканских колоний Франции с воззванием, в котором признавался их суверенитет и была обещана независимость в самом ближайшем будущем.

В тот же день началась одна из первых совместных военных операций английской и австралийской армий и «Свободной Франции», перед которыми ставилась задача — разбить экспедиционный корпус вишистского генерала Денца. Отряды «Свободной Франции» насчитывали около шести тысяч солдат, двадцать самолетов, десять танков и восемь орудий. Кровопролитное сражение завершилось полной победой союзнических войск. Несколько тысяч солдат и офицеров из поверженных войск Денца перешли на сторону де Голля.

Четырнадцатого июля, в День взятия Бастилии, был подписан

договор о перемирии, в котором говорилось о том, что Сирия переходит под протекторат Великобритании, что было полной неожиданностью для де Голля. Генерал заявил решительный протест и потребовал закрепить за Францией право на отвоеванные территории. В противном случае он угрожал начать боевые действия против англичан.

Черчилль пошел на определенные уступки, на чем конфликт посчитали исчерпанным.

* * *

Рассвет двадцать второго июня 1941 года открыл новую, самую важную, главу второй мировой войны. Адольф Гитлер без объявления войны напал на Советский Союз. В четыре утра силы «люфтваффе» пересекли границы СССР на всем их протяжении от Балтийского до Черного морей и обрушили бомбовые удары на военно-морские базы, города, железнодорожные узлы и другие жизненно важные объекты восточного соседа.

Тогда же, предварив наступление мощной артподготовкой, передовые части вермахта перешли границы СССР.

Германский фашизм нанес разящий удар по советской военной машине.

В «Военных мемуарах» генерал де Голль подчеркивал:

> «Советы убедились в бессмысленности политики, в силу которой они в 1917-м и 1939 годах заключили договоры с Германией, повернувшись спиной к Франции и Англии. Кремлевские руководители, которых гитлеровская агрессия повергла в крайнюю растерянность, немедленно и бесповоротно изменили свою позицию. И если еще в тот самый момент, когда немецкие танки пересекали русскую границу, радио Москвы продолжало клеймить «английских империалистов» и «их деголлевских наймитов», то буквально часом позже московское радио уже возносило хвалу Черчиллю и де Голлю».

Начало войны Германии и СССР де Голль встретил с энтузиазмом, полагая, что только Сталин способен справиться с фашистской угрозой. Однако он отдавал себе отчет в том, что возможная победа России может принести новые беды Европе и Франции.

Он писал:

«Разумеется, я не сомневался в том, что если Советы внесут основной вклад в достижение победы над врагом, то в результате в мире возникнут новые опасности…»

О начале военных действий между русскими и немцами де Голль узнал двадцать третьего июня 1941 года в Дамаске, куда он прибыл вслед за вступлением французских войск в город.

На следующий день он телеграфировал своему представителю в Лондон:

«Не вдаваясь в настоящее время в дискуссию по поводу пороков и даже преступлений советского режима, мы должны, как и Черчилль, заявить, что, поскольку русские ведут войну против немцев, мы безоговорочно вместе с ними…»

* * *

В первые дни войны выяснилось, что Красная Армия совершенно не подготовлена к ведению оборонительных действий, что привело к полному крушению военной доктрины советского командования, которое полагалось исключительно на возможность ведения войны на чужой территории в обстановке полного подавления авиации противника.

В полдень советское правительство обратилось к народу с заявлением, в котором говорилось:

«Сегодня в четыре часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел было совершены также с румынской и финляндской территорий.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора.

Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье

нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей… […] Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом».

Тридцатого июня советский посол при правительстве Петена А.Е. Богомолов был уведомлен о разрыве дипломатических отношений вишистской Францией с Советским Союзом и отозван в Москву. Тогда же посланник СССР в Лондоне Иван Майский сообщил в Наркоминдел, что у него состоялась встреча с представителем «Свободной Франции» профессором Кассеном, который заверил посла в искренней симпатии возглавляемой генералом организации к Советскому Союзу и выразил желание установить отношения с СССР на любом уровне.

В августе Кассен и Дежан вновь встретились с Иваном Майским и вновь поставили вопрос об установлении официальных отношений между «Свободной Францией» и Советским Союзом. Двадцать шестого сентября 1941 года посол СССР в Лондоне заявил от имени советского правительства, что оно «признает де Голля в качестве главы всех свободных французов…»

В начале ноября в Англию был переправлен Богомолов в ранге чрезвычайного полномочного посла СССР при союзных правительствах. Он отвечал за поддержание отношений со «Свободной Францией». В отличие от многих советских дипломатов тех лет А.Е. Богомолов произвел на генерала де Голля впечатление человека честного и открытого, который не боится юмора и сам умеет пошутить. В официальной же обстановке он был собран, насторожен и предельно официален.

Де Голлем в Москву были отправлены генерал Эрнест Пети, Роже Гарро и Раймон Шмиттлен, которые по не зависящим от них обстоятельствам появились в советской столице лишь в марте 1942 года.

С тех пор связь между «Свободной Францией» и СССР была двусторонней и постоянной.

* * *

Четырнадцатого июля 1941 года соединения «Свободной Франции» совместно с английскими экспедиционными войсками одержали первые важные победы на Ближнем Востоке над петеновскими армиями.

После подписания перемирия де Голль понял, что английское командование получило всю полноту власти над колониальными владениями Франции — Сирией и Ливаном. Генерал потребовал дересмотра текстов соглашений, и Черчилль, хотя и с явным неудовольствием, был вынужден пойти навстречу де Голлю.

Позднее английский премьер говорил о де Голле, что тот, являясь эмигрантом, приговоренным на родине к смертной казни, полностью зависимым от английского и американского правительств, тем не менее умело противостоял всему и всем, вызывая восхищение, даже совершая ошибки и просчеты.

Тем не менее, пойдя навстречу «Свободной Франции» в вопросах юрисдикции над Сирией и Ливаном, Черчилль некоторое время отказывался встречаться с генералом де Голлем. Этот эпизод дал повод некоторым деятелям «Свободной Франции» выразить неудовольствие авторитарными методами руководства организацией, однако де Голль сумел убедить соратников в своей правоте.

Двадцать четвертого сентября 1941 года де Голль утвердил Ордонанс о новой организации общественных властей «Свободная Франция», согласно которому учреждался Национальный комитет. Он будет являться органом государственной власти до тех пор, пока ситуация позволит провести свободные выборы на территории Франции. Национальный комитет возглавил де Голль. Он назначил министров (комиссаров) из числа своих сподвижников.

Деятельность каждого министра находилась под строгим контролем де Голля, и, когда однажды комиссар военного и торгового флота адмирал Мюзелье попытался противиться воле генерала, он был, несмотря на заступничество Черчилля, немедленно снят с поста и отстранен от участия в делах «Свободной Франции».

В середине того же года де Голль узнает, что на родине крепнет движение Сопротивления, состоящее из самых разнородных групп: социалистов, католиков, офицеров, предпринимателей, которые стремились к борьбе с оккупантами. Среди них было много тех, кто позже примкнет к де Голлю и на долгие годы свяжет свою судьбу с судьбой генерала. Это Эдмон Мишле, Жак Шабан-Дельмас, Жильбер Рено, Жан Мулен и другие.

Со временем Сопротивление стало внушительной и авторитетной силой, которую не мог не использовать в своей

борьбе генерал. С 1942 года была установлена регулярная связь между «Свободной Францией» и Сопротивлением. Де Голль через своих представителей навел контакты практически со всеми группировками Сопротивления, которые имелись как на оккупированной, так и на неоккупированной территориях Франции.

Двадцать седьмого сентября глава французской администрации в Леванте подтвердил признание независимости Сирии, а двадцать шестого ноября — Ливана, где тотчас были сформированы национальные правительства. К 1943 году были проведены выборы в местные органы законодательной власти. Двадцать второго декабря 1943 года Сирия и Ливан, с одной стороны, и Франция — с другой, заключили соглашение о постепенной передаче управленческих функций правительствам Дамаска и Бейрута. Проще говоря, после подписания договора часть властных полномочий перешла к национальным правительствам, что означало предоставление ограниченного суверенитета странам Леванта.

В середине 1944 года Сирия и Ливан установили дипломатические отношения с Советским Союзом.

Двадцать седьмого февраля 1945 года страны Леванта объявили войну Третьему рейху, а двадцать шестого июля подписали устав Организации Объединенных Наций (ООН), став ее учредителями. В конце 1941 года де Голль предложил Черчиллю использовать находящиеся под его командованием французские войска (две недоукомплектованные дивизии) в крупных наземных операциях в Северной Африке, однако получил отказ. Тогда де Голль обратился с аналогичным предложением к Сталину, после чего англичане пошли на уступки и предложили ему участвовать в предстоящем сражении с генералом Роммелем.

* * *

Воскресным утром седьмого декабря 1941 года японская авиация нанесла сокрушительный удар по военно-морской базе Соединенных Штатов — Перл-Харбору. Две тысячи американских солдат и моряков погибло, практически не успев вступить в схватку. Было пущено ко дну и повреждено восемь линкоров и десятки более мелких кораблей.

Седьмое декабря 1941 года вошел в американскую историю как «день позора». Началась война на Тихом океане. В августе 1945 года атомные бомбы «Малыш» и «Толстяк» были сброшены

американскими летчиками на японские города Хиросиму и Нагасаки.

1942 год

Вплоть до 1942 года подавляющее большинство французских профессиональных дипломатов игнорировало «Свободную Францию», предпочитая выслуживаться в петеновских структурах, что было связано со стойким неприятием де Голля аппаратом министерства иностранных дел, сложившимся во времена Третьей республики.

В связи с этим за внешнюю политику в деголлевском движении отвечали люди, весьма далекие от этого вида деятельности. Бюро внешних сношений «Свободной Франции» возглавляли на первых порах офицер иностранного региона Лапи, ученый-археолог Аккен и профессор Эскара. И только Морис Дежан, возглавивший комиссариат по иностранным делам, некоторое время до войны работал в одном из ведомств печати Кэ д'Орсэ (министерство иностранных дел) и начальником кабинета в правительстве Поля Рейно.

Представителями «Свободной Франции» при зарубежных правительствах также служили люди, не имевшие опыта дипломатической работы. В 1941 году переговоры с советским послом в Турции вел представитель генерала де Голля профессиональный журналист Жеро Жуф; в Южно-Африканском Союзе интересы «Свободной Франции» представлял генерал Пешков; в Мексике — доктор Медиом.

После Сталинградской битвы начинается массовый исход французских чиновников — в том числе и дипломатов — из Виши. Эти люди вливались в ряды сторонников генерала де Голля, повышая авторитет организации.

В феврале 1943 года на пост комиссара по иностранным делам де Голль назначает опытного функционера министерства иностранных дел Массигли, пользовавшегося большим доверием дипломатов. Массигли была поручена задача — восстановить сеть международных отношений, с которой тот справился в кратчайший срок.

* * *

Обменявшись послами со Сталиным, де Голль, в знак дружбы с Советским Союзом, направил в СССР отряд истребительной авиации «Нормандия», который вскоре был преобразован в авиаполк «Нормандия — Неман». Многие летчики этого полка впоследствии удостоились высоких правительственных наград

Советского Союза и Франции. Четверо были награждены орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Двадцатого января 1942 года де Голль выступил по британскому радио с речью:

«Нет ни одного честного француза, который бы не приветствовал победу России.

Германская армия, почти полностью брошенная, начиная с июня 1941 года, в наступление на всем протяжении этого гигантского фронта, оснащенная мощной техникой, рвущаяся в бой в погоне за новыми успехами, усиленная за счет сателлитов, связавших из честолюбия или страха свою судьбу с Германией, — эта армия отступает сейчас под ударами русских войск, подтачиваемая холодом, голодом или болезнями.

Сегодня для Германии войска на Восточном фронте — это лишь занесенные снегом кладбища, нескончаемые эшелоны раненых, внезапная смерть генералов. Конечно, не следует думать, что с военной мощью врага уже покончено. Однако нет никаких сомнений в том, что он потерпел одно из самых страшных поражений, какие когда-нибудь знала история.

В то время как мощь Германии и ее престиж поколеблены, солнце русской славы восходит к зениту. Весь мир убеждается в том, что этот 175-миллионный народ достоин называться великим, ибо он умеет сражаться, то есть превозмогать невзгоды и наносить ответные удары, потому что он сам поднялся, взял в руки оружие, организовался для борьбы и потому что самые суровые испытания не поколебали его сплоченности.

Французский народ восторженно приветствует успехи и рост сил русского народа. Ибо эти успехи приближают Францию к ее желанной цели — к свободе и отмщению. Смерть каждого убитого или замерзшего в России немецкого солдата, уничтожение на широких просторах под Ленинградом, Москвой или Севастополем каждого немецкого орудия, каждого самолета, каждого немецкого танка дают Франции дополнительную возможность вновь подняться и победить.

Но если в военном отношении до сих пор не произошло ничего более важного, чем поражение, нанесенное Гитлеру Сталиным на восточноевропейском фронте, то в практическом отношении тот факт, что завтра Россия, несомненно, будет фигурировать в первом ряду победителей, дает Европе и всему миру гарантию равновесия, радоваться которому у Франции гораздо больше оснований, чем у любой другой державы.

К общему несчастью, слишком часто на протяжении столетий на пути франко-русского союза встречались помехи или противодействия. Тем не менее необходимость в таком союзе

становится очевидной при каждом новом повороте истории.

Вот почему Сражающаяся Франция объединит свои возрожденные усилия с усилиями Советского Союза. Разумеется, подобное сотрудничество отнюдь не повредит борьбе, которую она ведет совместно с другими своими союзниками. Как раз наоборот! Но в наступившем решающем году Сражающаяся Франция на всех активных и пассивных участках боя этой войны с врагом докажет, что, несмотря на постигшее ее временное несчастье, она является естественным союзником новой России.

Разумеется, Франция ничего не ожидает в связи с этим от предателей и трусов, выдавших ее врагу, кроме яростного негодования. Эти люди, конечно, не преминут кричать, что победа на стороне России повлечет за собой в нашей стране социальное потрясение, которого они больше всего боятся. Французская нация презирает это очередное оскорбление. Она знает себя достаточно хорошо, чтобы понимать, что выбор ее собственного режима всегда будет только ее собственным делом. И к тому же она слишком дорого заплатила за позорный союз привилегированных лиц и за интернационал академии.

Страдающая Франция вместе со страдающей Россией! Сражающаяся Франция вместе со сражающейся Россией! Повергнутая в отчаяние Франция вместе с Россией, сумевшей подняться из мрака борьбы к солнцу величия!»

На фоне мужественной речи де Голля весьма беспомощно выглядел ответ престарелого маршала Петена. Он вещал:

«Наша знамя не запятнано. Никому не удастся расколоть французов в момент, когда их страна испытывает страдание. Франция понимает, что она заслужила уважение всего света… Французы уверены, что, признав свое поражение, они проявят больше величия, нежели выдвинув против него бесплодные речи и иллюзорные проекты…»

В ночь с третьего на четвертое марта 1942 года английская авиация наносит чувствительный бомбовый удар по заводам «Рено» в пригороде Парижа, что является полной неожиданностью для Петена.

Узнав о воздушной атаке англичан, Гитлер сказал:

«Очень жаль, что из-за какого-то пьяницы *(Черчилля. — М.М.)* приходится вести войну, а не заниматься каким-нибудь мирным делом, например, искусством».

* * *

Двадцать четвертого мая состоялась историческая встреча

Шарля де Голля и В.М. Молотова, сыгравшая ключевую роль во взаимоотношениях генерала де Голля и Советской России во второй мировой войне.

Молотов показался де Голлю серьезным, скупым на жесты, корректным, следящим за каждым словом и очень внимательным слушателем:

— Он никогда не выказывал волнения, не смеялся и не сердился, абсолютно точно формулируя официальную точку зрения.

— Советское правительство, — сказал Молотов де Голлю, слегка заикаясь, — готово содействовать всеми имеющимися в его распоряжении средствами восстановлению свободной и сильной Франции и желает тесно сотрудничать с нею, тем более, что между Францией и Россией не существует каких бы то ни было спорных вопросов политического или экономического характера.

— Благодарю вас, господин Молотов.

— Советский Союз, — невозмутимо продолжал нарком иностранных дел, — обещает полную поддержку Франции в вопросах сохранения за ней заморских территорий, например, Мадагаскара и Мартиники, если найдется желающий претендовать на них после окончания войны. В этом вопросе мы можем оказать вам любую помощь…

— Я очень на вас надеюсь, — сказал де Голль, понимая, что Молотов намекает на возможные претензии Соединенных Штатов.

— Советское правительство хотело бы знать ваше мнение относительно послевоенного устройства Франции, — заметил Молотов.

— Французский народ, — начал генерал, — крайне враждебно отнесется к любой попытке возрождения диктаторских или фашистских институтов власти и, бесспорно, восстановит демократический режим. Однако это не будет простым возвратом к предвоенному парламентаризму. Исполнительная власть будет обладать большей силой и устойчивостью. Заботы о социальных благах будут превалировать над чисто политическими вопросами. Уже сейчас события в России обладают такой притягательной силой по отношению к определенной части французов, что с этой силой считаться нельзя.

— Советское правительство, — проговорил Молотов, — просит вас, учитывая ваш опыт и особые отношения с Великобританией, помочь нам убедить американцев и англичан в кратчайшие сроки открыть второй фронт.

— Я сделаю все, что в моих силах, — ответил де Голль. — Вы можете на меня рассчитывать.

— Мое правительство, — заявил Молотов, — является

союзником правительств Лондона и Вашингтона. В интересах ведения войны мы должны тесно сотрудничать с ними. Но с Францией Россия хочет иметь самостоятельный союз независимо от этого.

Сразу после этой встречи, советское правительство опубликовало коммюнике по поводу беседы В.М. Молотова с генералом де Голлем.

> «Во время своего пребывания в Лондоне народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов беседовал в присутствии посла СССР А.Е. Богомолова с председателем Французского Национального комитета генералом де Голлем и национальным комиссаром иностранных дел Морисом Дежаном.
>
> Во время этой беседы, протекавшей в атмосфере особенной сердечности, В. М. Молотов подтвердил желание советского правительства видеть Францию свободной и способной вновь занять в Европе и в мире свое место великой демократической антигитлеровской державы. В.М. Молотов подчеркнул роль Французского Национального комитета в растущем сопротивлении французского народа и в утверждении прав французского народа на победу путем его участия в общей борьбе.
>
> Генерал де Голль воздал должное героизму и мужеству Советской Армии и народа, так же как и важной роли, которую играет в войне Союз Советских Социалистических Республик под руководством его великого вождя И.В. Сталина. Он принес благодарность В.М. Молотову за понимание и поддержку, которую Национальный комитет встречает со стороны правительства СССР. Он подчеркнул огромное значение союза советского и французского народов в общем усилии наций, объединенных для победы, и в будущей организации мира».

Однако де Голль не мог в полной мере доверять коммунистам.

Впоследствии он писал:

> «В конце 1941 года коммунисты… вступили в борьбу. До этого их руководители занимали примиренческую позицию по отношению к оккупантам, зато резко нападали на англосаксонский капитализм и его прислужников «деголлевцев». Однако их поведение

моментально изменилось, когда Гитлер напал на Россию, они сами с трудом сумели уйти в подполье и установить связи, необходимые для борьбы. Впрочем, они были к ней подготовлены своей системой партийных ячеек, секретностью своей иерархии, преданностью своих кадров. В национальную войну они включились отважно и умело, откликаясь бесспорно (особенно рядовые члены) на зов родины, но никогда не теряя из виду как армия революции конечную цель, заключавшуюся в том, чтобы установить свою диктатуру, воспользовавшись драмой, которую переживала Франция. Они все время стремились сохранить за собой свободу действий. Но вместе с тем, пользуясь настроениями борцов Сопротивления — в том числе и в своих собственных рядах, которые хотели только воевать, — они упорно стремились объединить все Сопротивление, чтобы превратить его, если окажется возможным, в орудие своих честолюбивых устремлений… Что касается меня, то я хотел только, чтобы они приносили пользу…»

Разумеется, советская историография и функционеры ФКП в своих бесчисленных мемуарах утверждают прямо противоположное.

«В тяжелых условиях подполья коммунисты развернули борьбу против оккупантов и Виши, — сообщает своим читателям советский учебник для студентов исторических специальностей. — Они распространяли нелегальную печать, устраивали забастовки и демонстрации. Только в течение 1940 года коммунисты распространили около 14 млн экземпляров подпольной «Юманите», издали 990 тыс. листовок и 140 тыс. брошюр. В конце 1940 года компартия создала специальную военную организацию, которая осуществляла акты саботажа и покушения на оккупантов. Позднее на ее основе созданы руководимые коммунистами вооруженные отряды франтиреров и партизан»

(Смирное В.П. Новейшая история Франции. М., 1979).

Лидер коммунистов товарищ Торез сообщал после войны своим читателям:

«Мы первыми начали на национальной почве борьбу за независимость и возрождение Франции, в то время как все другие партии гибли в позоре и смятении».

Морису Торезу вторил Шарль Тийон:

«… Как же смешны и нелепы все еще распространяемые утверждения, будто коммунисты примкнули к Сопротивлению только после нападения Гитлера на СССР!»

В доказательство он приводит сообщения французских газет того времени, выходящих на территориях, оккупированных гитлеровцами:

«14 августа 1940 года по немецкому посту в Булонском лесу был сделан выстрел; указом комендатуры парижанам запрещено посещать лес»

(«Франс о травай»).

«Поступило сообщение, что ночью 14 августа с.г. какой-то неизвестный выстрелом из револьвера убил немецкого матроса Генриха Конрада. Виновник покушения до сих пор не обнаружен… Оккупационные власти оштрафовали на 3 млн город Руайан»

(«Франс де Бордо э дю Сюд-Уэст»).

«13 октября около 23 часов несколько французов в штатском пытались напасть на бульваре Ля Тур д'Оверн в Ренне на служащего немецкой армии»

(«Уэст-Эклер»).

«Прачка Аврелия Жюж получила три месяца тюрьмы за «публичное оскорбление» германской армии. Портнихи Ивонна Оливье и Жоржетта Валле получили неделю тюрьмы за такой же поступок. Учащийся Ренэ Шосиан — неделю тюрьмы за то же самое. Рабочий Гастон Лаэ — два месяца тюрьмы за то же самое»

(«Уэст-Эклер»).

«По решению военного совета полевой комендатуры Иль-и-Вилен от 12 сентября 1940 года механик Марсель

Дросье, родившийся 3 марта 1909 года в Сен-Гобюрже, холостой, французский гражданин, проживающий в Ренне, по улице Дюамель, 33, приговорен к смертной казни за ущерб, причиненный военным объектам (разрыв телефонного кабеля).

Приговор приведен в исполнение сегодня в 10 час. утра.

Ренн, 17 сентября 1940 г. Начальник комендатуры».

Разумеется, можно предположить, что мужественные люди, упомянутые в прессе и не смирившиеся с существовавшим после июня 1940 года положением, сплошь и рядом были членами ФКП и согласовывали свои действия с ее мудрыми указаниями. Тем более, что коммунистические функционеры как на Востоке, так и на Западе всегда ставили знак равенства между словами «коммунист» и «рабочий», делая вид, что всякий, кто не спит на мешках с золотом, автоматически поддерживает марксистско-ленинское учение.

Работа Шарля Тийона, написанная для доказательства того, что ФКП в первые дни оккупации организовала мощное сопротивление фашистам, не приводит ни одного подтверждения данного тезиса, кроме нескольких глухих упоминаний о неких молодых людях, клеивших на заборах листовки с призывами III Интернационала, и угрозы парижского префекта полиции Ланжерона:

«…в случае обнаружения подпольных листовок на территории любой из коммун департамента Сена один или несколько известных коммунистических активистов, проживающих на территории данной коммуны, будут заключены в лагерь».

Безусловно, среди тех, кто в меру своих сил и возможностей противоборствовал захватчикам до июня 1941 года, было много коммунистов. Но с тем же успехом можно доказывать и массу иных тезисов, как-то: в первые дни войны среди тех, кто оказывал мощное сопротивление фашистам, было много почтальонов, металлургов или работников бытового обслуживания.

Однако ни первые, ни вторые, ни третьи не выступили на этом основании с заявлением, что они первыми начали на национальной почве борьбу за независимость и возрождение Франции, в то время как представители всех других профессий гибли в позоре и смятении.

«Коммунизм не вечен. Но Франция — вечна!» — писал де Голль, зная, что четырнадцатого июня 1940 года, когда гитлеровцы оккупировали Париж, Молотов по поручению Сталина восторженно поздравил фюрера с успехом.

Нет ничего удивительного в том, что коммунисты, в основе учения которых лежал пролетарский интернационализм, ненавидели патриота Франции Шарля де Голля.

* * *

Весной 1942 года один из руководителей Социалистической партии Кристиан Пино привез во Францию Манифест, в котором прямо говорилось о том, что главой «Свободной Франции» является генерал де Голль. В июне документ был опубликован в большинстве нелегальных изданий. В нем говорилось о беспомощности Третьей республики и прямом предательстве вишистского режима, сотрудничавшего с фашистами. Кроме того, Манифест разъяснял французам принципы послевоенного устройства Франции, где каждый гражданин будет иметь возможность участвовать в выборах Национальной Ассамблеи, которая и решит судьбу страны.

Весной вновь наметилось противостояние де Голля и Черчилля. По приказу английского правительства, которое не удосужилось поставить об этом в известность «Свободную Францию», в три часа ночи пятого мая английские войска высадились на острове Мадагаскар, площадь которого превышала площадь Франции. Де Голль высказал решительный протест Черчиллю, однако тот отказался допустить представителя «Свободной Франции» на остров, сохранив там власть губернатора, назначенного Виши.

Тогда генерал де Голль обратился за поддержкой к Сталину, и только после вмешательства Советского Союза и жесткого заявления генерала о том, что он прекратит сотрудничество с Англией и США, министерство иностранных дел Великобритании заявило, что не имеет никаких территориальных претензий к колониальным владениям Франции.

Восемнадцатого апреля 1942 года Пьер Лаваль, бывший социалист, сменил Анри Филиппа Петена на посту главы правительства. За престарелым маршалом остался пост главы государства.

* * *

Двадцать седьмого мая 1942 года началось одно из самых крупных сражений в Северной Африке во второй мировой войне.

Свыше десяти тысяч французских солдат — две дивизии — изготовились к обороне у Бир-Хашейма. Утром войска генерала Роммеля перешли в наступление, и французские солдаты — впервые с 1940 года — оказались лицом к лицу с солдатами вермахта на поле брани.

Завязался тяжелый бой, который не прекращался ни днем ни ночью. Через десять дней одна из дивизий французов попала в окружение, однако немцам не удалось поставить на колени французов, которыми командовал генерал Кениг. Французы бились не на жизнь, а на смерть.

Де Голль ничем не может помочь своим войскам, и иногда ему кажется, что битва закончится поражением. Но одиннадцатого июня генералу Кенигу и его солдатам удается прорвать кольцо окружения, что положило начало возрождению французской армии.

* * *

В июне 1942 года де Голль переименовал свое движение в «Сражающуюся Францию». Во главе движения продолжал оставаться Национальный комитет, который представлял французские интересы на международной арене. «Сражающаяся Франция» была на самом высоком уровне признана практически всеми союзниками.

Девятого июля госдепартамент США вручил де Голлю меморандум, согласно которому во Французский Национальный комитет вошел представитель американского правительства, а «Сражающейся Франции» была обещана всемерная военная поддержка. Этот документ не содержал четких формулировок, однако даже в таком виде являлся шагом вперед в деле установления отношений между США и «Сражающейся Францией».

* * *

Для укрепления дружеских отношений с Советским Союзом де Голль поставил перед собой задачу лично посетить Советский Союз и встретиться с товарищем Сталиным.

Восьмого августа профессор М. Дежан встретился в английской столице с Е. Богомоловым, которому сообщил, что,

если советское правительство надумает пригласить де Голля в СССР, то генерал с радостью откликнется на приглашение, тем более, что он собирается на Ближний Восток и хотел бы совместить две поездки.

Тогда же Роже Гарро в советской столице посетил заместителя наркома иностранных дел В. Деканозова и сказал ему, что руководитель «Свободной Франции» находится в Каире и готов встретиться с советским руководством, если оно того пожелает.

Однако Кремль посчитал тесное сближение с де Голлем преждевременным, полагая, что оно может негативно сказаться на отношениях с Соединенными Штатами и Великобританией.

Тем не менее двусторонние связи со «Свободной Францией» продолжали крепнуть и расширяться. В английской столице стали постоянными встречи де Голля с Богомоловым, а в Москве — консультации Гарро, Шмиттлена и Пети с сотрудниками Народного комиссариата иностранных дел. Не гнушались представители де Голля в Москве и встречами с сотрудниками Коминтерна, о чем те регулярно докладывали в Кремль. И уже двадцать восьмого сентября СССР признал Национальный комитет единственным легитимным органом Франции и признал его право представлять интересы Французской республики.

* * *

Восьмого ноября 1942 года войска союзников высадили десант в Алжир и Марокко, где армии Виши после формального сопротивления сдались. Одиннадцатого ноября американское командование провозгласило верховным комиссаром Северной Африки адмирала Дарлана. Это выглядело по меньшей мере странным, ибо уже через четыре дня тот объявил, что получил это назначение от Анри Филиппа Петена.

Однако двадцать четвертого декабря 1942 года адмирал Дарлан был убит деголлевцем Бонье де ля Шапелем. На его место был назначен Анри Жиро, который сформировал свою администрацию из бывших вишистских чиновников, совсем недавно перешедших на сторону союзников.

Генерал Жиро, командующий Седьмой французской армией, в конце мая 1940 года попал в плен и был помещен в крепость Кенигштейн, где почти два года провел в заключении. В конце апреля по сорокапятиметровой веревке шестидесятилетнему Жиро удалось бежать. После побега он перебрался в неоккупированную часть Франции.

Двадцать восьмого апреля он был принят Анри Филиппом Петеном в Виши.

В окружении Гитлера посчитали, что Жиро очень опасен, и приняли решение его устранить. Посол Германии в Виши Абетц пытается уговорить генерала вернуться в заключение, однако Жиро категорически отказывается и, несмотря на тщательно разработанный фельдмаршалом Кейтелем план убийства, скрывается от фашистов на территории союзников.

— Это «дело Жиро», — говорил фельдмаршал Кейтель в Нюрнберге. — Конечно, я знал, что оно всплывет…

* * *

Де Голль оказался в сложном положении. Поддержки Черчилля для утверждения себя в качестве главы правительства в изгнании было явно недостаточно. «Сражающаяся Франция», стоявшая у истоков борьбы с фашизмом, вытеснялась с политической арены интригами американского руководства, желавшего иметь свою марионетку во главе французов.

Тем временем гитлеровские войска оккупируют даже оставшиеся формально независимыми территории и распускают опереточную армию маршала Петена. На территории Франции фашисты создают двадцать пять концентрационных лагерей.

1943–1944 годы

В январе 1943 года американцы и англичане устроили конференцию в Касабланке, на которой рассматривались проблемы, связанные с Францией и ее представительством в союзнических армиях.

Надо сказать, что между де Голлем и Франклином Делано Рузвельтом никогда не возникало теплых отношений, таких как между генералом и английским премьером (несмотря на многочисленные размолвки). Американский президент хотел видеть представителем Франции отнюдь не де Голля, а генерала Жиро или, в крайнем случае, создать временное правительство, в котором Жиро и де Голль будут в равной мере нести ответственность за его состав и деятельность.

По мнению некоторых современников американского президента, тот считал де Голля человеком крайне левых взглядов.

Сын Ф.Д. Рузвельта вспоминает:

«Отец и Гарри… стали расспрашивать премьер-министра *(Черчилля. — М.М.)* о де Голле.

— Де Голль, — вздохнул Черчилль, многозначительно подняв брови.

— Пусть ваш «трудный ребенок» приедет сюда, — сказал отец. С этих пор эта кличка укрепилась за де Голлем; в течение всей конференции (в Касабланке) его называли «трудным ребенком» премьер-министра. «Трудным ребенком» отца был Жиро.

Политический узел, завязавшийся в результате нашего вторжения в Северную Африку, мягко выражаясь, никого не радовал. Как бы ни трактовать создавшуюся сложную ситуацию, нельзя забывать, что наши политические маневры спасли жизнь многим американским солдатам. Это имело огромное значение и с военной, и с патриотической точки зрения. С другой стороны, теперь ясно (отец понимал это и тогда), что тут была допущена ошибка, и притом серьезная. В первый вечер подход отца к вопросу определялся, по-видимому, двумя соображениями. Во-первых, он стремился найти наилучший и самый быстрый выход из невозможно запутанного положения. Во-вторых, отец понимал, что государственный департамент уже связал себя определенной политикой, и, учитывая предстоящие дипломатические переговоры, нужно было сделать все возможное для спасения его престижа. Плохо, когда совершается ошибка; но отнюдь не лучше делать вид, будто никакой ошибки не произошло. Этой

общеизвестной истиной и определялся подход отца к данному вопросу. Однако, когда ошибку совершают ваши подчиненные, которым в ближайшие годы придется изо дня в день вести сложные переговоры с вашими союзниками, являющимися одновременно вашими конкурентами, вы поможете только этим последним, если оставите подчиненных в затруднительном положении. Такова вторая, в равной мере общеизвестная истина, тоже определившая подход отца к вопросу, и здесь возникало противоречие.

Во всяком случае, в вечер первой встречи было совершенно очевидно, что отцу просто интересно услышать, что скажет Черчилль, и, таким образом, попытаться угадать, что он на самом деле думает.

— Де Голль зазнался, — сказал премьер-министр, — и отказывается приехать сюда. Категорически! — Казалось, что Черчиллю почему-то доставляет удовольствие рассказывать о своих затруднениях.

— Не могу заставить его выехать из Лондона, — продолжал премьер-министр бодрым тоном. — Он в бешенстве от тех методов, которые мы применили, чтобы взять под свой контроль Марокко, Алжир и Французскую Западную Африку. Он воображает себя Жанной д'Арк. А теперь, когда «Айк» отдал здесь власть Жиро, конечно… — Черчилль горестно покачал головой.

Сперва мягко, потом тверже и, наконец, очень настойчиво отец потребовал, чтобы де Голль был вызван в Касабланку, потому что нельзя предоставить формирование временного правительства одному человеку, будь то де Голль или Жиро, и потому что для создания организации, которая будет управлять Францией до ее полного освобождения, потребуется сотрудничество обоих этих французских деятелей.

В этот вечер у меня создалось впечатление, что в какой-то особенно тяжелый момент в прошлом Черчилль и Антони Иден либо дали де Голлю прямое обещание, либо не возражали против его требования, чтобы решающее слово в деле возрождения Франции принадлежало ему. На протяжении всего разговора премьер-министр держался очень осторожно.

— Мой «трудный ребенок», — сказал он, — рассматривает официальное признание Жиро здесь как недружественный акт по отношению к его движению «Свободная Франция». — Голос Черчилля звучал торжественно. Мне снова показалось, что на самом деле его мало волновали выходки его «трудного ребенка». — Он хотел бы, — продолжал Черчилль, — чтобы ему одному было предоставлено решать, кто должен войти в состав какого бы то ни было временного правительства. Но, конечно, это не

годится.

Отец предложил, чтобы Англия и Соединенные Штаты сделали де Голлю энергичное представление, указав ему, что он тотчас же лишится всякой поддержки, если не перестанет капризничать и не прибудет немедленно на конференцию. Черчилль кивнул головой…»

Двадцать второго января де Голль прибыл в Касабланку, где за завтраком состоялась его встреча с Жиро, на которой собеседники совершенно не понимали друг друга. После завтрака с Жиро де Голль на встрече в Черчиллем узнал о так называемом плане «урегулирования», согласно которому создается комитет, во главе которого станут Жиро, де Голль и Жорж. Де Голль выступил резко против означенного плана. Особенно его возмутило предложение включить в состав одного из руководящих органов новой структуры некоего Пейруто-на, который до недавнего времени занимал пост министра внутренних дел в правительстве Петена и не за страх, а за совесть боролся с французским Сопротивлением, налево и направо подписывая смертные приговоры.

Вслед за отказом де Голля от предложенного союзниками плана генерал встречался с Ф.Д. Рузвельтом.

«Чело его было покрыто мрачными тучами, — писал об этой встрече Элиот Рузвельт, — и он не проявлял особой любезности. Его беседа с отцом продолжалась с полчаса, причем отец был обаятелен, а де Голль держался весьма сдержанно. Вот образчик их диалога:

Отец: Я уверен, что мы сумеем помочь вашей великой стране вернуть свое место в мире.

Де Голль (нечленораздельное мычание).

Отец: И я заверяю вас в том, что моя страна сочтет для себя честью принять участие в этом деле.

Де Голль (мычание): Это очень любезно с вашей стороны.

Совершенно очевидно, что де Голль знал о задумках американского руководства вычленить из империи несколько составляющих, для чего уже предпринимали некие активные действия. В частности, буквально за несколько дней до этого состоялась встреча Рузвельта с султаном Французского Марокко, на которой американский президент оживленно беседовал с султаном о природных богатствах Французского Марокко и об огромных возможностях их освоения».

В противостоянии генералов Советский Союз хотя и занимал крайне осторожную позицию, но старался по возможности поддержать де Голля. О перипетиях подковерной борьбы на британской арене советское руководство знало от Богомолова,

постоянно отчитывающегося перед Кремлем. И хотя посол СССР в Великобритании не любил де Голля и всегда давал ему оценки исключительно с классовых позиций, информацию он давал более или менее объективную.

Богомолов писал Молотову:

> «В самой Франции возникла коллизия между голлистами, поддерживаемыми коммунистами и сторонниками генерала Жиро. Эта коллизия вовсе не говорила о том, что генерал де Голль больший демократ, чем генерал Жиро. Оба они достаточно антидемократичны и реакционны, но при прочих равных условиях де Голль был ближе к демократическим слоям фронта народного сопротивления во Франции, чем генерал Жиро».

* * *

В январе 1943 года де Голль активизирует свои связи с организациями Сопротивления во Франции. Очень скоро его главенство признали практически все группы, ведущие борьбу на территории метрополии, независимо от их политической ориентации. Стараясь использовать все средства в борьбе с режимом Виши, де Голль привлекает к работе представителей французских коммунистов, КОТорbiej на время смирились с верховенством генерала.

Следует отметить, что ФКП долго колебалась, прежде чем пойти на прямой контакт с де Голлем. И только после высадки союзных войск в Северной Африке и оккупации немцами южной части Франции Коминтерн разработал под руководством М. Тореза и А. Марти новую тактику отношений со «Сражающейся Францией».

В новой коммунистической директиве говорилось:

«Коммунистическая партия должна согласовывать деятельность уже организованных национальных сил, установить и поддерживать непосредственный контакт с де Голлем и его сторонниками».

Вслед за появлением этого документа в Лондон был переправлен Фернан Гренье, который описывает начало сотрудничества ФКП со «Сражающейся Францией» следующим образом:

«Во второй половине дня мы прибыли в… резиденцию «Сражающейся Франции».

Полковник Биллот немедленно проводил меня к де Голлю.

Крепкое рукопожатие — и беседа начинается.

Мое сообщение сводится в основном к трем пунктам.

Мой приезд в Лондон находится в полном соответствии с политикой, проводимой ФКП, которая еще в мае 1941 года обратилась с призывом образовать «Фрон насьональ», объединяющий всех патриотов без различия политических убеждений. Перед лицом врага необходимо единство всех сил, борющихся за освобождение Франции. Я заявил также, что, с нашей точки зрения, национальное восстание, сторонником которого де Голль себя объявляет, не вспыхнет по мановению волшебной палочки, что подготавливать его следует уже теперь, оказывать куда большую помощь патриотам, ведущим вооруженную борьбу.

— Враг вывозит в Германию тысячи рабочих. Многие из них предпочли бы остаться во Франции и принять участие в борьбе. Но со стороны Лондонского радио делается недостаточно для того, чтобы склонить их к этому шагу, для того чтобы увеличить посылку оружия и денежных средств, которые дали бы Сопротивлению возможность создать больше вооруженных отрядов и обеспечить хлебом семьи борцов», — говорил я де Голлю.

— Об этом будете говорить с Пасси, — прерывает меня де Голль, всем своим тоном как бы желая сказать: достаточно на эту тему.

Потом он задает мне два вопроса:

— Ну а что вы думаете о Жиро? Что будет после освобождения?

Я ему ответил, что, на наш взгляд, необходимо как можно скорее покончить с двоевластием Алжир — Лондон, а для этого надо образовать в Алжире временное правительство де Голль — Жиро. Что касается того, что будет после освобождения, то это вопрос неактуальный. Сейчас необходимо освободить страну, а потом французский народ сам выберет людей, которых захочет поставить у руководства страной.

— Стало быть, вы полагаете, что Франция будет коммунистическая?

— Ясно одно, господин генерал: в списках расстрелянных фон Штюльпнагелем рядом с той или иной фамилией очень часто приходится видеть пометку «коммунист». Все это фамилии металлургов, железнодорожников, учителей, а не промышленников или банкиров, решающая роль, которая принадлежит сегодня рабочему классу, скажется и на будущем Франции. Республика завтрашнего дня, по нашему мнению,

должна будет провести ряд глубоких социально-политических преобразований, но мы считаем, что патриоты, которые объединяются для освобождения страны, должны будут сохранить единство для перестройки Франции на новых началах. Впрочем, по правде говоря, сейчас мы куда больше озабочены происходящей борьбой, нежели проблемами будущего.

Де Голль ничего не отвечает. У него несколько удивленный вид. Он спрашивает:

— Что вы предполагаете делать в Лондоне?

— Я делегирован компартией для переговоров со «Сражающейся Францией». Вместе с тем я являюсь представителем Национального комитета франтиреров и партизан. Я хотел бы получить возможность разъяснить как подведомственным вам службам, так и англичанам, что самое важное сейчас — это оказать широкую помощь вооруженному Сопротивлению.

— Об этом будете говорить с Пасси.

… Выходя из штаба «Сражающейся Франции», я спрашивал себя: чем объяснить, что генерал де Голль так мало обеспокоен происходящим во Франции сегодня и так озабочен тем, что будет после ее освобождения?

Ведь и в самом деле: впервые с 1940 года де Голль разговаривал с представителем той самой Коммунистической партии Франции, которая уже столько сделала для Сопротивления…»

* * *

Четвертого апреля 1944 года впервые с момента оснорания ФКП в 1920 году в правительство де Голля вошли два коммуниста Ф. Бийю (государственный комиссар) и Ф. Гренье (комиссар по делам авиации). Однако их пребывание там оказалось весьма недолгим и скандальным.

Фернан Гренье был уволен со своего поста после письма, в котором он обрушился с яростной критикой на де Голля. Критикуя де Голля, Гренье заявляет:

> «… я не желаю быть причастным к преступной политике».

Отправляя комиссара по делам авиации в отставку, де Голль пишет:

> «Дорогой министр! Вы были первым представителем

Коммунистической партии в «Сражающейся Франции».

Мужественно и энергично послужив родине на поприще подпольной борьбы, вы как министр авиации проявили замечательную инициативу, рвение в работе, умение руководить людьми.

Вот почему я испытываю искреннее сожаление, лишаясь вашего сотрудничества. Однако я считаю, что теперь будет полезно поставить на пост министра авиации кого-либо из ваших товарищей, недавно отличившихся в героических боях, благодаря которым освобожден Париж.

Выражая вам благодарность за ценную помощь, оказанную вами правительству, прошу не сомневаться, дорогой министр, в моей сердечной преданности.

Шарль де Голль».

* * *

В апреле 1943 года де Голль в очередной раз заявил советскому посланнику о своем желании встретиться со Сталиным в Советском Союзе. Однако пришедшаяся на этот период кульминация противоборства с Жиро заставила генерала несколько скорректировать планы — де Голль отправился в Алжир.

Встретившись с генералом перед отъездом, Богомолов сделал не совсем правильный вывод, что тот непременно проиграет поединок с Жиро, о чем не преминул сообщить в Кремль.

* * *

Луи Мулену, одному из руководителей правой Республиканской федерации, поручено формирование Национального совета Сопротивления (НСС). Вновь созданная организация укрепила позиции де Голля и снизила шансы Жиро. И хотя Жиро наконец-то порвал все связи с Лавалем и Петеном, его заокеанские покровители стали приходить к мысли, что Жиро отнюдь не та фигура, которая может оттеснить де Голля от власти.

В конце мая — начале июня отношения де Голля и Жиро накалились до предела. Последний привлекает на свою сторону адмирала Мюзелье и назначает его префектом полиции.

Злопамятный адмирал считает, что пробил его звездный час, и готовит антидеголлевский путч, стягивая в Алжир войска и жандармов.

Однако, как и было намечено третьего июня 1943 года, открылось заседание «семерки», на котором де Голль и Жиро чинно подписали договор об учреждении Французского комитета национального освобождения (ФКНО), в котором каждому из генералов была уготована роль сопредседателя.

В конце встречи вчерашние противники торжественно обнялись.

Четыре дня спустя по предложению де Голля были сформированы комиссариаты, руководить которыми назначались: Анри Френэ — комиссар по делам военнопленных и депортированных, уполномоченный группы «Комба»; Андре Филипп — комиссар, ведающий сношениями с Консультативной Ассамблеей; генерал Катру — комиссар по делам мусульманского населения; Рене Капитан — комиссар народного просвещения; Рене Плевен — комиссар по делам колоний; Рене Мейер — комиссар путей сообщения и торгового флота; Франсуа де Ментон — комиссар юстиции; Пьер Мендес-Франс — комиссар финансов; Андре Дельтам — комиссар по военным делам; Рене Массигли — комиссар по иностранным делам; Адриен Тиксье — комиссар труда и социального обеспечения.

Из четырнадцати членов ФКНО девять активно поддерживали «Сражающуюся Францию»; де Голль сумел прочно перехватить инициативу и фактически объединить под своим руководством все силы Франции, ведущие борьбу с Гитлером.

Шестнадцатого июня Молотов отправил Богомолову депешу, в которой сообщал:

> «…в вопросе об отношении к де Голлю и Жиро следует держаться следующей установки.
>
> Первое. Мы даем предпочтение де Голлю, так как он является непримиримым к правительству Виши и гитлеровской Германии, тогда как у генерала Жиро отсутствует такая непримиримость.
>
> Второе. Мы предпочитаем поддерживать де Голля, так как он твердо отстаивает политику восстановления республиканской Франции с ее демократическими традициями, тогда как генерал Жиро проявляет враждебность в отношении республиканско-демократических традиций Франции».

Жиро постепенно превратился во второстепенную фигуру, несмотря на поддержку Рузвельта.

В ноябре ФКНО кооптировал в свой состав представителей почти всех движений французского Сопротивления.

Вспоминая де Голля, один из них, Эммануэль д'Астье, рассказывает, что тот был еще выше, чем это обычно представляют.

«Его движения медленны и грузны, как и его нос. Маленькая голова с восковым лицом на нескладном теле. Самый привычный его жест — он поднимает руки, плотно прижимая локти к бокам. И тогда видны вялые, очень белые и женственные кисти с хрупкими запястьями. На обращенных кверху ладонях эти руки как будто тщатся поднять целый мир абстрактных грузов.

Он не задает вопросов. Мы обедаем.

Он не любит людей, он любит лишь их историю, в особенности историю Франции, одну из глав которой он как будто мысленно пишет со страстностью Мишле по мере хода событий… У него утомленный вид. Он ворошит историю, будто пришли времена Фашоды. Хотя он руководит всего лишь горсткой людей и весьма ограниченной и отдаленной территорией, враги и собственное честолюбие возвеличили его; он вещает, словно на его плечах груз тысячелетней истории или словно он видит свое имя на ее страницах через сотню лет. Он набрасывает суровую картину своей голгофы — голгофы Франции. Мне вдруг начинает казаться, что его мрачное рвение вызвано одним желанием воодушевить французский гений и заставить его вновь обрести свое национальное и историческое могущество, единственное, во что он верит».

Летом начался массовый переход вишистских чиновников на сторону де Голля, понимающих, что Петен и Лаваль обречены.

В течение 1943-го и 1944 годов де Голль постоянно расширял свои связи с Сопротивлением. Отвечал за этот участок работы участник Сопротивления, начальник управления разведывательных служб Жак Сустель.

Однако уже в это время начались разногласия между де Голлем и Сопротивлением по вопросам послевоенного устройства Французской республики и судьбы тех, кто в годы оккупации сотрудничал с режимом Виши. Де Голль полагал, что наказания заслуживает не каждый, кто трудился на территории Франции. По его мнению, преследованию должны были подвергнуться лишь те, кто руководил страной в период оккупации и активно сотрудничал с коллаборационистами.

Де Голль считал, что Франции необходима диктатура, ограниченная конституцией, законами, моральными нормами, но — диктатура. Он не считал, что силен в умении создавать демократические институты, и об этом знали многие участники

Сопротивления. Они полагали, что до поры до времени фигура де Голля вполне приемлема, но полагали необходимой смену власти после падения режима Петена и Лаваля.

— Совещаться можно многим, — любил повторять де Голль. — Действовать нужно одному.

* * *

Соединенные Штаты и Великобритания не спешили признавать ФКНО. Прямо противоположную позицию занял Сталин. В середине июня наркоминдел Молотов передал в Москве господину Керру письмо, в котором говорилось о необходимости срочного признания ФКНО, ибо такой шаг еще теснее сплотит антигитлеровскую коалицию и будет способствовать консолидации всех французских сил, желающих падения Виши.

В результате двадцать седьмого августа 1943 года по предложению Сталина СССР, Англия и Соединенные Штаты одновременно признали ФКНО «представителем государственных интересов Французской республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании».

* * *

В начале года де Голль подписал указ о создании региональных комиссариатов Франции, которые должны были заменить существовавшие ранее региональные префектуры и, соответственно, префектов, подчинявшихся петеновскому режиму.

Весной НСС уведомил де Голля, что он признан главой Временного правительства, на которое возлагалась почетная обязанность провести демократические реформы в послевоенной Франции. Двадцать седьмого марта 1944 года де Голль впервые публично называет ФКНО Временным правительством, тем самым еще раз (и на этот раз окончательно) утверждая, что он и только он является единственным и полноправным представителем французского народа в мире.

К тому времени в НСС входили «Комба», «Либерасьон», «Национальный фронт», воссоединенная Всеобщая конфедерация труда и христианские профсоюзы, а также представители шести партий: коммунистической, социалистической, радикальной, партии народных демократов, Демократического альянса и

Республиканской федерации.

Разумеется, понимание демократических реформ у НСС, в который входили коммунисты, и у генерала, который знал, что в 1210 году французский король Филипп-Август пожаловал его предку Ришару де Голлю имение в Эльбеже, несколько отличались.

И хотя де Голль всячески подчеркивал свою приверженность демократии и утверждал, что «мы избрали демократию и республику», он всеми силами старался воспрепятствовать проникновению в будущую власть определенных политических сил несмотря на то, что значительная часть населения в той или иной мере эти силы поддерживала.

* * *

Пятого июня десантные отряды начали переход через Ла-Манш, а уже на следующий день после длительной и тщательной подготовки союзники открыли второй фронт. Их войска под командованием генерала Дуайта Эйзенхауера высадились в Северо-Западной Франции.

Ровно в полночь союзники начали бомбардировать расположенные на берегу немецкие батареи береговой артиллерии. На них было сброшено в общей сложности пять тысяч тонн бомб. Вслед за бомбежкой началась высадка десанта при поддержке корабельной артиллерии.

В первые дни операции армии союзников не встретили серьезного сопротивления со стороны немецких войск и быстро продвигались в глубь территории. Гитлеровский адмирал Кранке пытался противодействовать военно-морским силам США и Англии, однако быстро был разбит, потеряв за десять дней два эскадренных миноносца, двадцать торпедных катеров и восемьдесят два минных тральщика.

К концу июня армии союзников заняли плацдарм шириной в сто и глубиной в сорок километров. Седьмого августа немцы предприняли попытку перейти в контрнаступление, однако оно было сорвано.

Пятнадцатого августа американские и французские войска вторглись в Южную Францию, строго следуя плану операции «Энвил», и через десять дней вышли к рекам Сена и Луара.

* * *

Одиннадцатого июля 1944 года Сталин был приглашен на ужин в английское посольство в Москве, на котором присутствовали Черчилль и Иден.

— Теперь в Англии находятся десятки тысяч советских граждан, — сказал Сталин английскому премьеру, — которых на родине ждут жены, матери и сестры…

— Вы имеете в виду пленных, захваченных во время операции «Оверлорд»? — спросил Черчилль.

— О них, господин Черчилль. Нельзя ли ускорить их отправку на родину?

Господин Черчилль удовлетворил просьбу Иосифа Сталина, и вскоре сотни тысяч русских военнопленных оказались на Колыме, а многие так никогда и не увидели жен, матерей и сестер…

* * *

Тем временем в самой Франции ширилось и крепло движение Сопротивления. Еще в начале 1994 года все отряды, имевшие боевой опыт и участвовавшие в вооруженной борьбе, объединились во Французские внутренние силы (ФФИ), численность которых достигала полумиллиона человек. У руля ФФИ стоял председатель комиссии военных действий НСС, член Коммунистической партии Пьер Вийон.

Де Голль, который опасался усиления влияния коммунистов, назначил находившегося в Лондоне генерала Кенига командующим ФФИ.

Девятнадцатого августа 1944 года началось восстание во французской столице. Вооруженными частями ФФИ были заняты жизненно важные центры Парижа: мэрия, полицейская префектура, городская ратуша. К вечеру ФФИ контролировали сорок три из восьмидесяти квартетов Парижа. Следующий день ознаменовался тем, что уже вся столица и ее пригороды были охвачены восстанием.

Двадцать третьего августа Вторая французская бронетанковая и Четвертая американская дивизии подошли к Парижу и нанесли удар по немецким войскам на всем протяжении их обороны у французской столицы. К вечеру следующего дня основные силы неприятеля были разбиты, а через день в плен сдались последние гитлеровцы.

В Париж прибыл генерал де Голль. Двадцать пятого августа он выступил с речью перед парижанами:

«К чему скрывать чувства, охватившие всех нас, мужчин и женщин, всех тех, кто находится здесь, у себя дома, в своем

Париже, который поднялся на борьбу за свое освобождение и сумел добиться его собственной рукой. Нет, мы не собираемся скрывать этих глубоких и священных чувств! Эти минуты никогда не изгладятся из нашей памяти! Париж, поруганный, израненный, многострадальный, но свободный Париж! Париж, сам завоевавший свою свободу, Париж, освобожденный своим собственным народом при поддержке всей Франции, которая борется, Франции, единственной, подлинной и вечной.

И коль скоро враг, занимавший Париж, капитулировал перед нами, Франция возвращается в Париж, в свой родной дом. Она возвращается сюда обагренная кровью, но полная решимости. Она возвращается сюда, умудренная тяжелым уроном, но более чем когда-либо сознающая свои обязанности и права.

Я говорю прежде всего о ее обязанностях. Сегодня это обязанность воевать. Враг заколебался, но он еще не разбит. Он еще остается на нашей земле. После всего того, что произошло, мы не можем удовлетвориться изгнанием его с помощью наших дорогих и доблестных союзников из пределов нашей страны. Мы хотим победителями вступить на его территорию. Именно для этого французские авангарды под грохот пушек вошли в Париж. Именно для этого сильная итальянская группировка французской армии высадилась на юге и стремительно движется по долине Роны. Именно для этого наши славные внутренние силы получат вскоре современное вооружение. Именно во имя реванша, во имя мести и во имя справедливости мы готовы продолжать борьбу до последнего дня, до дня полной и окончательной победы. Наш воинский долг требует единства нации, и это знают все присутствующие здесь и все, кто слушает нас во Франции.

Нация не может допустить, чтобы это единство было нарушено. Нация понимает, что для ее окончательной победы, для ее восстановления, для ее величия ей необходимо, чтобы вместе с нею были все ее дети. Нация понимает, что ее сыны и дочери, все ее сыны и все ее дочери, за исключением нескольких жалких предателей, которые пошли на сделку с врагом и которых уже постигла или вскоре постигнет суровая кара, — да, все сыны и все дочери Франции должны идти вперед в братском единстве, крепко взявшись за руки, к стоящим перед Францией целям.

Да здравствует Франция!»

Капитуляцию принимали легендарный генерал Леклерк и один из руководителей Сопротивления Роль-Танги.

* * *

Второго февраля 1943 года полным поражением фашистов завершилась великая Сталинградская битва. В этот день было окончательно сломлено сопротивление северной группировки армии Паулюса. Войска Донского фронта разбили двадцать две немецкие дивизии, генерал-фельдмаршал Паулюс был взят в плен.

Средства массовой информации СССР сообщали:

«Советские войска успешно осуществили поставленную Верховным главнокомандующим товарищем Сталиным И.В. задачу ликвидации окруженной под Сталинградом отборной армии немецко-фашистских войск».

Более полугода продолжалась кровопролитная битва под Сталинградом, которая не имела аналогов в мировой истории по масштабам боевых действий, по стратегическому значению для исхода войны и по количеству жертв как с одной, так и с другой стороны. Эта победа положила начало коренному перелому в ходе второй мировой войны. Неизмеримо возрос авторитет Советского Союза и его роль в решении геополитических проблем.

Вслед за сталинградской победой советские войска развернули мощное наступление на большей части советско-германского фронта. Фашисты были отброшены от Волги и Терека на шестьсот — семьсот километров и выбиты из Курска, Ржева, Вязьмы, Гжатска, Великих Лук. Была прорвана блокада Ленинграда и освобождены стратегически важные районы Кавказа, Ростовской, Сталинградской, Харьковской и других областей.

Пятого июня 1943 года немецкое командование предприняло контрнаступление на направлениях Орел — Курск и Белгород — Курск, которое закончилось провалом и позволило советским частям перейти в наступление.

Новым победам русского оружия способствовал бесценный опыт, накопленный армией в предыдущие два года сражений, и укрепление командного состава Красной Армии накануне второй мировой войны.

За три месяца наступления летом 1943 года Красная Армия отбросила врага на четыреста-пятьсот километров, освободив Донбасс, Таманский полуостров, Левобережную Украину, Смоленск и Брянск.

Тем не менее, советская историография сообщает:

> «…активным действиям немецко-фашистских войск на советско-германском фронте по-прежнему способствовало отсутствие второго фронта в Европе.

> Вопреки официальным и безоговорочным обязательствам, принятым США и Англией, второй фронт не был открыт и в 1943 году. Это позволило фашистской Германии продолжать переброску на советско-германский фронт своих дивизий, пополнявшихся и формировавшихся в странах Западной Европы».

В 1943–1944 годах советские войска разбили основные силы фашистской Германии, очистили свою территорию от оккупационных войск, вышли к границам Румынии и Польши. Стало очевидным, что Сталин способен разгромить Гитлера и без помощи Черчилля и Рузвельта.

* * *

В конце 1944 года последний оплот Виши — Эльзас и Лотарингия — были освобождены. Петен и Лаваль бежали в Германию; власть на всей территории Франции перешла к Временному правительству, которое возглавил генерал де Голль.

За время оккупации во Франции было разрушено свыше двух миллионов зданий, уничтожено и повреждено около двухсот пятидесяти крестьянских хозяйств и двухсот тысяч промышленных предприятий.

В обновленное правительство, состав которого был объявлен девятого сентября, вошли сподвижники де Голля и участники Сопротивления, в том числе коммунисты Бийу и Тийон.

Двенадцатого сентября генерал де Голль произнес речь во дворце Шайон перед представителями групп Сопротивления. Руководитель Временного правительства сообщил, что намерен находиться у власти вплоть до полного окончания второй мировой войны и возвращения на родину всех пленных и беженцев. Де Голль отметил, что в стране планируется провести всеобщие выборы в Национальное собрание, которое и возьмет на себя ответственность за дальнейшую судьбу Франции.

Генерала приветствовали аплодисментами.

Позже, в июле 1952 года, выступая на заседании Национального совета «Объединения французского народа» (РПФ), генерал де Голль признался, что думал установить в послевоенной Франции режим, сходный по структуре с Временным правительством:

«У меня наготове было совсем другое решение. Я имел физические средства для установления диктатуры. Речь шла,

разумеется, о моей диктатуре… События заставляли меня поддерживать ее на протяжении почти шести лет до этого… Но теперь, когда мы добились освобождения, одержали победу и возвратили себе свободу, условия совершенно изменились. Должен ли я сохранить эту диктатуру? Я ответил себе: нет!»

Один из современников де Голля писал:

> «Как все начинающие диктаторы, лишенные корыстных побуждений, но преисполненные сознания собственной мудрости и могущества, де Голль считал, что будет хорошим диктатором. Если ему придется опереться на силы, которые он презирает, он сумеет — будь то зловредные капиталисты или недисциплинированные рабочие — в нужный момент поставить их на свое место».

Осень 1944 года де Голль провел в постоянных поездках по стране, пытаясь составить представление об ущербе, причиненном Франции оккупационными войсками и режимом Виши. По результатам поездок составлялись проекты восстановления промышленных предприятий, уточнялись планы работы комиссариатов.

Стиль работы де Голля не отличался демократичностью, в чем его часто упрекали как с левого, так и правого фланга. Однако он приносил свои плоды, и экономика Франции стала медленно выползать из глубокой ямы, куда она попала в результате войны.

Двадцать третьего октября 1944 года Временное правительство было официально признано союзниками. В этот же день Богомолов был назначен послом Советского Союза при Временном правительстве Французской республики. Двадцать третьего ноября Франции был возвращен Страсбург. Третьего сентября 1943 года де Голль в беседе с одним из сотрудников советского представительства в Алжире сообщил, что очень надеется на приглашение в Москву со стороны товарища Сталина. Через полтора месяца он получил письмо от советского руководства, переданное через Богомолова, что в Кремле с радостью примут генерала и будут благодарны, если он укажет сроки, в которые, по его мнению, должен состояться визит.

Однако встреча состоялась только спустя год по не зависящей от советской стороны причинам. Пятого ноября 1944 года Дежан сообщил одному из сотрудников советского посольства, что де Голль готов посетить Москву с той же программой, что была у него в Лондоне и Вашингтоне. Через три дня де Голль встретился с Богомоловым и сообщил ему, что он лично и некоторые из

комиссаров его правительства хотели бы посетить СССР.

Еще через десять дней Молотов телеграфировал Богомолову в Париж, что советское правительство приглашает де Голля в Советский Союз с официальным визитом для установления личного контакта с советским руководством.

Двадцать седьмого ноября 1944 года де Голль в сопровождении министра иностранных дел Бидо на советском военно-транспортном самолете прибыл в Баку. Так начался первый визит генерала де Голля в Советский Союз.

* * *

В те четырнадцать дней, что де Голль провел в Советском Союзе, он встречался со многими советскими руководителями, однако наибольшее впечатление на него, как и следовало ожидать, произвел Генеральный секретарь ЦК ВКЩб) Сталин.

Вот каким его вспоминает будущий президент Пятой республики:

«…У меня сложилось впечатление, что передо мной хитрый и непримиримый борец изнуренной от тирании России, пылающий от национального честолюбия. Сталин обладал огромной волей.

Утомленный жизнью заговорщика, маскировавший свои мысли и душу, безжалостный, не верящий в искренность, он чувствовал в каждом человеке сопротивление или источник опасности, все у него было ухищрением, недоверием н упрямством. Революция, партия, государство, война являлись для него причинами и средствами, чтобы властвовать. Он возвысился, используя… тоталитарную суровость, делая ставку на дерзость и нечеловеческое коварство, подчиняя одних и ликвидируя других.

С тех пор Сталин видел Россию таинственной, ее строй более сильным и прочным, чем все режимы. Он ее любил по-своему. Она также его приняла как царя в ужасный период времени и поддержала большевизм, чтобы служить его орудием. Сплотить славян, уничтожить немцев, распространиться в Азии, получить доступ в свободные моря — это были мечты Родины, это были цели деспота. Нужно было два условия, чтобы достичь успеха: сделать могущественным, то есть индустриальным, государство и в настоящее время одержать победу в мировой войне. Первая задача была выполнена ценой неслыханных страданий и человеческих жизней. Сталин, когда я его видел, завершал выполнение второй задачи — среди могил и руин. Он был удачлив потому, что встретил народ до такой степени живучий и терпеливый, что самое жестокое порабощение его не

парализовало *(выделено мною. — М.М.);* землю, полную таких ресурсов, что самое ужасное расточительство не смогло ее истощить; союзников, без которых нельзя было победить противника, но которые без него также не разгромили бы врага.

За пятнадцать часов моих бесед со Сталиным я изучил его величественную и скрытную полигаму. Коммунист в маршальской форме, притаившийся коварный диктатор, завоеватель с добродушным видом, он старался всегда вводить в заблуждение. Его страсть была суровой, без какой-либо… привлекательности».

Первая встреча де Голля со Сталиным состоялась второго декабря в Кремле. Переводчиком был назначен известный советский дипломат Александр Трояновский.

Сталин принял генерала как радушный хозяин.

Де Голль знал, что именно об этом человеке пела вся страна в «Песне партии большевиков» (первом варианте нового советского гимна).

Страны небывалой свободные дети,
Сегодня мы гордую песню поем
О партии, самой могучей на свете,
О самом большом человеке своем…
Изменников подлых гнилую породу
Ты грозно сметаешь с пути своего.
Ты — гордость народа, ты — мудрость народа,
Ты — сердце народа, ты — совесть его…

* * *

Товарищ Сталин усадил гостя и принялся расспрашивать, как де Голль добрался до русской столицы.

— Благодарю вас, господин Сталин, — ответил тот. — Все в порядке.

С первых минут генерал чувствовал некоторую неловкость.

Когда-то давным-давно де Голль столкнулся с коммунистическими войсками, пытавшимися разжечь пожар мировой революции, для чего планировалось гордо прошествовать от Москвы до Ла-Манша. Дело оставалось за малым: сокрушить молодую и практически не готовую к сопротивлению Польшу.

Шарль де Голль учил поляков воевать, сам яростно сражался в армии Пилсудского. Он проводил в жизнь план Вейгана по

спасению Польши, возглавлял пехотно-танковый отряд, был награжден польским правительством и навсегда остался в сердцах освобожденных как отважный и мужественный воин.

Де Голль прекрасно понимал, что русский лидер осведомлен об этой странице его биографии и чувствует некоторую вину за действия советского правительства, инспирированные адептом перманентной революции покойным Львом Троцким. Кстати, всего четыре года назад товарищ Сталин отправил его на тот свет руками агента Меркадера.

— Мне кажется, — после некоторой паузы произнес генерал, — что Рейн-Вестфалия обязательно должна стать частью будущей Франции. Это будет выгодно не только моей стране, но и всей послевоенной Европе.

— У меня нет возражений, — сказал Сталин, тщательно набивая свою трубку табаком. — Мы готовы поддержать вашу позицию перед союзниками, однако с их мнением следует считаться. А что говорят по этому поводу господа Черчилль и Рузвельт?

— Мне очень интересно было бы узнать мнение англичан и американцев по этому вопросу, но они предпочитают договариваться между собой без нашего участия… С другой стороны, и те, и другие не имеют непосредственных границ с Рейн-Вестфалией, а потому не могут чувствовать нашу позицию… По моим сведениям, наши союзники собираются установить над Рейн-Вестфалией международный контроль.

— Если мне не изменяет память, Черчилль и Рузвельт воюют именно в этой части Германии. Мне кажется, они имеют право участвовать в решении этого вопроса, — товарищ Сталин пустил к потолку клуб дыма и кинул быстрый взгляд на де Голля.

— Конечно, имеют, — излишне резко произнес генерал, но тут же взял себя в руки и уже спокойным тоном произнес: — Они не только имеют право участвовать, но и участвуют. Однако наши союзники закончат войну и вернутся домой, а мы с вами опять останемся с немцами один на один!

— Я думаю, что теперь мы сможем за себя постоять. Кстати, не собирается ли Франция ставить вопрос о том, чтобы Саар и Рур перешли под ее юрисдикцию?

— Нет, мы не ставим вопрос в такой плоскости, — четко ответил генерал. — И еще бы мне хотелось узнать о ваших планах относительно Польши.

— Черчилль хочет отдать полякам территории, которые отошли от нее к востоку от линии Керзона. Мы же считаем, что Силезия, Померания и Восточная Пруссия исторически принадлежат польскому народу и должны быть присоединены к

послевоенной Польше.

Генерал посмотрел на советского лидера и подумал о том, что перед ним сидит человек, который внес полную сумятицу в умы и души западных политиков. Более двадцати лет он стоял у руля дикого, непредсказуемого государства, которое наводило ужас на цивилизованный мир своим нескрываемым стремлением к мировому господству, именуемому вождями Октябрьского переворота диктатурой пролетариата. Теперь же главный коммунист говорит с ним как с добрым старым приятелем или партнером по покеру.

— Мне кажется, господин генерал, — прервал раздумья де Голля Сталин, — что мы можем продолжить нашу содержательную бёседу завтра.

— Да, конечно…

…Ночью генерала неожиданно разбудили и срочно потребовали в Кремль. Не успев отойти ото сна, де Голль увидел в коридоре широко улыбающегося Сталина.

— Извините нас, господин генерал. Мы решили доставить вам удовольствие, — сказал Иосиф Виссарионович, взяв француза под руку. — Думаю, вы не пожалеете.

В сопровождении охранника он повел генерала по коридору. Потом свернул в одну из комнат, которая оказалась кинозалом.

— Прошу вас, генерал, — сказал Сталин, садясь в кресло и указывая де Голлю на стоящее рядом. — Располагайтесь, чувствуйте себя как дома.

Фильм был документальным, рассказывающим о победах русского оружия над фашистами. Русские шли в атаку, немцы позорно сдавались, играла бравурная музыка и голос Левитана гремел, как торжественный набат.

Все было бы ничего, но как только русские солдаты на экране поднимались в атаку, эмоциональный Сталин что есть силы сжимал колено де Голля. Генерал терпел сколько мог, но в конце концов не выдержал и аккуратно снял костлявые пальцы Сталина со своей ноги.

* * *

…На следующий день встреча Сталина и де Голля возобновилась.

— Мы думаем, что нам стоит продолжить обсуждение польского вопроса, — начал Сталин. — Все дело в том, что мы не очень хотим поддерживать правительство Польши, которое заседает в Лондоне. Они там занимаются несерьезными делами:

раздают портфели министрам, собирающимся руководить страной после войны. А что они знают о положении в Польше? Ведь эти «лондонские» поляки не бывают у себя на родине!

— Кажется, вам следует говорить об этом с Черчиллем, — ответил де Голль.

Де Голлю показалось, что Сталин намеренно с презрением отзывается о «лондонских» поляках.

Ведь сам де Голль начинал карьеру именно благодаря помощи Черчилля и английского правительства. Во всяком случае, на первых порах именно Великобритания помогла ему встать на ноги и организовать борьбу с фашистами.

— Вы должны нас понять, — сказал Сталин. — Польша — это гарант нашей безопасности. Мы хотели бы очень, чтобы вы поддержали нас в вопросе будущего правительства Польши. В свою очередь мы готовы заключить с вами двусторонний союзный договор.

— Франция трижды подвергалась германскому вторжению, — проговорил генерал. — Франция и Россия являются теми странами, которые находятся под непосредственной германской угрозой и которые платят дороже всех во время германских вторжений. Францию и Советский Союз можно с полным правом назвать первым этажом безопасности.

— Думаю, мы уже построили фундамент, — без тени улыбки произнес Генеральный секретарь ЦК ВКП(б).

— Я хотел бы, чтобы о нашем разговоре знали только мы двое, — сказал в конце беседы де Голль.

— Так ведь нас и было двое, — Сталин хитро посмотрел на Трояновского.

— Я хотел бы поблагодарить вас за обещание хранить наши разговоры в секрете, — нервно сказал де Голль, — и надеюсь, что нашу следующую встречу будет переводить именно господин Трояновский, который очень тонко разбирается в нюансах французского языка…

* * *

Десятого декабря в Кремле был подписан Договор о союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Францией. Договор предусматривал продолжение войны до окончательной победы над Германией, отказ от сепаратных переговоров с ней и обязательство предпринять после войны все меры для устранения любой новой угрозы, исходящей от Германии, и препятствовать таким действиям, которые делали бы возможной попытку

агрессии с ее стороны.

Особо оговаривалось, что стороны обязуются не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленной против одной из договаривающихся сторон.

После успешного завершения переговоров Иосиф Сталин пригласил генерала на ужин в Кремль, на котором присутствовало все советское руководство. Первый тост произнесли за вождя всех времен и народов Иосифа Сталина.

Де Голль вежливо приподнял бокал с шампанским, но не успел наклонить голову в вежливом поклоне, как грянуло гулкое: «Ура!» Постепенно привыкающий к советским ритуалам, де Голль пригубил бокал и принялся наблюдать за происходящим.

Во время ужина генерал обратил внимание, что как только советский руководитель поднимал тост за кого-либо из своих сподвижников, тот стремглав несся к нему, чтобы чокнуться. Во время этой пробежки Сталин зорко следил за поведением соратников: не обуяла ли кого-нибудь гордыня, не проявляет ли бегущий медлительности.

Здесь де Голль впервые познакомился с будущим советским лидером — Никитой Хрущевым, который выплясывал перед почтенной публикой гопака.

Ужин закончился далеко за полночь, и, облегченно вздохнув, де Голль отправился спать.

* * *

Визит и последующее подписание договора Франции и Советского Союза подняли престиж Временного правительства и лично генерала де Голля на мировой арене. Если не так давно все важнейшие вопросы, связанные с войной и дальнейшим устройством мирового сообщества, обсуждались Великобританией, Советским Союзом и Соединенными Штатами, то в 1945 году на конференции трех держав в Ялте было решено выделить Франции зону оккупации в Германии и включить ее в Союзный контрольный совет наравне с остальными союзниками. Кроме того, Франция получила одно из пяти мест постоянных членов Совета Безопасности, хотя первоначально планировалось включить в него лишь четыре державы (Великобританию, СССР, США и Китай).

В конце 1944 года де Голль получает письмо из Третьего рейха от партайгеноссе Гиммлера:

«В самом деле — единственный путь, который может привести ваш народ к величию и независимости, это путь договоренности с побежденной Германией. Заявите об этом немедленно. Вам необходимо безотлагательно вступить в контакт с теми деятелями рейха, которые еще располагают реальной властью и готовы направить свою страну по новому пути… Если вы воспользуетесь возможностью, которую ныне открывает вам история, вы станете величайшим деятелем всех времен…»

1945 год

Четырнадцатого апреля армии западных союзников вышли на Эльбу, а двумя днями раньше умер Ф.Д. Рузвельт. Новым президентом Соединенных Штатов стал вице-президент Гарри Трумэн, который еще в 1941 году заявил: «Пусть немцы и русские как можно дольше убивают друг друга…»

Двадцать седьмого апреля в Италии был казнен дуче, а на франко-швейцарской границе арестован маршал Анри Филипп Петен. Через день во Франции состоялись первые выборы в муниципальные советы и прекратилась деятельность местных комитетов Освобождения.

Второго мая закончилась война в Италии, à через день армии генерала Леклерка вступили в Берхтесгаден.

* * *

В ночь с восьмого на девятое мая 1945 года в здании военно-инженерного училища в пригороде Берлина Карлхорсте в присутствии представителей Советского Союза — маршала Советского Союза Г.К. Жукова, Англии — главного маршала авиации А. Теддера, Соединенных Штатов Америки — генерала К. Спаатса, Франции — генерала де Латр де Тассиньи уполномоченные германского верховного командования генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, адмирал флота Фриденбург и генерал-полковник авиации Штумпф подписали акт о безоговорочной капитуляции Третьего рейха.

Увидев на церемонии подписании капитуляции представителя Франции — поверженной, униженной и, как казалось гитлеровцам, растоптанной сапогами солдат вермахта, Кейтель чуть не лишился чувств.

Наступил конец войне в Европе.

* * *

К этому времени в Париж прибыли последние немецкие ученые, сумевшие вырваться из советской оккупационной зоны. Всем им предложили выгоднейшие в финансовом отношении контракты, о чем не могли и мечтать те, кто прямиком попал в сибирские шарашки.

Сразу после капитуляции де Голль поставил перед своими

спецслужбами задачу: привлечь германских ученых во французские научно-исследовательские учреждения и конструкторские бюро.

Во Францию попало около тысячи научных работников высочайшей квалификации. Все они участвовали в разработке секретных проектов. Именно им Франция обязана появлением на свет ракет «Ариан», самолетов «Мираж», танков AMX и, что вероятнее всего, ядерного оружия.

С 1940-го по 1944 год Франция была лишена возможности вести разработки собственных военных технологий. В то время как русские, немцы, американцы и англичане вели интенсивные поиски новых видов вооружения и активно совершенствовали имеющееся, французы с ужасом наблюдали собственное технологическое отставание и разрушение французских научных центров. Само собой разумеется, самостоятельно ликвидировать возникший разрыв французы не имели ни малейшей возможности.

Единственным способом решить эту проблему было привлечение к работе «трофейных» ученых из Третьего рейха. Именно решение этой задачи взял на себя сразу за вступлением в Германию войск под командованием генерала Делатра де Тассиньи Шарль де Голль.

Семнадцатого мая 1945 года глава Временного правительства Франции выпустил специальную директиву, в которой говорилось:

> «Необходимо сделать все для доставки во Францию выдающихся немецких ученых или техников с целью получения от них информации об их работах и одновременно привлечения их к работе на нас».

…Французам повезло. Во-первых, они заняли южную часть Германии, где находились десятки заводов и лабораторий, производивших сверхсовременное оружие и наименее пострадавших в ходе боевых действий. Отсюда только в 1945 году во Францию было вывезено более пятидесяти тонн высокоточного оборудования, что позволило в кратчайшие сроки оснастить вновь созданные французские лаборатории и конструкторские бюро. Достаточно упомянуть крупнейшую в мире на тот момент аэродинамическую трубу из Тироля, которая работает до сих пор!

Во-вторых, сотрудники Второго разведывательного бюро французских ВВС нашли у города Обераммергау двадцать сейфов с двумя с половиной тысячами совершенно секретных документов о последних разработках «Мессершмитта» в области реактивной авиации и ракетостроения. Это позволило направить поиски в

конкретное русло.

Очень скоро де Голль имел досье на три тысячи ведущих немецких конструкторов и ученых, занятых в военной промышленности.

Но трудности заключались в противодействии спецслужб союзников, которые стремились заполучить германцев в свое распоряжение. Советский Союз отправил в шарашки свыше пяти тысяч технических работников и ученых, Соединенные Штаты смогли вывезти с территории поверженного противника более трех тысяч специалистов, а французам досталось около тысячи научных работников.

Тем не менее французам удалось выкрасть первоклассных ученых у конкурентов из ЦРУ и МГБ. Так случилось с отцом «Фольксвагена» и большинства танков германской армии Фердинандом Порше.

По настоянию Фредерика Жолио-Кюри французский спецназ вывез из советской зоны несколько немецких физиков-ядерщиков.

Эмгебешники смогли заполучить специалистов всех типов вооружений. Однако наибольший интерес для Берии представляли ракетчики из исследовательского центра в Пенемюнде. Более трехсот сотрудников фон Брауна были доставлены в СССР.

Хельмут Хаберманн, один из разработчиков ракеты «Фау-2», в октябре 1945 года писал:

> «…мы окончательно остались не у дел. Однажды наш повар предложил мне установить контакты с русскими. Я тайно перешел границу между оккупационными зонами и встретился с Хельмутом Греттрупом, бывшим сотрудником фон Брауна. Он собрал двести инженеров для работы над будущей советской ракетной программой и искал специалистов по системам управления ракетами. Он пообещал мне паек в четыре с половиной тысячи калорий в день — мясо, масло, хлеб и хорошую зарплату. Он гарантировал, что вся группа будет работать в Германии. Я не поверил и оказался прав. Спустя короткое время, после обильного угощения с большим количеством водки, советские солдаты всех погрузили в вагоны и отправили в Россию».

Работы группы Королева начинались с экспериментов над трофейными «Фау-2», а первые советские реактивные самолеты оснащались немецкими серийными двигателями.

Под контролем генерала де Голля французам удалось укомплектовать две команды инженеров по тридцать человек,

которые занялись ракетной техникой.

Немецкие специалисты имели удивительный по тем временам ежемесячный оклад — три тысячи долларов. В четырнадцати французских городах размещались секретные лаборатории, полностью состоящие из немецких специалистов, которые работали над созданием подводных лодок и баллистических ракет, реактивных самолетов и вертолетов, радаров и противотанковых ракет.

Среди ученых и конструкторов выделялся Хайнц Брингер, разработавший ракетный двигатель «Викинг», установленный на баллистических ракетах и на ракете «Ариан».

Известно также, что международная программа «Арианспейс», лидирующая на рынке коммерческих запусков, разработана не без участия бывших гитлеровских инженеров-ракетчиков.

Герман Острих был создателем первого серийного реактивного двигателя ВМУУ-003, которым оснащались самолеты «Хейнкель». Во Франции Острих создал двигатель «Атар-101», модификации которого устанавливались на всех французских военных реактивных самолетах — от «Этандаров» до «Миражей».

Пять тысяч самолетов с этим двигателем было поставлено на экспорт.

Конструкторы из германской компании «Майбах» создали двигатель для французского танка АМХ. С начала пятидесятых ими комплектовались бронетанковые соединения Франции. Тысячи экземпляров были проданы за рубеж. Модификацией этого двигателя оснащен и самый современный французский танк «Леклерк».

Не меньших успехов в деле становления французской военной промышленности добилась команда Ойгена Цангера, создавшая семейство противотанковых реактивных снарядов. Первое детище Цангера — система SS-10 — была продана на экспорт в количестве тридцати тысяч экземпляров. Благодаря инженерным идеям Цангера были созданы системы «Экзосет», «Милан», «Роланд», состоящие на вооружении НАТО.

* * *

Вопрос о судьбе Германии и послевоенном устройстве Европы решался на Берлинской (Потсдамской) конференции глав правительств Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов, проходившей с семнадцатого июля по второе августа 1945 года.

Делегации государств-участников возглавляли И.В. Сталин, У. Черчилль (которого с двадцать восьмого июля заменил К. Эттли) и Г. Трумэн.

В Потсдаме была достигнута договоренность об учреждении Совета министров иностранных дел, куда вошли министры иностранных дел СССР, США, КНР, Великобритании и Франции. Согласно достигнутым соглашениям, мирные договоры с побежденными странами должны были подписывать министры иностранных дел тех великих держав, которые принимали участие в разработке условий капитуляций.

Совет министров иностранных дел также рассматривал предложения по принятию в Организацию Объединенных Наций (ООН) стран, участвовавших в войне на стороне «держав оси».

На конференции очень остро стоял территориальный вопрос, однако благодаря воле и настойчивости Сталина, советской стороне удалось достичь тех целей, которые она перед собой ставила, как в послевоенном устройстве Германии, так и в определении послевоенных границ Польши.

* * *

В мае 1945 года в Сирии возник серьезный военный конфликт между французскими экспедиционными отрядами и местным населением. Причиной стало увеличение количества французских солдат и офицеров на территории Леванта.

Тридцатого апреля 1945 года в бейрутском порту сошли с транспортных кораблей три французских батальона. Через несколько дней на ливанский и сирийский берега высадилось еще полторы тысячи солдат, что привело к резкому протесту правительств Леванта и недовольству местного населения, которое атаковало солдат метрополии.

На сторону восставших жителей перешла местная жандармерия. В ответ французские военные корабли обстреляли в столицах Ливана и Сирии сеть государственных зданий, в том числе сирийский парламент.

За одни сутки в Дамаске погибло четыреста местных жителей и полторы тысячи было ранено. Вечером тридцатого мая французы овладели столицей Сирии, вслед за чем послу в Лондоне Р. Массигли У. Черчиллем был предъявлен ультиматум — немедленно прекратить боевые действия в Леванте. В противном случае английский премьер грозил союзнику вооруженным вмешательством.

Через день в министерство иностранных дел Франции

поступила нота советского правительства, в которой выражалось недовольство действиями французских войск в Леванте, а британские солдаты блокировали французские войска, ведущие боевые действия в Сирии и Ливане.

Назревал военный конфликт между Великобританией и Францией.

Четвертого июня де Голль вызвал в свою резиденцию британского посланника Д. Купера:

— Сейчас мы не можем воевать с Англией, — сказал генерал. — Но британцы оскорбили Францию и предали Запад. Такое не забывается…

Девятого июля Франция пошла навстречу требованиям Сирии и Ливана и передала командование над всеми национальными воинскими формированиями национальным правительствам.

Последним шагом на пути к независимости должна была стать полная эвакуация иностранных войск с территории Леванта.

Для решения этого вопроса страны Леванта обратились в ООН с просьбой воздействовать на Англию и Францию, которые всеми силами стремились сохранить военное присутствие на арабских территориях.

Весьма эмоциональное обсуждение этого вопроса в ООН и пристальное внимание общественности привело к тому, что к декабрю 1946 года все иностранные войска были выведены с территорий Ливана и Сирии.

* * *

Не меньшие трудности ожидали Французскую республику в Индокитае, который в начале войны при попустительстве Петена был занят Японией. Французские колониальные войска не смогли противостоять оккупантам, и только к 1945 году, когда «страны оси» стояли на пороге капитуляции, часть французских солдат выступила на стороне аборигенов и участвовала в партизанской освободительной борьбе, закончившейся полной победой национальных режимов.

Двенадцатого марта, изгнав с территории страны и японцев и французов, король Камбоджи Сианук провозгласил независимость. Девятнадцатого августа была провозглашена независимость Вьетнама, где к власти пришел руководитель местных коммунистов Хо Ши Мин. Двенадцатого октября в результате бунта к власти в Лаосе пришел Народный комитет.

Однако Франция не хотела терять Индокитай и развернула наступление на дипломатическом фронте. Восьмого октября был

подписан англо-французский договор, который признавал французскую юрисдикцию над Индокитаем. За месяц до этого события Франция ввела свои войска во Вьетнам и свергла национальное правительство, что привело в конечном итоге к многолетнему военному конфликту, окончившемуся только в 1954 году признанием независимости и суверенитета Камбоджи, Лаоса и Вьетнама. Колониальная война в Индокитае стоила Франции двадцати тысяч жизней.

В том же году, что и страны Индокитая, независимость получили четыре колонии Франции — Махе, Карикалу, Пондишери и Янаону, которые объявили о своем вхождении в состав Индии.

* * *

В 1945 году де Голль ликвидировал отжившие институты власти, запятнавшие себя сотрудничеством с режимом Виши. Около сорока тысяч предателей были приговорены к разным срокам тюремного заключения, свыше двух тысяч коллаборационистов — к высшей мере наказания — расстрелу.

Правительство Анри Филиппа Петена в полном составе предстало перед судом. Маршал-предатель, Пьер Лаваль, журналисты, певшие дифирамбы гитлеровцам, — Люшер, Бразийяк, Дрие ля Рошель и другие — были приговорены к смертной казни. Анри Филиппа Петена де Голль специальным указом помиловал, заменив смертную казнь пожизненным заключением.

Весьма вероятно, что на столь гуманное решение повлияло и неочевидное обстоятельство, о котором упоминает Й. Геббельс:

> «Из американских источников нам известно, что Петен еще в ноябре 1940 года заключил секретный договор с Англией, согласно которому Франция в благоприятный момент снова вступит в войну с Германией. Этот договор готовился за спиной Лаваля. Я считаю это вполне возможным. Петен провел нас, а Лаваль, вероятно, тоже знал об этом. Напрасно оба не выразили желания остаться в Париже после осуществления англо-американского вторжения. Я полагаю, им нечего было опасаться сурового военного суда»…

К 1950 году в заключении оставалось менее пяти тысяч французов, осужденных за сотрудничество с оккупантами, а

свыше полутора тысяч приговоренных к расстрелу были помилованы.

— Мы потеряли достаточно французов во время войны, — сказал однажды генерал де Голль, — чтобы лишать жизни тех, кто вел себя бесхарактерно…

В 1945 году де Голлю удалось сделать то, что вряд ли было под силу кому-нибудь другому — консолидировать вокруг собственной персоны все слои общества: от коммунистов до правых радикалов.

К моменту изгнания гитлеровцев из Франции ее экономика находилась в глубочайшем кризисе. Объем промышленного производства упал почти на шестьдесят процентов, сельскохозяйственного — на сордк по сравнению с довоенным уровнем. Большинство промышленных предприятий, в том числе и шахт, не работало. Франк обесценился на семьдесят пять процентов. Внешние долги Французской республики превысили все мыслимые пределы.

Политическая борьба приобрела совершенно новые оттенки благодаря росту влияния левых партий, активно участвовавших в освобождении Франции от немцев. Среди левых сил наибольшим авторитетом пользовалась КПФ, которую возглавляли товарищи Морис Торез и Жак Дюкло. Плечом к плечу с коммунистами стояли не менее активные участники Сопротивления — социалисты.

Чуть ближе к центру находились небольшие партии — Демократический и Социалистический союзы Сопротивления, руководимые Рене Плевеном и Франсуа Миттераном.

Несмотря на вину своих вождей в поражении Франции, сумела восстановить свои ряды одна из самых старых и авторитетных партий — Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов.

Из вновь образованных партий обращало на себя внимание Народно-республиканское движение, которое основали Жорж Бидо и один из ближайших друзей де Голля Морис Шуман и правая Республиканская партия свободы.

Сам де Голль считал, что во главе Франции должен находиться сильный руководитель, наделенный всей полнотой власти, несущий ответственность за судьбу страны. Он полагал, что ни в коем случае нельзя ставить исполнительную власть в зависимость от парламента, который представляет интересы отдельных групп населения, но никак не всего народа.

Руководитель страны, по мнению генерала, не должен принадлежать к какой-либо партии. Назначая министров, он обязан думать об интересах страны, а не тех или иных

политических объединений. Он должен проводить референдумы по самым животрепещущим проблемам, чтобы каждый гражданин мог высказать свое мнение.

Как сообщают советские историки, де Голль был «далек от народовластия, от подлинной демократии, требующей участия каждого в управлении обществом». Трудно понять, что имеется в виду под «народовластием» и «подлинной демократией», но именно референдум (всенародное голосование!), проводимый по важному вопросу государственной жизни, определил дальнейшую судьбу Французской республики.

Де Голль, вопреки мнению Консультативной ассамблеи, своей властью назначил на двадцать первое октября 1945 года всеобщие выборы и референдум по вопросу об Учредительном собрании.

Свыше девяноста шести процентов избирателей высказались за отмену конституции 1875 года и созыв Учредительного собрания, которому вменялось в обязанность определить дальнейшую судьбу Франции. Таким образом, Третья республика, не снискавшая себе лавров, канула в Лету.

* * *

На выборах в Учредительное собрание убедительную победу одержали левые силы. Это было связано отчасти с впечатлением, которое произвели на французов ошеломляющие успехи Советской Армии, отчасти с огромным вкладом, который внесли коммунисты и социалисты в победу, находясь в рядах Сопротивления.

Двадцать шесть процентов голосов было подано французами в пользу Коммунистической партии, которая благодаря этому смогла провести в Учредительное собрание сто пятьдесят два депутата. За Социалистическую партию голосовало двадцать четыре процента избирателей, что соответствовало сто сорока двум мандатам. Третье место заняло правое Народно-республиканское движение, вокруг которого сплотилось около двадцати четырех процентов избирателей (сто сорок один депутат). За Республиканскую партию голосовало пятнадцать процентов избирателей, а за радикалов — шесть процентов.

Таким образом, коммунисты и социалисты получили абсолютное большинство в парламентˆ — почти пятьдесят четыре процента голосов. Коммунисты предложили социалистам создать коалицию, которая могла бы контролировать ситуацию в стране, однако лидеры последних отвергли этот альянс.

Социалистическая партия заявила, что готова участвовать только в трехсторонней коалиции с коммунистами и Народно-республиканским движением (МРП), справедливо полагая, что она будет отвечать интересам трех четвертей населения Франции. Во главе правительства социалисты предложили поставить генерала де Голля.

При формировании правительства возник скандал, который чуть было не привел к немедленной отставке генерала. Коммунисты заявили претензию к одному из силовых министерств, де Голль отказался удовлетворить ее и после навязчивых требований Тореза и Дюкло подал в отставку.

К счастью, через несколько дней удалось достичь компромисса — в правительство вошли по пять представителей от ФКП, СФИО и МРП. Коммунистам удалось получить портфель министра вооружений (М. Тийон), что всегда было для коммунистов чрезвычайно важно, а также — заместителя премьера (М. Торез), министров труда (А. Круаз), здравоохранения (Ф. Бийу) и промышленности (М. Поль).

Новый конфликт возник из-за законопроекта социалистов; поддержанного коммунистами, которые потребовали сократить военные расходы на двадцать процентов.

Этот инцидент привел де Голля к решению подать в отставку, ибо сложившаяся система не соответствовала его представлениям о власти. Де Голль считал, что парламентская форма правления, когда партии, производя броуновское движение, вступая в коалиции, предавая друзей и становясь под знамена врагов, не способна обеспечить развитие общества. Он помнил, как формирование правительства по партийной принадлежности привела к власти Анри Филиппа Петена, предавшего Францию и на долгих четыре года обрекшего ее на унижения.

1946 год

Третьего января де Голль присутствует на свадьбе своей дочери Элизабет в Париже, после чего покидает столицу и едет с женой на юг в Иден-Рок. Де Голль наслаждается отдыхом, которого не знал целых семь лет.

Отпуск генерала продолжается чуть больше недели, и четырнадцатого января де Голль возвращается в Париж.

Двадцатого января генерал собирает кабинет министров в здании военного ведомства, и объявляет о своей отставке. Он говорит, что его ре устраивает ситуация, когда власть принадлежит партиям, которые, не неся никакой ответственности, управляют страной. Де Голль ратует за собственную диктатуру, однако замечает, что ни в коем случае не пойдет на военный переворот, ибо это, на его взгляд, может привести к самым пагубным последствиям.

Де Голль сказал, что считает необходимой такую полноту исполнительной власти, при которой президент не зависит от парламента, имеет право единолично формировать правительство, возглавит вооруженные силы, станет определять внешнюю политику…

Попрощавшись, де Голль покинул министров. Левые, за редким исключением, не скрывали удовлетворения. Один из министров-социалистов заметил, что «нет худа без добра» и отныне Национальное собрание сможет спокойно руководить государством.

* * *

В конце января 1946 года во Франции был сформирован новый кабинет министров, в который не вошел генерал де Голль. Команду возглавил член Социалистической партии Ф. Гуэн, привлекший к совместной работе представителей ФКП, СФИО и МРП, что положило начало трехпартийной системе власти.

Тем временем Учредительное собрание разработало и одобрило большинством в шестьдесят голосов проект новой конституции. Вопрос о передаче всей полноты власти законодательному органу стал важнейшим для левых сил Франции. Они надеялись, что народ поддержит их на референдуме, но просчитались.

Несмотря на массированную рекламную кампанию, новый проект конституции был отвергнут, после чего были назначены

выборы в новое Учредительное собрание, которые состоялись второго июня. На этот раз коммунисты заняли второе место, уступив первенство МРП, завоевавшей сто шестьдесят шесть мест. ФКП получила сто пятьдесят три мандата, СФИО — сто двадцать восемь.

Новый состав Учредительного собрания приступил к разработке еще одного проекта конституции.

Шестнадцатого июня 1946 года в небольшом городишке Байе де Голль выступил с речью, в которой он четко сформулировал свои конституционные принципы:

> «…власть имеет силу только тогда, когда ее цели совпадают с высшими интересами страны и когда она пользуется всемерным доверием граждан. Мы формируем институты власти на песке и видим, как они рушатся при первом же кризисе, которые стали обычным делом для французов. Исходя из этого мы должны воспользоваться плодами нашей победы и единством нации и выстроить новые институты власти, более прочные, чем до войны…
>
> Теперь французы должны самостоятельно решить собственную судьбу через Учредительное собрание, которое имеет мандат на разработку конституции…»

В этой речи де Голль убеждал французов, что руководить страной обязан президент, обладающий максимальной полнотой власти. Он должен иметь возможность назначать премьер-министра и министров, утверждать законы, определять внешнюю политику страны.

В момент опасности, подчеркивал де Голль, президент должен брать на себя ответственность и быть гарантом целостности государства.

Закончил свою речь де Голль так:

> «В истории Франции всегда оглушительные поражения сменялись блестящими победами нации, объединившейся вокруг сильной государственной власти».

Эта речь имела резонанс во всех слоях французского общества, хотя была в первую очередь рассчитана на депутатов нового Учредительного собрания, но они проигнорировали пожелания де Голля и разработалй проект, не имеющий ничего общего с идеями генерала.

По задумке авторов проекта, парламент отныне делился на

две палаты — Национальное собрание и Совет республики. Вся полнота власти в стране передавалась Национальному собранию как законодательному органу, которому принадлежало решающее слово при формировании власти исполнительной. Согласно конституции, Национальное собрание играло главную роль во внешней политике, определяя ее генеральную линию и осуществляя контроль за правительством в деле ее проведения.

Национальное собрание имело право осуществлять самый жесткий контроль за действиями кабинета министров.

Президент республики не имел никакого веса при определении как внешней, так и внутренней политики. Он от имени республики подписывал международные договоры и соглашения, однако не участвовал в их разработке. При президенте аккредитовывались иностранные послы, он назначал послов в иностранные государства.

* * *

На тринадцатое октября был назначен общенациональный референдум, на котором французы должны были или принять или отвергнуть предложенную конституцию.

Перед референдумом сподвижники де Голля создали «Союз голлистов», однако он не сыграл сколько-нибудь заметной роли в политическом спектакле Франции того времени. Де Голль выступил с резкой критикой проекта, выносимого на всенародное волеизъявление, но французы сказали новой конституции «да».

Новая конституция наконец-то отвечала всем требованиям левых сил относительно распределения властей. Теперь вся полнота власти в стране принадлежала парламенту, который коммунисты надеялись превратить в свою вотчину. Премьер-министр, согласно новому основному закону, назначался парламентом, строго им контролировался и мог был отправлен в отставку в любую минуту.

Преамбула к новой конституции признавала Декларацию 1789 года о том, что частная собственность является священной и неприкосновенной, что было для коммунистов большой уступкой общественному мнению.

Кроме того, новый основной закон закрепил равенство мужчин и женщин во всех областях; право трудящихся на организацию профсоюзов и забастовки, на коллективное определение условий труда, на участие в управлении предприятиями; право на труд; гарантии охраны здоровья, материального обеспечения; отдыха и досуга детей, матерей,

престарелых тружеников; бесплатное светское образование; равный доступ для детей и взрослых к образованию и культуре.

Впервые в истории Франции проблемы, связанные с колониями, решались основным законом.

В преамбуле конституции говорилось:

> «Франция образует вместе с заморскими народами союз, основанный на равенстве прав и обязанностей без расовых и религиозных различий. Французский союз состоит из наций и народов, которые объединяют или координируют свои усилия для того, чтобы развивать цивилизацию каждого, увеличить свое благосостояние и обеспечить свою безопасность. Верная своей традиционной миссии, Франция намерена привести народы, руководство которыми она взяла на себя, к свободному самоуправлению и демократическому руководству своими собственными делами; отвергая всякую систему колонизации, основанную на произволе, Франция гарантирует всем свободный доступ к общественным должностям и индивидуальное или коллективное осуществление провозглашенных или подтвержденных выше прав и свобод».

В 1946 году во Французский союз, провозглашенный конституцией (без метрополии), входили заморские департаменты: губернаторство Алжир (департаменты Алжир, Оран и Константина); Мартиника, Гваделупа, Гвиана, Реюньон и так далее; заморские территории — Сенегал, Мавритания, Гвинея, Судан, Нигер, Берег Слоновой Кости, Дагомея, Верхняя Вольта, Габон, Среднее Конго, Убанги-Шари, Чад, Мадагаскар, Французское Сомали, Новая Каледония и так далее; подопечные территории и присоединившиеся государства.

* * *

Верховенство законодательной власти никак не устраивало де Голля и его сторонников.

Выборы в Национальное собрание прошли через месяц после референдума и вывели на первое место коммунистов, которые получили сто восемьдесят два мандата. Социалисты получили сто два мандата, а МРП — сто семьдесят три.

Началась история Четвертой республики.

* * *

Потерпев сокрушительное поражение, де Голль взял паузу, надеясь, что она не будет продолжительной, и удалился в имение в Коломбэ.

Вот как описывает его пребывание там Эммануэль д'Астье:

«Июнь выдался душный. Но Шарль де Голль хорошо переносил жару, он никогда не потел. Гладко причесанные, блестящие волосы он красил в интенсивный черный цвет, они делали голову плоской; восковое лицо, где не видно было ни следов волнений, ни морщин, по-прежнему казалось лицом исторического деятеля. Де Голль совсем не изменился с 18 июня 1940 года. Окружавшая его в то время легенда, какой-то внутренний голос, звучавший в нем, оставили столь глубокий след на всем его облике, что ни история, ни люди уже не в состоянии были этого изменить. Недостатки служили ему так же хорошо, как и достоинства: он умел отдаляться от людей, умел бежать от сложных обстоятельств (как когда-то бежал из своей страны) и воздействовать на людей самим фактором своего отсутствия и речами. Даже его имя — де Голль (de Gaulle) по-французски произносится так же, как «из Галлии» (de Gaule) — придавало ему символическую силу и облегчало доступ в учебники истории, где этим именем будет названо движение миллионов людей, чьи действия и побуждения часто были ему чужды.

С 1945 года, со времени его возвращения к людям, он не перестал быть символом, хотя бы и лишенным содержания. Его возмутила возможность вести за собой страну своим безапелляционным словом, высказанным глубоким, пророческим голосом. И в 1946 году, будучи не в состоянии справиться с задачами, стоявшими перед его правительством, он задумал еще раз разрешить все трудности и положить конец враждебному отношению окружающих его маленьких людишек своим отсутствием, новым бегством.

Но история не остановилась: первый встречный по имени Жюст Бар с ходу заменил его. И теперь надо было снова стать де Голлем — уже не символом, а вождем.

Сомнения не одолевали его. Если в данный момент история повернулась к нему спиной, то это была ошибка истории. Внутренний голос, звучавший в его душе, не покинул его, несмотря на то, что Франция, воплощением которой он хотел быть, отвернулась от него. Этот внутренний голос, заменявший ему всякую политическую и философскую систему, не допустит ни малейшей ошибки. Вместо того, чтобы проверить самого себя,

он копался в совести французов.

Сидя у себя в Коломбэ за письменным столом, безучастный к лету, которое всегда является новой вехой в жизни человека, он готовился к выступлению в Ренне. Под рукой у него был текст речи, произнесенной им в феврале в Брюнвале, и текст коммюнике, которое он составил для печати. Из первого текста одна фраза — «Французы обретут Францию» — пела у него в голове, как стих из Нострадамуса, в смысл которого никто еще хорошенько не вник, но который ему надлежало воплотить в жизнь. Второй текст был составлен в духе военного коммюнике или приказа по армии: «Отныне создано Объединение Французского народа. Я беру на себя руководство им. Оно имеет целью…»

Подчас не столько идеи, сколько слова или некая совокупность слов увлекала его. Символика и форма его речей так прекрасна, что допускала отсутствие содержания. Воспитанный на надгробных словах, он любил пользоваться повторами, тремя существительными, тремя прилагательными, апострофами, а также восклицаниями, которые риторы называют эпифонемой; любил жонглировать тезисом и антитезисом, прерывая себя словами «так вот», или «я говорю», или «сам я».

В своем имении генерал начал писать мемуары, ставшие его самым значительным публицистическим трудом. В то время финансовое состояние семьи де Голля оставляло желать много лучшего. Он вынужден был продать автомобиль — подарок Рузвельта. Его стол никогда не отличался кулинарными шедеврами. Его просторный дом был обставлен просто и без роскоши.

Удалившись от дел, де Голль напряженно наблюдает за политическими событиями. Его раздражает активность коммунистов, ибо он знает, к чему ведет снисходительное отношение к левым. Ему не нравится новая (хорошо забытая старая) система власти. Де Голлю кажется, что политики радуются его вынужденному уходу и твердят друг другу:

— Смотрите, он ушел и… ничего не случилось. Франция не обрушилась в преисподнюю, не начала новую войну и не подорвалась на мине. Значит, генерала можно заменить на любого политика!

1947–1948 годы

Тем временем, как писали советские историки, «больших успехов в борьбе за социализм достигли народы Азии». Все громче и громче заявляли о себе национальные политические и военные лидеры французских колоний, не желавшие оставаться в орбите интересов Французской республики. Империя, которую удалось сохранить только чаяниями генерала и большими уступками, закрепленными в конституции Четвертой республики, могла рухнуть в любую минуту и погрести под собой живущих вне метрополии французов.

Двадцать второго января 1947 года, после отставки трехпартийного кабинета социалиста Леона Блюма, к власти пришел Поль Рамадье, который, помимо коммунистов, социалистов и членов МРП, традиционно входивших в послевоенные правительства, привлекает к работе радикалов и правых. Председателем Национального собрания избирается старейший политический деятель Франции Эдуард Эррио, давнишний знакомый де Голля, впервые получивший пост премьер-министра еще в 1924 году.

Внутри страны набирала темп инфляция, рабочие все чаще выходили на демонстрации, требуя улучшения своего положения. Весной уменьшилась норма выдачи хлеба с трехсот до двухсот пятидесяти граммов в день. Коммунисты потирали руки в предчувствии социальных катаклизмов, благодаря которым они могли бы получить абсолютную власть в государстве, ибо их главенствующее положение в политическом бомонде давно стало очевидным фактом.

Личная обида и тревога за судьбу Франции в конце концов заставили де Голля вернуться к политической жизни. Вместе со своим личным другом, писателем Андрэ Мальро, де Голль принял решение собрать всех противников парламентаризма под свои знамена.

Вот что пишет об Андре Мальро Эммануэль д'Астье:

> «Формулировки Мальро приводили его (де Голля) в возбуждение, как обобщения и рецепты Макиавелли возбуждали его властелина. Де Голль был медиумом, а Мальро — его поэтом. И этот поэт, который, наблюдая борьбу народа, испытал головокружение и постарался освободиться от всего этого, чтобы уберечь свое «я», один был в состоянии помочь де Голлю найти обоснование его вдохновенным поступкам».

Четырнадцатого апреля генерал официально заявил о создании новой партии — «Объединение французского народа» (РПФ).

Двадцать четвертого апреля он выступает на пресс-конференции, где рассказывает журналистам о целях и задачах новой организации — о структуре власти, за которую она ратует, о внутриполитических и международных приоритетах, о законах, которые планирует принять РПФ после своего предполагаемого прихода к власти.

Главной же задачей новой партии, как сказал де Голль журналистам, была немедленная реформа конституции, ибо та неминуемо приведет республику к краху.

Де Голль лично возглавил новое объединение; его заместителем стал Жак Сустель, занявший пост генерального секретаря новой партии. В исполком РПФ вошли Г. де Бенувиль, А. Бозель, Ж. Бомель, Л. Валон, А. Дьетельм, Л. Мазо, А. Мальро, Г. Палевски, Л. Пастер Валлери Радо, Ж. Помпен, Реми, Ж. Сустель и К. Фуше.

На первых порах дела новой партии шли превосходно. Практически повсеместно были созданы первичные ячейки РПФ, к ней примкнули многие заметные фигуры французского политического Олимпа, де Голля поддержали почти все его соратники по борьбе с фашизмом. К осени 1947 года в рядах объединения состояло уже более одного миллиона человек.

РПФ зарегистрировало и издавало немалыми тиражами несколько периодических изданий. Функционеры объединения развернули широкую рекламную кампанию. Митинги и демонстрации стали рутиной. Сценарии для этих мероприятий писал А. Мальро, обладавший отменным вкусом, а главное — безудержной фантазией. На многих мероприятиях РПФ выступал сам генерал, речи которого собирались послушать тысячи французов.

Разумеется, правительство не могло пройти мимо активной деятельности де Голля, направленной фактически против Четвертой республики в целом и коммунистического большинства в парламента в частности. Поль Рамадье, а затем и сменивший его Робер Шуман запрещали транслировать выступления де Голля по национальному радио, генерала лишили личной охраны. Однако генерал не придал этому значения, понимая, что перехватывает инициативу.

В июле 1947 года во внешнеполитическом миропонимании де Голля четко обозначился антикоммунистический крен. В своей речи на митинге в Ренне генерал провозгласил новый приоритет — антикоммунизм. Отчасти это было связано с общими

настроениями в правительствах Запада, отчасти — с так называемыми «нарушениями ленинских принципов отношений между компартиями разных стран». Проще говоря, ФКП была не в силах противиться воле «вождя всех времен и народов» и вела откровенно просоветскую деятельность в Национальном собрании.

Пятого мая Поль Рамадье удалил коммунистов из своего правительства, объясняя это нарушением «министерской солидарности», а де Голль назвал М. Тореза и Ж. Дюкло сепаратистами.

Позже Ж. Дюкло писал:

> «Он объявил нас сепаратистами, обвинил в том, что мы «дали обет послушания приказам одного иностранного центра (интересно какого?), стремящегося к господству».

Осенью 1947 года голлисты образовали в Национальном собрании свою фракцию (интергруппу), в которую вошел сорок один человек из числа правых депутатов. Помимо этого сподвижники генерала, засучив рукава, принялись за подготовку к выборам в представительные органы местной власти.

Муниципальные выборы, прошедшие в октябре 1947 года, принесли голлистам оглушительную победу в тринадцати городах, в том числе и в столице, где мэром стал брат генерала Пьер. После окончательного подведения итогов де Голль потребовал немедленно роспуска Национального собрания, мотивируя это изменением в настроениях избирателей.

Однако коммунисты, составлявшие самую большую парламентскую фракцию, проигнорировали призыв генерала. Понятно, что они знали о приверженности де Голля исключительно законным методам борьбы и могли спокойно продолжать свою деятельность, обещая трудящимся прибавить пятьдесят граммов хлеба к ежедневной норме.

В это время генерал часто встречается с непрерывно сменяющими друг друга премьер-министрами: Полем Рамадье, Робером Шуманом, Андрэ Мари, Анри Кеем… На этих рандеву генерал неизменно требовал изменений в действующей конституции и неизменно получал категорический отказ.

Шестнадцатого апреля 1948 года состоялся Первый съезд РПФ, прошедший с большой помпой. Две тысячи делегатов восторженно приветствовали генерала, который открыл съезд. С отчетным докладом выступил Ж. Сустель. В докладе упоминалось о том, численность РПФ постоянно растет и уже составляет полтора миллиона человек.

После съезда генерал продолжил рекламную кампанию объединения, находясь в постоянных разъездах. Он выступал на митингах, встречался со знаменитостями, произносил речи по частному радио. Активность де Голля была обусловлена приближающимися выборами в Совет республики, который хотя и не обладал полномочиями Национального собрания, но был своеобразным индикатором настроений в обществе.

На состоявшихся осенью выборах РПФ получило пятьдесят шесть мест из трехсот двадцати, что было началом конца этого объединения. И хотя еще семьдесят четыре человека заявили, что они будут поддерживать РПФ, но и ста тридцати голосов было недостаточно для принятия решений.

РПФ отказалось от первоначального плана выдвижения своего человека на пост председателя Совета республики.

1949–1950 годы

В феврале 1949 года в Лилле состоялся Второй съезд РПФ, который проанализировал результаты деятельности партии после Первого съезда, ее удачи и провалы и наметил перспективные планы на ближайшее время. Кроме того, делегаты работали над теоретическим обоснованием доктрины голлизма и тактикой предстоящих выборов в Национальное собрание.

Кантональные выборы весной 1949 года принесли более скромные результаты, чем на предыдущих выборах — РПФ не получило и четверти голосов тех, кто пришел к урнам для голосования.

В апреле 1949 года Франция вступила в Североатлантический союз (НАТО), главенствующая роль в котором принадлежала Соединенных Штатам. Премьер-министр Франции Р. Шуман убеждал своих оппонентов, что НАТО является сугубо оборонительной организацией, деятельность которой направлена прежде всего на нейтрализацию возрождающейся Германии. Во Франции разместились штаб-квартира и военные базы НАТО, а бюджет был подкорректирован в сторону увеличения военных расходов.

В июне 1950 года, используя просчеты Советского Союза в ООН, США развязали войну в Южной Корее, что стало одной из причин резкого обострения «холодной войны» между вчерашними союзниками. Неудивительно, что Франция, попавшая в некоторую экономическую зависимость от США и знающая о гегемонистских планах Сталина, всецело поддержала американцев, послав на Корейский полуостров батальон пехоты.

В это же время в Париже состоялся Третий съезд РПФ. На съезде было заявлено о трех составляющих голлистского движения и трех элементах политической доктрины как об официальной идеологии партии.

Во-первых, РПФ категорически требовало отменить конституцию 1946 года и установить на территории Франции сильную исполнительную власть. Во главе государства, по представлениям РПФ, должен стоять президент, избранный прямым тайным голосованием и обладающий самыми широкими полномочиями.

Во-вторых, голлисты провозгласили необходимость сугубо национальной внешней политики, основной прерогативой которой должны быть интересы французского народа. Независимость внешнеполитического курса становилась вторым составным элементом голлизма. Участники съезда большое

внимание уделили отношениям между супердержавами и роли Французской республики, которую она должна играть на фоне противостояния СССР и США.

В-третьих, голлисты выступили за проведение серьезных экономических реформ, которые разработал Р. Капитан с коллективом единомышленников. В основе реформы лежала разработка такой системы контрактов между работодателем и наемным работником, при которой наемный работник получал доступ к распределению прибылей, то есть становился полноправным хозяином предприятия.

1951–1957 годы

Семнадцатого июня 1951 года голлисты потерпели серьезное поражение на выборах в Национальное собрание. Несмотря на мощную рекламную кампанию, в ходе которой де Голль выступал на нескольких митингах ежедневно, и серьезную финансовую поддержку, за РПФ отдают свои голоса четыре миллиона избирателей, что соответствует ста восемнадцати депутатским мандатам.

РПФ растеряло большую часть своих избирателей.

На тех же выборах коммунисты, невзирая на резкое сокращение численности ФКП, сумели привлечь на свою сторону свыше пяти миллионов избирателей и вновь вышли на первое место по числу полученных на выборах голосов. Большие потери в ходе волеизъявления понесли социалисты, МРП и радикалы.

Тем не менее, благодаря своеобразию избирательной системы, РПФ получило в Национальном собрании 118 мандатов, социалисты — 104, коммунисты — 103, Национальный центр независимых и крестьян — 98, радикалы — 94, Народнореспубликанское движение — 85.

Де Голль недоволен результатами выборов, полагая, что, не имея абсолютного большинства в парламенте, вряд ли удастся провести в жизнь хотя бы одну из принятых на последнем съезде доктрин. Он считает необходимым, не вступая ни в какие коалиции, стараться парализовать работу парламента. Это приводит к тому, что двадцать семь членов РПФ, заседавших в Национальном собрании, перестали подчиняться распоряжениям генерала.

В апреле 1953 года во Франции состоялись очередные муниципальные выборы, где РПФ набирает десять процентов голосов избирателей. В начале мая де Голль в печати признал свое поражение и заявил, что более не вправе руководить депутатами от РПФ в парламенте.

* * *

Незадолго до этого случилось событие, ставшее одним из важнейших в пятидесятых годах: умер Иосиф Сталин, которого де Голль знал лично и с которым вел длительные и напряженные переговоры.

Советская пресса сообщала:

«В ночь на второе марта у И.В. Сталина произошло кровоизлияние в мозг (в его левое полушарие) на почве гипертонической болезни и атеросклероза. В результате этого наступили паралич правой половины тела и стойкая потеря сознания… Во вторую половину дня пятого марта состояние больного стало особенно быстро ухудшаться: дыхание сделалось поверхностным и резко учащенным, частота пульса достигла 140–150 ударов в минуту, наполнение пульса упало.

В 21 час 50 минут, при явлениях нарастающей сердечно-сосудистой и дыхательной недостаточности, И.В. Сталин скончался».

* * *

После проведения муниципальных выборов, на которых РПФ потерпело неудачу, де Голль пришел к выводу, что Объединение должно быть ликвидировано. В первую очередь генерал ликвидировал наименование организации и ее аббревиатуру. Отныне сильно поредевшая парламентская фракция стала носить название «Союз республиканского и социального действия».

После вхождения пяти депутатов-голлистов в правительство премьер-министра Ж. Ланьеля двадцать седьмого июня 1953 года де Голль исключил их из РПФ, считая такой поступок соглашательством с политической системой Четвертой республики.

РПФ угасало на глазах. Исчез энтузиазм, характерный для первых месяцев ее деятельности. Генерал почти не выступал на митингах, не собирал заседаний комитета РПФ, все чаще уединялся в своем имении, занимаясь «Военными мемуарами».

Позже де Голль напишет:

«Шесть лет, с 1952-го по 1958 год, я писал «Военные мемуары», не вмешиваясь в общественные дела, но и не сомневаясь, что пороки существующего режима рано или поздно приведут к тяжелому национальному кризису».

* * *

По задумке де Голля, мемуары должны были состоять из трех частей, которые охватывали бы определенные периоды из его жизни: первая часть — с 1940-го по 1942 год; вторая — с 1942-го

по 1944 год; третья — с 1944-го по 1946 год.

Первый том, вышедший в издательстве «Плон» в 1954 году, немедленно стал бестселлером и принес генералу огромный гонорар.

Из газетных заметок и передач парижского радио де Голль узнавал последние новости. Девятнадцатого июня на посту премьер-министра Жозефа Ланьеля сменил Пьер Мендес-Франс, который с первых дней был вынужден заниматься вопросами колониальной политики. Уже через месяц после прихода к власти новый премьер сумел добиться прекращения восьмилетней войны в Индокитае, и вскоре Мендес-Франс предоставил независимость Тунисскому государству.

Однако противоборство поборников империи не позволило кабинету нового премьера обеспечить полную независимость Марокко и Алжиру, что привело к длительной партизанской войне в Северной Африке.

* * *

В конце 1954 года в Алжире вспыхнула кровопролитная война, которую вели, с одной стороны, алжирские националисты, с другой — французские колониалисты; во все времена Алжир считался жемчужиной империи, и его потеря казалась многим во Франции национальной трагедией. Тем более, что в Алжире давно и прочно обосновались сотни тысяч французских граждан, связавших свою судьбу с этой территорией.

Двадцать третьего октября министр внутренних дел Четвертой республики Франсуа Миттеран получил шифровку из Алжира, в которой говорилось о возможности скорого восстания в колонии. В то время в Алжире был расквартирован пятитысячный воинский контингент, на помощь которому были направлены три батальона десантников и около тысячи человек вспомогательного персонала.

В ночь на первое ноября отряды алжирских националистов напали на французские воинские части, что стало началом так называемой Алжирской революции, стратегия которой сводилась к метким террористическим ударам по жизненно важным объектам противной стороны, военным расположениям и гражданскому населению.

В ответ на первые залпы и взрывы французы пытались бороться с мелкими отрядами Армии национального освобождения (АНО), пытаясь добиться их скорейшего физического уничтожения. Однако эта тактика оказалась

контрпродуктивной. Хорошее знание местности и поддержка местного населения позволяла террористам без труда уходить от французских воинских подразделений.

К августу 1955 года численность АНО уже составляла двадцать тысяч человек и продолжала расти. Французский экспедиционный корпус насчитывал уже около ста пятидесяти тысяч хорошо обученных солдат и офицеров. Однако численное преимущество не обеспечивало колониальным войскам военного превосходства, и уже к апрелю 1956 года алжирцы контролировали третью часть территории своей страны.

Французским войскам удавалось прочно удерживать власть только в крупных городах, где проживало большинство этнических европейцев.

События в Алжире вносили все более глубокий раскол во внутриполитическую жизнь метрополии. Сторонники империи выступали за жесткое и жестокое решение алжирского вопроса, заостряя внимание на том факте, что более миллиона белых граждан Алжира будет вынуждено покинуть свои дома и бросить имущество.

Описанные события привели к тому, что за четыре года сменилось шесть премьер-министров, каждый из которых пытался со своей стороны подступиться к проблеме, не затрагивая ее корней и не понимая, что борьба с аборигенами бесперспективна.

Алжирская война с каждым днем становилась все менее популярной во всех кругах французского общества, ежедневно узнающего о новых жертвах среди французских солдат, проходящих службу в Алжире. Одиннадцатого сентября 1955 года около пятисот солдат отказались ехать в Алжир, и с каждым днем число дезертиров увеличивалось.

Тем временем бойцы АНО проникли в город Алжир, где повели беспощадную борьбу против французских войск. Ответственность за наведение порядка возлагалась на генерала Ж. Массю, который предпринял ряд карательных акций, направленных на подавление восстания. Однако чем жестче были меры французского командования, тем жестче отвечала АНО.

Двадцать седьмого января 1957 года в Алжире прошла общенациональная восьмидневная забастовка, подавленная стараниями генерала Салана, ставшего благодаря ограниченным успехам кумиром французских колониалистов и квазипатриотов. На время инициатива перешла к экспедиционным войскам, которым удается на время стабилизировать ситуацию. Численность французского контингента к этому времени составляла около пятисот тысяч человек.

Однако для французской экономики содержание столь

крупной армии, постоянно участвующей в боевых действиях и карательных операциях, было весьма тяжелым и накладным. Ежедневно налогоплательщики раскошеливались на борьбу с Алжирской революцией на два миллиарда франков.

Помимо экспедиционного корпуса Франция была вынуждена держать и крупную армию в метрополии, что привело к нехватке рабочей силы.

Надо сказать, что правительство Ги Молле предпринимало попытки решить алжирскую проблему мирным путем и вело переговоры с руководством Фронта народного освобождения (ФНО), которые начались двенадцатого апреля 1956 года в Каире и продолжились в июле и сентябре в Белграде и Риме. Однако после захвата французскими спецслужбами марокканского самолета, на котором находился один из алжирских лидеров Бен Белла, контакты между ФНО и французским правительством были прерваны.

Ги Молле пытался осуществить ряд социально-экономических преобразований в Алжире, однако они не были поддержаны влиятельными кругами в правительстве и парламенте.

В 1957 году военным руководством Четвертой республики был разработан план «окончательного» решения алжирской проблемы путем полного разгрома АНО, для чего следовало отрезать боевые группы повстанцев от баз снабжения. Были поставлены многочисленные заслоны из колючей проволоки шириной от шести до тридцати метров, по которой пропустили электроток. Через каждые три километра располагался крупный блокпост, а на протяжении всех шестисот километров границы с Тунисом и Марокко постоянно патрулировали танки и авиация.

Очень скоро выяснилось, что заслон абсолютно не способен выполнять возложенную на него функции: боевики АНО без труда прорывали его и получали вооружение, боеприпасы и продовольствие со своих баз, расположенных в соседних странах.

* * *

В августе правительство Мендеса-Франса поставило на ратификацию парламента договор по Европейскому оборонительному сообществу (ЕОС), подписанный в мае 1952 года правительством Р. Шумана. Согласно этому договору шесть европейских стран создавали армию под единым командованием. Однако стараниями гол листов этот договор был отвергнут.

Этот успех стал последним в деятельности сторонников генерала в парламентских структурах Четвертой республики.

В июле 1955 года де Голль на пресс-конференции официально объявляет о роспуске РПФ, понимая, что оно агонирует и неспособно вновь оказаться на поверхности.

* * *

Однако голлизм, несмотря на жестокое поражение, не умер. Осенью 1955 года сторонники де Голля объявили о создании новой политической организации — «Национального центра социальных республиканцев», которая была призвана бороться за создание сильной исполнительной власти в республике.

Этот период голлисты назвали «переходом через пустыню», имея в виду тяжесть работы в период с 1955-го по 1958 год и намекая на поиски пророком Моисеем Земли Обетованной.

Председателем объединения стал Жак Шабан-Дельмас, место генерального секретаря занял Роже Фрей.

С 1953 года голлисты стали проводить еженедельные дружеские встречи в Доме Латинской Америки, где собирались звезды французской политики для обсуждения многих вопросов современной политической жизни. Здесь бывали Ж. Помпиду, А. Мальро, Ж. Сустель, Г. Палевски, М. Дебре и другие выдающиеся деятели Французской республики. Мишель Дебре в то время возглавлял в сенате группу, проповедовавшую идеи де Голля.

В середине пятидесятых обозначилось противостояние, вызванное национально-освободительной войной в Алжире, который уже больше ста двадцати лет находился под юрисдикцией Франции. Десятую часть десятимиллионного населения Алжира составляли европейцы, которые осуществляли политическую и экономическую власть в стране и владели большей частью средств производства.

Официально Алжир был заморским департаментом, и каждый француз с молоком матери впитал представление о том, что Алжир — это Франция, и его потеря равнозначна расчленению республики. Поэтому Мендес-Франс взял курс на жесткое противостояние алжирским националистам, стремящимся к завоеванию полной независимости.

В 1955 году пост министра-резидента Алжира занял сподвижник генерала де Голля Жак Сустель, который наладил дружественные связи со сторонниками сохранения Алжира в составе Франции. В начете следующего года Сустель был отозван в Париж, где создал «Союз за спасение и обновление французского Алжира» (ЮСРАФ). Движение Сустеля поддержали многие видные голлисты, а также представители других

политических течений, выступающие за полную интеграцию Алжира и предоставление алжирцам равных прав с коренными французами.

* * *

В 1956 году выходит второй том «Военных мемуаров», в 1959-м — третий. Несмотря на обычный в литературе такого рода субъективизм, мемуары до сих пор находят понимание у читателей как во Франции, так и за ее пределами. Де Голль оказался талантливым литератором, сумевшим изложить свои мысли так, что они стали достоянием и специалистов-историков, и неискушенных читателей. Это тем более важно, что генерал, в отличие от подавляющего большинства его современников и потомков, не прибегал к помощи литературных «негров».

* * *

Второго января 1956 года состоялись очередные выборы в Национальное собрание. Они закончились безоговорочным поражением голлистов и шумным успехом левых партий, за которые проголосовало одиннадцать из двадцати миллионов избирателей.

Тем не менее ни одна из группировок, как и на предыдущих выборах, не получила подавляющего большинства в парламенте и не смогла образовать собственный кабинет министров. Первого февраля премьером стал социалист Ги Молле, который сумел продержаться у власти более года — рекорд Четвертой республики.

Ги Молле намеревался установить мир в Алжире, изменить избирательную систему, увеличить социальные блага и снизить инфляцию. Некоторые из своих обещаний Ги Молле выполнил: повысились зарплаты и пенсии, а Тунис и Марокко наконец-то получили полную независимость. Кроме того, правительство предприняло решительные шаги в деле разрядки международной напряженности. Ги Молле посетил с официальным визитом Москву сразу после окончания XX съезда КПСС, на котором было принято постановление о преодолении культа личности И.В. Сталина и его последствий.

Кроме преодоления культа форум русских коммунистов «сделал вывод о реальной возможности предотвращения войн в современных международных условиях», что вступило в

противоречие с ленинскими тезисами о неизбежности войн в эпоху империализма. Новый лидер Советского государства Никита Сергеевич Хрущев впервые после семнадцатого года говорил о том, что коммунисты готовы — пусть даже на время — отказаться от идеи мировой революции и согласиться с мирным сосуществованием систем с различным общественно-политическим строем.

Ги Молле не сумел разрешить алжирский кризис. Партизанская война на этой заморской территории приобретала все больший масштаб. Правительство не знало, что предпринять в ситуации, когда более миллиона этнических французов оказалось во враждебном окружении. С одной стороны, Ги Молле понимал, что силой удержать Алжир становится все трудней и трудней. С другой стороны — в случае отделения Алжира от Франции, французы, проживавшие в Алжире, становились заложниками местных националистов.

Малоэффективным оказалось резкое увеличение численности французских войск в Северной Африке. Война с восставшим народом требовала колоссальных финансовых вливаний, французские семьи ежедневно получали извещения о гибели своих сыновей, появлялись беженцы, которые рассказывали о зверствах алжирцев, вырезавших целые семьи европейцев.

В марте Ги Молле публично заявил, что пока в Алжире живут граждане Франции, ни о какой независимости не может быть и речи.

* * *

В октябре 1956 года большинство населения Саарской области высказалось за присоединение к Германии, и Франция передала ее ФРГ.

Двадцать первого мая 1957 года правительство Ги Молле ушло в отставку, а двенадцатого июня пост премьер-министра занял М. Буржес-Монури, который пробыл на должности меньше трех месяцев и ничем себя не проявил.

Пятого ноября 1957 года во главе государства встал Феликс Гайар. И для этого премьера на первый план вышло положение в Алжире. ФНО Алжира укреплял свои ряды и приобретал все большую популярность среди этнических алжирцев. Французские экспедиционные войска были неспособны решить алжирский вопрос.

Ответственность за неудачи в Африке французы, проживающие в Алжире, возлагали на гражданское

правительство. Голлисты поняли, что настал момент истины и генерал де Голль — именно та фигура, которая может разрубить гордиев узел межнациональных противоречий. Им казалось, что власть сама идет им в руки, и осенью 1957 года они начали широкую рекламную кампанию за возвращение де Голля на вершину власти.

Имея за плечами богатый опыт, приобретенный во времена расцвета РПФ, лидеры голлистского движения открыли огонь из всех пропагандистских орудий: они ездили по стране, устраивая митинги и диспуты, выступали по радио и телевидению, публиковали статьи о необходимости срочного пересмотра конституции и установления сильной исполнительной власти.

Все это время де Голль жил в Коломбэ и, казалось, мало интересовался событиями на политическом Олимпе, которые развивались с калейдоскопической быстротой. В Алжир для подавления восстания была направлена полумиллионная армия. Колониальными войсками командовали генералы Салан и Массю, которые всецело поддерживали идею возвращения во власть де Голля.

Командование французскими воинскими формированиями в Алжире было уверено, что с уходом армии из этой колонии начнется немедленная резня белого населения, что уже случалось в мировой истории. Более десяти лет назад на Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав — США, СССР и Великобритании — премьер-министр последней предупреждал:

> «Если бы мы сейчас отвели наши войска *(из Сирии и Ливана. — М.М.),* то последовала бы резня французских граждан… которые там находятся».

Под влиянием этих настроений среди военного контингента, дислоцированного в Алжире, стала зреть идея о насильственной передаче власти «сильной» фигуре, которая бы смогла сохранить Алжир в составе Франции. На роль такой фигуры в первую очередь подходил Шарль де Голль. Именно он сумел, по мнению генерала Салана, сохранить Францию среди супердержав, несмотря на совершенно очевидную катастрофу 1940 года.

1958 год

Восьмого февраля 1958 года по приказу командующего ВВС в Алжире генерала Э. Жуо французская авиация подвергла жестокой бомбардировке тунисскую деревню, расположенную на границе с Алжиром, ибо там, по сведениям разведки, находилась перевалочная база алжирских партизан. В результате налета погибло свыше полусотни тунисцев, не имевших никакого отношения к повстанцам. Тунис немедленно разорвал дипломатические отношения с Францией.

Соединенные Штаты взяли на себя посредничество в деле урегулирования кризиса, и под их патронажем представители Туниса и Франции вели трудные многомесячные переговоры. Тунис предложил французам увязать франко-тунисский кризис с проблемой предоставления независимости Алжиру, а Соединенные Штаты навязывали Франции и Североафриканским странам создание военно-политического блока (Средиземноморского пакта), который планировалось обустроить по примеру НАТО.

Пятнадцатого апреля было созвано Национальное собрание, чтобы обсудить ситуацию вокруг положения в Северной Африке. С гневной речью выступил один из ближайших соратников де Голля Жак Сустель, подвергший резкой критике политику кабинета министров. Правительство Ф. Гайара, не пробыв у власти и полугода, ушло в отставку. Де Голль писал:

> «Пятнадцатого апреля было опрокинуто правительство Феликса Гайара. После этого на протяжении четырех недель Жоржу Бидо, а затем Ренэ Плевену не удавалось создать нового правительства — до такой степени упадка дошел режим».

Тем временем в Алжире прошли невиданные в истории Франции демонстрации протеста против отделения Алжира от Французской республики. В уличных шествиях и митингах участвовали десятки, а то и сотни тысяч человек. Тринадцатого мая демонстранты заняли резиденцию губернатора и образовали «Комитет общественного спасения» (КОС), который возглавил генерал Массю.

Армейские подразделения и полиция, базировавшиеся в Алжире, оказали КОС полную поддержку. Генерал Массю и его сподвижники потребовали от метрополии немедленного создания «правительства общественного спасения», которое было бы

способно сохранить Алжир в составе Франции. Де Голль понял, что близок час его возвращения к власти.

С другой стороны, крепнет оппозиция колониальной политике Франции в метрополии. В Национальное собрание ежедневно поступают десятки писем от граждан и общественных организаций с требованием немедленно прекратить боевые действия в Алжире и предоставить ему полную независимость.

* * *

Генерал де Голль принадлежал к тому типу руководителей, чей талант наиболее полно раскрывается в критической ситуации. Достаточно сказать, что весной 1958 года де Голль практически не имел поддержки среди населения Франции, остатки его партии полностью провалились на кантональных выборах, и даже многие близкие ему люди считали, что его время прошло.

Тринадцатого мая в Алжире начался бунт военных, которые всеми силами желали воспрепятствовать независимости колонии, считая, что Франция принесла достаточное количество жертв на алтарь империи, чтобы не расставаться со своими колониями.

Тринадцатого мая при поддержке ФКП пост премьер-министра занял лидер МРП Пьер Пфлимлен, чье правление длилось две недели. Двадцать восьмого мая после переговоров с де Голлем Пфлимлен подал в отставку, что стало окончательным крахом Четвертой республики.

Многие историки объясняют гибель Четвертой республики (к счастью, более или менее тихую и безболезненную) затяжными и неудачными колониальными войнами в Индокитае и Алжире, в которых нашли свою смерть тысячи французских солдат и офицеров. Кроме того, исследователи отмечают некую «слабость французской буржуазии» и «глубокие внутренние изменения в характере французского империализма».

Генерал де Голль и его сподвижники считали причиной краха Четвертой республики изначальную порочность структуры парламентского государства, особенно в том виде, в котором она существовала во Франции с 1946-го по 1958 год. Достаточно сказать, что за двенадцать лет своего существования Четвертая республика пережила двадцать два кабинета министров, некоторые из которых не находились у власти и полугода.

* * *

В три часа дня двадцать девятого мая 1958 года состоялось возвращение де Голля на вершину власти, когда генерал встретился с последним президентом Четвертой республики Рене Коти в Бурбонском дворце, где заседало Национальное собрание. Они договорились о совместных действиях по передаче власти де Голлю.

На следующий день все политические силы, кроме, разумеется, коммунистов, поддержали и первого июня утвердили де Голля премьер-министром большинством в сто пять голосов. Через два дня парламент принял три законопроекта, предложенных новым премьером: о специальных полномочиях в Алжире, о новом порядке пересмотра конституции, о чрезвычайных полномочиях правительства.

Четвертого июня де Голль в сопровождении министров Л. Жакино, П. Гийома, М. Лежена и начальника генштаба генерала П. Эли прилетел в Алжир, чтобы на месте ознакомиться с ситуацией и попытаться повернуть процесс в спокойное русло. В аэропорту делегацию встречал легендарный генерал Салан.

Дорога из аэропорта в столицу была забита этническими французами, проживающими в Алжире. Они держали плакаты и дружно скандировали: «Французский Алжир!»

* * *

Надо заметить, что, пребывая в Коломбэ, генерал внимательно следил за развитием событий в Алжире и хорошо знал проблему. Еще в 1956 году его представители находились в постоянном контакте с представителями алжирского Сопротивления, и полноте информации, получаемой де Голлем из первых рук, могли позавидовать многие правительственные структуры.

С самого начала конфликта де Голль выступал за расширение и углубление переговорного процесса, считая, что рано или поздно Франции придется предоставить независимость алжирскому народу.

Впрочем, де Голль не спешил объявлять о своей приверженности предоставления независимости Алжиру, справедливо полагая, что таковое признание может лишить его поддержки большей части сторонников.

Позже генерал де Голль говорил:

> «Если бы в июне 1958 года я сказал, что намереваюсь предоставить Алжиру независимость, я был

бы свергнут в тот же самый день и ничего не смог бы с этим поделать. Но я всегда знал, чего хотел».

Вернувшись в столицу, генерал сформировал новое правительство, куда вошли его единомышленники.

Сподвижник генерала Мишель Дебре писал:

«Он так взял в свои руки бразды правления, словно отошел от власти только вчера. Это не он был не у дел, это Четвертая республика была не делом».

Позднее де Голль вспоминал:

«…кризис, разразившийся в Алжире тринадцатого мая, меня нисколько не удивил. Однако я никоим образом не был замешан ни в алжирских событиях, ни в движении военных, ни в политических проектах, породивших это движение; и я не имел никаких связей ни с лицами, действовавшими в Алжире, ни с кем-либо из министров в Париже».

Заняв самый высокий пост в государстве, генерал принялся за осуществление своей программы изменения конституции.

Двенадцатого июня Государственный совет занялся разработкой основного закона. В середине лета проект новой конституции был представлен на рассмотрение в Конституционный консультативный комитет (ККК), состоящий из депутатов Национального собрания, представлявших все политические партии, кроме коммунистов. Руководил работой комитета старый друг де Голля, последний премьер Третьей республики Поль Рейно.

Генерал де Голль также лично принимал активное участие в разработке проекта, изучая действующие конституции зарубежных государств, учебники и монографии, посвященные конституционному праву. Однако основная роль в разработке новой конституции принадлежала не ему и даже не Рейно, а межминистерскому комитету, возглавляемому М. Дебре.

После рассмотрения в ККК документ был передан в правительство и четвертого сентября вынесен на всенародное обсуждение. На двадцать восьмое сентября был назначен референдум, на котором каждый француз имел право высказать свое мнение относительно основного закона, предложенного де Голлем.

* * *

Двадцать восьмого сентября 1958 года в результате общенационального референдума была принята новая конституция Франции. Ее проект был разработан группой экспертов во главе с будущим премьер-министром Мишелем Дебре. Она коренным образом отличалась от таковой, принятой в 1946 году.

В Четвертой республике президент избирался Национальным собранием и исполнял роль свадебного генерала. Новая конституция носила ярко выраженный президентский характер и была отмечена приоритетом исполнительной власти над законодательной.

Избирательным правом, согласно проекту новой конституции, обладали все, имеющие французское гражданство и достигшие двадцати одного года.

Проект предусматривал мажоритарную систему выборов: то есть кандидат должен был набрать пятьдесят процентов голосов плюс один голос. Недостатком такой системы считается отсутствие представительства избирателей, проголосовавших за проигравшего кандидата.

Согласно проекту новой конституции, высшая законодательная власть в республике принадлежала Национальному собранию и сенату. Для принятия того или иного закона необходимо было получить большинство голосов в обеих палатах. Национальное собрание избирается на пять лет по мажоритарной системе. Руководит работой собрания бюро из двадцати двух человек во главе с председателем. Каждый депутат обладает правом законодательной инициативы.

Конституция предусматривает возрастные ограничения для избрания в законодательные органы власти (двадцать три года — для Национального собрания и тридцать пять — для сенатора). Сенат являлся верхней палатой парламента, но в силу некоторых особенностей играл менее значительную роль в политической жизни страны, чем Национальное собрание.

Сенат избирается косвенным путем сроком на девять лет, но каждые три годы происходит его обновление на треть.

Президент, согласно проекту новой конституции, избирается на семи летний срок правления. К функции президента относятся обычные и специфические. К обычным относят представительские, председательские, юридические, парламентские и другие.

К специфическим относят руководство армией, государственной безопасностью, внешней политикой.

По сравнению с предыдущей конституцией увеличились полномочия президента в области внутренней политики. Он

назначает премьера, а парламент только утверждает, может досрочно распустить Национальное собрание и назначить новые выборы. Имеет право объявить референдум по тому или иному вопросу, ввести чрезвычайное положение сроком до шести месяцев. В этом случае Национальное собрание распускается и страна управляется на основе президентских ордонансов.

Конституция предусматривала лишь один случай, когда президент мог подвергнуться юридическому преследованию — измена родине, обвинение в которой предъявляется от имени обеих палат парламента. В этом случае палаты избирают Высший суд из двадцати четырех парламентариев, которые и судят президента за предательство родины.

Новая конституция особо оговаривала положение «заморских территорий», которые могли сами определять свое отношение к вхождению в состав Французской республики. Основной закон предусматривал возможность представления независимости колониям.

В настоящее время статус заморских департаментов имеют Гваделупа, Мартиника, Гвиана, Реюньон, Сен-Пьер и Микелон, а заморских территорий — острова Новая Каледония, Французская Полинезия и другие.

Против новой конституции резко выступила ФКП, отчетливо сознавая, что с утверждением новой конституции она никогда не сможет получить власть законным путем. Тем более, что вчерашние союзники коммунистов один за другим отказывались от сотрудничества.

Референдум принес победу де Голлю и его сторонникам. Семьдесят девять и две десятых процента избирателей голосовало за принятие новой конституции. Четвертого октября 1958 года Франция стала жить, сообразуясь с новым основным законом, и именовалась отныне Пятой республикой.

В ноябре 1958 года состоялись выборы в Национальное собрание по новому закону, согласно которому от каждого избирательного округа проходил кандидат, набравший свыше пятидесяти процентов голосов. Если первый тур не приносил победы ни одному кандидату, назначался второй, куда входило два претендента, получивших наибольшее количество голосов в первом туре.

После выборов произошла резкая перегруппировка сил в парламенте. Наибольшее число мест — двести двенадцать — получил вновь созданный сторонниками генерала «Союз в защиту новой республики» (ЮНР), а коммунисты получили всего десять мест.

Двадцать первого декабря 1958 года генерал Шарль де Голль

был избран президентом Франции. Премьер-министром был назначен М. Дебре, а Ж. Шабан-Дельмас стал председателем Национального собрания. Пост государственного министра занял Ж. Сустель.

Однако, несмотря на внушительную поддержку лично де Голля и конституции Пятой республики, многие французы не принимали президентскую форму правления.

Так, знаменитый Жорж Сименон писал в то время:

> «Эксперимент де Голля ***(Сименон имеет в виду новую конституцию. — М.М.)*** с самого начала вызывал у меня отталкивание, и не только по причине самонадеянности де Голля, его пренебрежения к чужому мнению или из-за тех, чьи интересы пред**ставляет** он и его окружение (все эти теоретики пришли из крупных университетов и пытаются свести социальные проблемы к математическим уравнениям, а между тем в той или иной степени работают они на крупные банки и промышленнофинансовые группы), но также и потому, что я убежден: он неизбежно закончится крахом. Пройдет года два, и это станет очевидно.
>
> Это поражение, временное и, надеюсь, непродолжительное, есть поражение Франции. Оно заметно сегодня, но еще заметней станет завтра в ООН, если не произойдет что-то непредвиденное.
>
> Я люблю Францию. Она мне ближе всех других стран, хотя я и не являюсь ее гражданином и довольно редко бываю в ней.
>
> И тем не менее, когда смотрю телевизор, я ловлю себя на том, что желаю новых неудач французской политике, так как это политика де Голля».

Очевидно, что Сименон не обладал провидческим даром, но очевидно и то, что мнение писателя разделяли многие деятели культуры, считавшие, что новая для Франции форма правления принесет стране несчастья.

Де Голль позже вспоминал:

«Восьмого января 1959 года я направился в Елисейский дворец, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей. Президент Ренэ Коти встретил меня с достоинством, произнеся взволнованно несколько слов. «Первый из французов стал теперь первым во Франции», — сказал он. В то время как мы едем, сидя рядом в одной машине, по Елисейским полям, чтобы по традиции отдать салют у могилы Неизвестного солдата, толпа кричит одновременно: «Спасибо, Коти!» и «Да здравствует де Голль!»

Вернувшись, я чувствую, как за моей спиной захлопываются одна за другой двери дворца — отныне я пленник своих обязанностей».

1959–1961 годы

В ноябре 1959 года Шарль де Голль произнес: «Европа — от Атлантического океана до Уральского хребта — это та Европа, которая должна решать судьбы мира».

Очевидно, генерал имел в виду всех европейцев — и невозмутимых англичан, и бесшабашных русских, способных адекватно воспринимать и рационально разрешать возможные конфликты.

Важнейшим шагом на пути претворения своего тезиса в жизнь генерал считал установление дружеских связей с Советским Союзом и его темпераментным руководителем.

Вряд ли де Голль не понимал глобальных советских устремлений, ибо в работах классиков марксизма, издававшихся миллионными тиражами, было написано:

«Коммунизм выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов».

Наверняка де Голль не имел принципиальных возражений против «избавления всех людей от социального неравенства», однако, без сомнения, президент Пятой республики имел полную информацию относительно средств, которыми обладал Советский Союз для решения своих грандиозных замыслов.

В июне 1958 года де Голль ответил отказом на предложение Никиты Хрущева, тогдашнего Председателя Совета Министров СССР и Первого секретаря ЦК КПСС о встрече, где, по задумке советского лидера, следовало решить некоторые международные проблемы, связанные с послевоенным устройством Германии.

Отказ де Голля, несомненно, обидел Никиту Хрущева, который в советской печати подверг серьезной обструкции поведение генерала. На XXI съезде КПСС Франция наряду с США, ФРГ и Англией была названа в числе стран, «упорно отказывающихся от мирного урегулирования международных проблем, накапливающих ядерное оружие и провоцирующих военные конфликты». Само собой разумеется, миролюбивый Советский Союз «противостоял агрессивному курсу империалистических государств».

Однако генерал де Голль продемонстрировал хорошее знание советских пропагандистских ритуалов и не придал значения сентенциям советских партийных бонз, пригласив Никиту Хрущева посетить Францию с официальным визитом. Приглашение было принято, и уже двадцать третьего марта 1960

года Первый секретарь ЦК КПСС прибыл в Париж и пробыл там до третьего апреля.

В ходе визита де Голль и Хрущев **подписали** ряд важных документов, в числе которых и первое в истории Востока и Запада соглашение о совместных научных исследованиях в области использования ядерной энергии. Вероятно, не последнюю роль в этом сыграла атомная бомба, взорванная Францией в феврале того же года в алжирском Режане.

Еще с тех пор, как американцы взорвали бомбы «Толстяк» и «Малыш», де Голль уделял огромное внимание разработке атомного оружия, полагая, что оно должно составлять основу вооруженных сил страны. Позиция де Голя была поддержана Национальным собранием, однако вызвала резкий отпор многих опытных политических деятелей, среди которых был и Поль Рейно.

Тем не менее после взрыва в Режане де Голль заявил:

«Сегодня Франция стала сильней и могущественней!»

Кстати, когда в 1958 году отец американской атомной бомбы Роберт Оппенгеймер приехал в Париж для чтения лекций в Сорбонне, французское правительство наградило его орденом Почетного легиона.

* * *

В связи в тем, что «Советский Союз оказывал всемерное содействие алжирскому народу, поднявшемуся в 1954 году на вооруженную борьбу против французских колонизаторов», отношение Франции и СССР не всегда были идиллическими.

«История Коммунистической партии Советского Союза» сообщала советскому народу:

> «…нарастающие удары алжирских патриотов вынудили французское правительство прекратить военные действия. Алжирский народ, одержав победу, провозгласил в сентябре 1962 года образование Народной Демократической Алжирской Республики».

Советское правительство немедленно направило алжирской стороне теплые поздравления и не направило аналогичного французам. Эта бестактность не осталась незамеченной де Голлем, и тот отозвал из Москвы французского посла. Разумеется, советское Министерство иностранных дел (МИД), как и положено, ответило решительно и адекватно.

К счастью, усилиями тех же послов конфликт был быстро

улажен.

* * *

В советской историографии с возмущением отмечалось:

> «…Советский Союз настойчиво добивался прекращения испытаний атомного и водородного оружия. По инициативе СССР в 1960 году шла подготовка к созыву нового совещания в верхах для обсуждения актуальных международных проблем. Но оно было сорвано провокационным вторжением американских военных самолетов в воздушное пространство СССР».

Об этом инциденте было много написано в советской периодике и выпущена брошюра со звонким названием.

Надо сказать, что необходимость встречи в верхах диктовалась не только прекращением испытаний атомного и водородного оружия, но и стремлением Советского Союза не допустить полной интеграции ФРГ в Североатлантический союз. После соответствующих договоренностей руководители США, Великобритании, Франции и СССР решили встретиться в Париже.

Встрече предшествовала пресс-конференция МИД СССР, на которой Никита Хрущев, взобравшись на стул, долго и эмоционально объяснял журналистам пагубность американской политики, которая допускает шпионаж в отношении самого миролюбивого государства в мире, рассказав о сбитом над Уралом «Локхиде У-2».

Спустя четыре дня, пятнадцатого мая, началось долгожданное совещание в верхах.

В начале совещания генерал де Голль предоставил вступительное слово генералу Эйзенхауэру. Однако не успел американский президент произнести приветствие, как его перебил советский лидер:

— Мы здесь все равны, — нервно произнес он. — С какой стати первым выступает Эйзенхауэр?

— Согласно предварительно согласованному протоколу, Эйзенхауэр открывает конференцию, — удивленно ответил де Голль.

— Я тоже хочу открывать конференцию, — сказал Хрущев.

— Если вы считаете это необходимым, то — пожалуйста, — сказал де Голль, посмотрев на американского президента.

Тот равнодушно пожал плечами и отодвинул от себя

микрофон.

Никита Хрущев достал из кармана бумажку и стал, повысив голос, зачитывать заявление Советского правительства о нарушении воздушного пространства американским самолетом-разведчиком.

— Здесь прекрасная акустика, — сказал де Голль своему переводчику. — Скажите господину Хрущеву, что нет никакой необходимости говорить очень громко.

Выслушав переводчика, Первый секретарь ЦК КПСС с гневом посмотрел на президента Франции и хотел было выразить протест, но, сдержавшись, продолжил, уже тише, чтение заявления.

— Меня облетывают! — возмущенно говорил Хрущев. — Меня облетывают!

— Меня тоже облетывают, — сказал де Голль.

— Нас облетывают по-разному, — произнес Хрущев, свирепо глядя на генерала де Голля. — Вас облетывают ваши американские союзники.

— Не только, — парировал французский президент. — Меня облетывают ваши спутники. Только вчера ваш спутник пролетел над территорией Франции восемнадцать раз. И, честно говоря, никто моего на то разрешения не спрашивал. И кто может дать мне гарантию, что на ваших спутниках не стоят фотоаппараты и они не фотографируют французские секретные объекты?

Хрущев ошарашенно посмотрел на де Голля.

— Бог все видит, — неожиданно сказал он. — Я чист перед вами.

— Мне очень хочется вам верить, — сказал де Голль. — Но если вы в состоянии фотографировать обратную сторону Луны, то не вижу причин, которые помешали бы вам фотографировать лицевую сторону Франции.

Хрущев не нашелся, что возразить, и уже значительно спокойней, без прежнего эмоционального накала и пафоса, дочитал свое заявление.

— На кой черт американцам понадобилось это дело? — в сердцах спросил он, закончив свое выступление.

— Черти есть везде, — ответил де Голль. — Американцы шпионят за вами, вы — за американцами. Это — обычная практика. Странно, что вас это так расстроило… Мне кажется, это не стоит вашего внимания, когда наши народы ждут от нас серьезных решений, от которых зависит будущее мира.

После этих слов де Голль закрыл заседание, назначив продолжение конференции на шестнадцатое мая.

Однако продолжения не было. Хрущев утром позвонил де

Голлю и сказал, что будет участвовать в конференции только в том случае, если американцы принесут Советскому Союзу официальные извинения.

— Если вы не хотите участвовать в конференции, — раздраженно произнес де Голль, — вы можете найти любую причину. Но среди цивилизованных стран существует правило, по которому о таких решениях принято информировать письменно.

Совещание в верхах было сорвано.

Вслед за этим последовало охлаждение в отношениях между Францией и Советским Союзом.

* * *

В середине 1958 года де Голль попытался вернуть Францию на позиции ведущей мировой державы. На встречах с руководством НАТО он в категорической форме потребовал для Французской республики равные права с Соединенными Штатами и Великобританией, но получил категорический отказ. Это событие предопределило дальнейшее отношение генерала де Голля к НАТО.

Уже в 1958 году Франция вывела из-под командования НАТО военно-морские силы и запретила размещать на своей территории атомное оружие.

В феврале 1960 года на одном из военных полигонов Алжира была взорвана первая французская атомная бомба, создание которой до сих пор находится под покровом тайны. Известно только, что работу над ее созданием курировал Ф. Жолио-Кюри. Данные о вкладе пленных немецких ученых в разработку ядерных сил Франции до сего дня строго засекречены, кроме того факта, что в работе активно использовались материалы из лаборатории известного физика Гейзенберга.

* * *

Однако главной проблемой де Голля, принявшего на себя всю ответственность за судьбу новой Пятой республики, в течение нескольких лет оставался Алжир.

В сентябре 1958 года французским руководством на всех заморских территориях был проведен референдум об их будущем статусе. Жители большинства стран, входящих в состав Франции, изъявили желание оставаться членами «Сообщества». Исключение составила Гвинея, которая первого октября 1958 года обрела

полную независимость.

Остальные государства стали равноправными членами «Сообщества»: отныне они пользовались внутренней автономией, оставаясь зависимыми в вопросах финансовой, внешней и оборонной политики.

Однако шел неизбежный процесс распада империи. Первого января 1960 года обрел независимость Камерун. За ним последовали Того и другие государства Экваториальной и Французской Западной Африки. Всего в 1960 году четырнадцать бывших французских колоний обрели независимость. Это Чад, ЦАР, Конго, Габон, Бенин, Нигер, Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта, Мадагаскар, Судан, Сенегал и Мавритания.

Алжир по-прежнему оставался территорией Франции, на которой с каждым днем ширилась борьба местного населения за предоставление независимости.

Положение в Северной Африке не могло не внести раскол в правящую элиту Французской республики. С одной стороны, квазипатриоты и колониалисты требовали увеличения ассигнований на борьбу против алжирских партизан и расширение военного присутствия, с другой — трезвые политики советовали де Голлю искать компромисс с повстанцами.

Шестнадцатого сентября 1959 года де Голль впервые публично поддержал последних, предложив аборигенам три пути самоопределения:

• отделение от Франции и образование собственного государства с собственным правительством и полный разрыв с Францией (по мнению генерала, этот путь вел к полному хаосу и исчезновению Алжира с политической карты мира);

• полное офранцуживание (всеобъемлющая интеграция и предоставление алжирцам тех же прав, что и этническим французам);

• правительство алжирцев, созданное самими алжирцами, опирающееся на помощь Франции и тесный союз с ней в области экономики, обороны и внешних сношений (самый желательный для де Голля путь).

Через день состоялся съезд ЮНР, который после многочасовых дебатов одобрил тезисы, содержащиеся в речи генерала.

Колониалисты, которых поддерживал вчерашний соратник генерала Ж. Сустель, немедленно объявили де Голля предателем французского народа.

Тем временем в Национальном собрании премьер-министр М. Дебре изложил программу правительства, которая касалась алжирской проблемы, вслед за чем некоторые видные члены ЮНР

заявили о своем выходе из Союза в связи с несогласием с внешнеполитическим курсом правительства. Однако большинство голлистов поддержало решение де Голля решительно и бесповоротно развязать алжирский узел.

Обстановка вокруг Алжира накалялась. Колониалисты, ратующие за империю, требовали немедленной отставки генерала и безоговорочного признания Алжира французской колонией. Армейская верхушка считала, что Алжир должен быть любой ценой оставлен в составе Франции, и это обстоятельство вызывало наибольшие опасения генерала.

Двадцать четвертого января 1960 года в столице Алжира вспыхнул мятеж, поводом к которому послужил отзыв во Францию генерала Массю. Несколько недель бунтовщики удерживали с своих руках несколько районов Алжира.

Правительство потребовало прекратить мятеж. Это требование поддержали самые широкие слои общественности. После демонстраций протеста против действий колониалистов, в которых приняло участие около одиннадцати миллионов человек, мятежники сложили оружие.

Некоторые из них от открытых форм борьбы перешли к террору.

* * *

На Шарля де Голля — президента Франции, по некоторым данным, было совершено тридцать одно документально подтвержденное покушение, однако ни одно из них не достигло цели. Одни удавалось задушить в зародыше, другие имели логическое завершение, и только невероятные стечения обстоятельств позволяли де Голлю избежать гибели.

Одно из самых серьезных покушений на генерала состоялось в сентябре 1961 года. Впрочем, до сих пор нет веских доказательств того, что его организовала «Секретная вооруженная организация» (ОАС), созданная вчерашними соратниками де Голля — Бидо, Саланом, Сустелем. Есть мнение, что покушение было спланировано строго законспирированной организацией, членами которой были вчерашние соратники генерала, считавшие внешнеполитические события на рубеже пятидесятых-шестидесятых позорной капитуляцией.

Восьмого сентября президент вместе с супругой следовал в официальную загородную резиденцию.

В двух десятках километрах от столицы, около Пон-сюр-Сен, в привезенной заранее горке строительного песка террористы

спрятали заряд, содержащий полсотни килограммов пластикового взрывчатого вещества и пятнадцать литров напалма. Теоретически этого количества вполне хватило бы, чтобы разорвать в клочья сотню президентов, однако по непонятным причинам вместо взрыва в момент следования кортежа де Голля произошел легкий хлопок, не причинивший никакого ущерба президенту и сопровождавшей его охране. Вслед за этим вспыхнул напалм.

Президент скомандовал шоферу продолжать движение, и машина прорвала стену огня на скорости более ста километров в час.

Некоторые историки полагают, что служба безопасности была заранее информирована о покушении и заменила заряд на стограммовый тротиловый эквивалент. Вероятно, это было сделано в угоду политическим интересам и выгоде, извлеченной генералом из неудавшегося покушения. Излишне говорить, что после сообщения в прессе об описанном инциденте рейтинг де Голля резко пошел вверх.

Существует также версия, что описанное покушение было полностью инспирировано государственными секретными службами.

* * *

В конце марта 1960 года Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев, развивая дружеские связи с Западом, посетил Францию с официальным визитом. Три дня советский лидер осматривал достопримечательности Парижа, выступал в законодательных органах с речами и, как водилось у советских руководителей, встречался с пролетариатом.

Затем Хрущев покинул французскую столицу, дабы познакомиться с провинцией, где его встречали не только друзья Советского Союза, но и люди, с отвращением относящиеся к коммунистическим идеям.

Между левыми и правыми возникали потасовки, в результате которых был убит один человек, а несколько получили ранения той или иной степени тяжести.

А на Елисейских полях, то есть там, где планировалась прогулка Хрущева и де Голля, был арестован бармен, под стойкой у которого обнаружили мощное взрывное устройство.

Этот случай не произвел впечатления на генерала, который посчитал данный эпизод случайностью и не предпринял никаких мер по усилению своих спецслужб.

1962 год

Следующее покушение на генерала состоялось двадцать второго августа 1962 года и было организовано ОАС, а конкретно — главой одного из ее подразделений Жоржом Ватеном.

Сразу же после создания ОАС планировала похищение генерала де Голля, дабы его судил так называемый «военный трибунал» от лица французского народа. Разумеется, никто ничего ни у кого не спрашивал; но ссылки на волю народа — отличительная черта террористов всех времен, идеологий и вероисповеданий.

В полвосьмого вечера после окончания заседания кабинета министров де Голль покинул Елисейский дворец на бронированном «ситроене», которым управлял тот же водитель, что и при покушении в Пон-сюр-Сен. Его сопровождал один автомобиль с охраной и двое мотоциклистов.

Через тридцать семь минут кортеж на скорости около ста километров в час появился на улице Дивизиона Леклерк в Пти-Кламар, и, видимо, высокая скорость и сумерки помешали убийцам в очередной раз исполнить задуманное.

Раздались беспорядочные выстрелы. Пятнадцать специально отобранных боевиков ОАС вели огонь по машине президента из винтовок с оптическим прицелом и автоматов и пытались забросать кортеж гранатами и бутылками с «коктейлем Молотова».

В автомобиль де Голля было выпущено сто пятьдесят, а попало четырнадцать пуль. Скаты «ситроена» получили серьезные пробоины, но продолжали держать многотонный автомобиль за счет особой герметичности баллонов.

Тем не менее автомобиль президента пошел юзом, и только колоссальный опыт шофера позволил удержать «ситроен» на трассе и продолжить движение на максимально возможной скорости.

Вслед лимузину полетели пули. Несколько снайперов, имевших за плечами богатый боевой опыт, целили в удалявшийся силуэт де Голля. Множество пуль застряло в кузове, а одна, пробив стекло, просвистела буквально в сантиметрах от лица президента Франции.

— Всем на пол! — что было сил закричал начальник охраны, расположившийся на переднем сиденье. — Немедленно!

Ивонна де Голль легла на колени мужа.

— Неужели опять? — надменно произнес генерал, глядя на дорогу.

Казалось, что покушение закончилось провалом.

Однако президентский кортеж за углом улицы де Буа ожидала вторая группа оасовцев, которая должна была продолжить дело, начатое снайперами. К счастью, террористы успели выскочить, лишь когда первый автомобиль, в котором находился генерал, проскочил перекресток. Они оказались рядом с «ситроеном» охраны.

Жорж Ватен, высунувшись по пояс из окна автомобиля, открыл огонь из автомата по президентской машине.

— По-моему, охране неплохо было бы открыть ответный огонь, — холодно произнес президент, наблюдая за действиями Ватена.

Но плохая тактическая выучка охраны не позволила ей предпринять контрдействия против оасовцев. А вот отличная реакция и опыт водителя президента спасли тому жизнь. Последнюю сотню метров лимузин ехал на спущенных камерах.

Через несколько минут президент уже садился в вертолет, успокаивая перепуганную супругу.

— Нет повода для беспокойства, — сказал он мадам де Голль, беря ее под руку. — У этих негодяев отвратительные снайперы!.. Скоро мы будем дома.

Единственным повреждением стал порез на пальце генерала, полученный во время смахивания осколков стекла с пальто.

* * *

После беспрецедентной по масштабом операции по раскрытию заговора третьего сентября был задержан один из второстепенных его участников, который согласился на сотрудничество с властями. Самое активное участие в этом приняло Пятое управление службы безопасности, отвечающее за разведку, контрразведку и борьбу с терроризмом. И вскоре спецслужбы были полностью осведомлены о структуре О АС, ее руководителях и методах работы.

Выяснилось, что организация была создана весной 1961 года после утечки информации о переговорах представителей де Голля и Временного правительства Алжира.

В ходе оперативных действий в ряды ОАС были внедрены десятки агентов правительственных спецслужб, после чего участь организации была предрешена.

Спустя несколько недель были задержаны все участники покушения нападения, кроме одного — и пожалуй, самого энергичного из его организаторов, — Жоржа Ватена. По

некоторым сведениям, ему удалось найти прибежище в Испании, куда эмигрировали многие французы, проживавшие в Алжире.

По данному делу военный трибунал вынес обвинительные приговоры пятнадцати заговорщикам (шестерым — заочно). Шестеро из них (трое — заочно) были приговорены к расстрелу. Двое были помилованы генералом. В помиловании было отказано подполковнику ВВС Жану-Мари Бастьену-Тири, получившему за два года до описываемых событий орден Почетного легиона.

Подполковник умер от сердечного приступа за несколько минут до казни.

* * *

Зимой 1962 года был раскрыт новый заговор против генерала де Голля.

Пятнадцатого февраля президент должен был выступить в Военной академии с лекцией. Планировалось убить генерала в тот момент, когда он подойдет к дверям. Жорж Ватен (ветеран охоты на je Голля) собирался выстрелить в него с крыши расположенного напротив корпуса академии.

Заговорщики обратились за помощью к дежурному офицеру Мариусу То. Но он известил полицию о подозрительных личностях, пытающихся попасть на территорию академии.

Принимавшие участие в заговоре Жан Бишон, Робер Пуанар и Поль Руссле де Лиффьяк были немедленно арестованы и впоследствии предстали перед военным трибуналом.

Жоржу Ватену в очередной раз удалось скрыться.

Генерал де Голль выступил перед слушателями академии в точно назначенное время, уже зная о том, что здесь его должны были застрелить.

После лекции он вызвал к себе руководителя департамента внутренних дел Фрея.

— Вы должны наконец прекратить эти безобразия! — сказал он министру.

Вслед за этим началась одна из самых серьезных операций по разгрому террористической организации.

Руководство О АС было обезглавлено, если не считать Жоржа Ватена.

В конце февраля 1994 года «Известия» опубликовали заметку «Шакал умер в Парагвае»:

> «В Парагвае в возрасте 71 года умер Жорж Ватен, пытавшийся убить президента Франции генерала Шарля

де Голля. Эта история легла в основу изданного во всем мире романа Фредерика Форсайта «День Шакала». В 1963 году Ватен был заочно приговорен к смертной казни.

Жорж Ватен сражался против алжирцев, требовавших независимости, и невзлюбил генерала де Голля, который в 1962 году согласился на самостоятельность Алжира. Он возглавил одну из групп ОАС, организации французских офицеров, не примирившихся с решением де Голля. В 1961 году ОАС пыталась устроить государственный переворот…

В 1990 году Ватен рассказал журналистам, что по первоначальному плану де Голля хотели похитить, передать в руки военного трибунала и только затем казнить…

Ватен бежал в Швейцарию. Полиция его арестовала, но не выдала Франции, потому что по закону Швейцария не выдает преступника, если ему грозит смертная казнь. Его выслали в Испанию, затем он уехал в Латинскую Америку».

* * *

Наперекор армии и всем тем, кто хотел любыми путями сохранить Алжир в составе Франции, де Голль стремился как можно скорее решить проблему этой североафриканской колонии. К 1961 году генерал определился со своей позицией, которая сводилась к «алжирскому Алжиру». В 1960 году ЮНР покинули еще несколько человек, выступавших против взглядов де Голля на колониальную политику страны.

Восьмого января 1961 года состоялся общенародный референдум, давший совершенно четкий и неоднозначный ответ на вопрос: следует ли предоставлять независимость Алжиру?

Более трех четвертей французов высказали поддержку генералу, и только четверть ответила «нет», вслед за чем правительство де Голля установило контакты с Временным правительством Алжирской республики. Президента Франции представлял руководитель секретариата генерала Жорж Помпиду.

Двадцать второго апреля 1961 года в столице Алжира вспыхнул новый мятеж, инспирированный Саланом, Жуо, Шаллем и Зеллером. Отставные генералы сумели привлечь на свою стороны некоторые воинские формирования и захватить власть в Алжире. Мятежники требовали немедленной отставки де Голля и

безоговорочного удержания Алжира в составе Франции. Генерал Салан намеревался высадить в Париже десант парашютистов, сместить де Голля и установить диктатуру военных, ратующих за сохранение колониальных владений.

Однако президент Пятой республики сохранял выдержку и спокойствие. На следующий день он обратился к народу по радио и телевидению с призывом осудить заговорщиков, после чего большинство солдат и офицеров, находящихся в Алжире, отказались подчиняться приказам мятежников.

Двадцать пятого апреля де Голль приказал подавить алжирский мятеж. Салан и его приспешники оказались в полной изоляции и сдались. Часть из них была смещена со всех постов и подвергнута уголовному преследованию, часть ушла в подполье и окончила свои дни в тюрьмах.

Восемнадцатого марта 1962 года в Эвиане были подписаны соглашения, согласно которым Алжир получал полную независимость. Этническим французам, проживавшим в Алжире, предоставлялись все гарантии безопасности, однако все они покинули страну, опасаясь резни и погромов.

Восьмого апреля более девяноста поцентов избирателей на общефранцузском референдуме одобрили заключение Эвианских соглашений и только девять и три десятых процента населения высказали свои сомнения в его целесообразности.

Закончилась колониальная война, длившаяся долгих семь лет и унесшая тысячи жизней как с одной, так и с другой стороны.

Премьер-министр Франции Дебре, узнав о результатах референдума, ушел в отставку. Новым премьером правительства де Голля стал Жорж Помпиду.

В октябре 1962 года во Франции был проведен уже четвертый референдум, проведенный Пятой республикой, на котором было одобрено новое избирательное законодательство. Отныне президент республики избирался прямым всеобщим голосованием.

Восемнадцатого ноября состоялись выборы в новое Национальное собрание. Старое было распущено де Голлем в связи с отставкой кабинета Помпиду, происшедшей из-за разногласий генерала и законодательного органа по вопросам изменения основного закона страны в части процедуры выбора главы государства.

Прошедшие выборы стали самими успешными для голлистов за все время существования Национального собрания. Они получили двести тридцать три места вместо ста шестидесяти пяти. Союзниками ЮНР объявили себя также тридцать пять «независимых» кандидатов. Коммунисты получили тридцать один

голос, продолжая объяснять свои неудачи «неправильной» системой подсчета голосов и представительства.

* * *

В Карибском кризисе 1962 года президент Франции без колебаний одним из первых политических лидеров поддержал президента Джона Кеннеди в его противостоянии с Никитой Хрущевым. Видимо, генерал имел богатую фантазию и мог без труда представить себе следующую картину:

«Первые две советские дивизии, танковая и мотострелковая, вошли во Францию в воскресенье, 10 августа, ровно в полдень. Они прогрохотали по улицам Страсбурга, практически не вызвав любопытства у населения (большая часть горожан уехала на юг, к морю, на каникулы, для оставшихся в городе был святой час обеда), и покатили по восточному «авторуту» (А-4) к Парижу. Редкие французские и немецкие машины обгоняли военные колонны, весело сигналя. Перед каждым «пе-ажем» (пунктом, где надо платить за проезд по «авторуту») колонны тормозили, из головной машины выскакивал офицер, подбегал к будке контролера и четко отсчитывал деньги за всю колонну согласно тарифу.

С трех часов над колоннами стали кружить вертолеты французского радио и телевидения.

В нескольких метрах на обочинах шоссе небольшие группы людей, одетых в рабочие комбинезоны, в касках строителей и металлургов, приветствовали проходящие войска красными флагами.

Но два раза колонны вынуждены были остановиться. Сначала в районе Вердена (где во время первой мировой войны шли ожесточенные бои с немцами). «Авторут» — пять стареньких автомашин и один трактор. Двадцать усатых стариков с боевыми наградами времен второй мировой войны на лацканах пиджаков, у некоторых в руках охотничьи ружья, мужественно выстроились за баррикадой, развернув транспарант: «Нет — советской оккупации!»

С переднего танка спрыгнул офицер, приблизился к баррикаде и на хорошем французском начал объясняться с храбрыми ветеранами. (Подоспевшие журналисты французского радио и телевидения, английского Би-би-си и двух немецких телепрограмм обступили офицера с микрофонами и отщелкали крупным планом. Эта импровизированная пресс-конференция потом транслировалась в вечерней программе теленовостей.)

Офицер сказал, что ограниченный контингент советских войск вводится во Францию по просьбе президента республики и французского правительства на основании Женевского договора о дружбе и взаимной помощи, заключенного между Францией и СССР в июле этого года. Офицер сказал, что целью военного советского присутствия во Франции является создание наилучших условий для мирной жизни французского народа. Советские солдаты дадут отпор попыткам американцев вовлечь Францию в военные авантюры. Советские войска гарантируют суверенитет Франции, неприкосновенность границ и не позволят агрессивным силам НАТО отторгнуть у Франции военные порты стратегического значения. Офицер напомнил ветеранам славные дни, когда русские и французы дрались против общего врага — фашистской Германии. Офицер заверил, что традиционная франко-русская дружба, скрепленная кровью погибших во время второй мировой войны советских и французских солдат, живет в сердцах советских людей.

Тем временем за спиной офицера танкисты развернули походный стол. Офицер широким жестом попросил ветеранов и журналистов отпробовать русской водки и черной икры.

Ветераны откушали по стаканчику водки и нашли, что водка несколько тепловата. Офицер извинился — увы, в танках нет холодильников. Ветераны получили в подарок памятные сувениры (деревянные матрешки и модели спутников), развернули свои старенькие автомобили и разъехались по домам.

Вторая задержка произошла перед Реймсом. Человек сто патлатых молодых парней и девок с короткими прическами — местные экологисты — выстроились поперек шоссе, громко скандируя лозунги: «Выхлопные трубы танков загрязняют воздух!», «Нет — советским ракетам!», «Нет советским ядерным бомбам!» Офицер пытался высунуться из головного танка, но его встретил град помидоров и сырых яиц. Офицер поспешно ретировался, люки танков захлопнулись, моторы боевых машин зловеще заурчали. Журналисты, почуяв недоброе, попрятались в свои автомобили. Но отчаянные защитники окружающей среды не дрогнули. Как по команде, повернулись спиной к танкам, спустили штаны и выставили для обозрения голые зады.

Снова застрекотали кинокамеры журналистов. Такой неожиданный барьер казался непреодолим!

Из ящика, прикрепленного ко второму танку, вылетело живое облачко и с жужжанием начало описывать круг над колонной. Вот облачко пронеслось над экологистами, кто-то из них не выдержал, стал отмахиваться, и рой злющих ос набросился на беззащитную молодежь, жаля всех в обнаженные места.

Экологисты с позором разбежались в придорожные кусты.

Военные колонны, в дальнейшем не встречая никакого сопротивления, прибыли в Париж ночью и разместились в специально приготовленных кемпингах на территории Венсенского леса. На следующий день делегация советских офицеров в парадной форме возложила венок на могилу Неизвестного солдата у Триумфальной арки».

1963–1964 годы

После того как внутриполитическая жизнь во Франции вошла в спокойные берега, де Голль предложил ряд идей, многие из которых оказались вполне жизнеспособными. Внешнюю политику генерал стремился строить в русле «национального величия». Он продолжал настаивать на равноправии Франции с Соединенными Штатами и Великобританией.

В то же время и в отношениях с Западной Германией де Голль добился серьезных результатов. Двадцать второго января 1963 года был подписан франко-германский договор о сотрудничестве, который подверг обструкции американский президент на том основании, что он заключен вне рамок НАТО.

Де Голль отклонил предложение Великобритании о ее присоединении к Европейскому экономическому сообществу (ЕЭС), считая, что та имеет более тесные связи с Соединенными Штатами, чем со странами «шестерки».

Несмотря на то, что де Голль был приверженцем идеи «единой Европы» и повсеместно выступал за разрядку международной напряженности, очень серьезное внимание он уделял созданию вооруженных сил Франции, в которых ведущая роль отводилась ядерному оружию. Де Голль считал, что независимая национальная политика нуждается в мощном ядерном щите.

На рубеже пятидесятых-шестидесятых годов де Голль разработал план перевооружения французской армии, который включал в себя три этапа.

• На первом Франция должна была провести наземные испытания ядерного оружия в Северной Африке.

• На втором планировалось создание самолетов, способных доставлять бомбы на несколько сотен километров.

• На третьем требовалось разработать, испытать и внедрить в производство ракеты типа «земля— земля» для доставки мощных боеголовок радиусом действия в три тысячи километров.

Де Голль считал, что нельзя исключать возможности третьей мировой войны, и полагал, что в ней непременно будет использовано ядерное оружие. Генералу казалось, что Франция допустила непозволительное отставание в области разработки и производства ядерного оружия, и потому не поддержал договор 1963 года о нераспространении ядерного оружия в трех средах, подписанный Советским Союзом, США и Великобританией.

1965 год

Двадцать четвертого января 1965 года умер Уинстон Черчилль, последние десять лет жизни проведший в своем имении Чартвелл. Для де Голля это была большая личная утрата, ведь именно бывший английский премьер помог Франции в самые тяжелые дни и был для генерала символом Запада.

Английский премьер Уинстон Леонард Спенсер Черчилль был весьма колоритной фигурой на мировом политическом небосводе. В его жилах текла кровь английских аристократов и индейцев ирокезов, американских дельцов и отважных воинов королевства. В отличие от де Голля поступками Черчилля двигала не мечта о подвигах во благо родине, а, по его собственному признанию, исключительно бешеное честолюбие.

На первом этапе своей карьеры Черчилль воевал, был награжден орденом и работал репортером в нескольких британских газетах. Однако пропуском в большую политику стала его книга об англо-бурской войне, популярность которой помогла Черчиллю победить на выборах в парламент и стать депутатом от Консервативной партии, что явилось первой ступенью лестницы к вершине британского политического Олимпа.

Черчилль в нужное время стал для Англии фигурой, которая смогла жестко противостоять политике Адольфа Гитлера.

* * *

Важнейшей вехой в новейшей истории Франции должны были стать президентские выборы, первые, на которых руководитель государства избирался прямым тайным голосованием. Выборы были назначены на декабрь 1965 года.

На предшествовавших президентским муниципальных выборах серьезных успехов добились левые силы. Достаточно сказать, что мэром крупнейшего портового города Франции Гавра стал член ФКП Рене Какс.

Главным оппонентом генерала де Голля на президентских выборах стал лидер одного из левых объединений Демократического и Социалистического союза Сопротивления (ЮДСР) Франсуа Миттеран, сложившийся политик, имевший опыт работы в правительствах Четвертой республики. Миттеран заручился поддержкой как социалистов и коммунистов, так и менее значительных объединений левой и левоцентристской ориентации.

Де Голлю противостоял также бывший петеновец и горячий сторонник колониалистов Жан Луи Тиксье-Виньякур, выступающий за немедленную и безоговорочную интеграцию Франции в военные структуры НАТО.

С более мягкой, но схожей по содержанию программой выступил четвертый кандидат в президенты председатель МРП Лекарнюэ.

Во время предвыборной гонки де Голль стремился встретиться как можно с большим количеством избирателей. Он сотни раз выступал по радио и телевидению, произносил речи на митингах и диспутах.

Во главу угла рекламной кампании де Голль ставил успехи своей экономической политики и достижения на международной арене. В его выступлениях речь шла о стабильности, достигнутой Пятой республикой, о возросшем авторитете Франции, вошедшей в число ведущих держав мира. Генерал не без удовольствия напоминал соотечественникам об аморфности парламентаризма Четвертой республики и чехарде правительств в ее исполнительной власти.

В первом раунде голосования ни один из кандидатов в президенты не получил абсолютного перевеса. Десять с половиной миллионов избирателей (сорок три и девяносто семь сотых процента) отдали предпочтение де Голлю. Чуть менее восьми миллионов французов голосовали за Франсуа Миттерана. Пять миллионов выбрали Лекарнюэ и Тиксье-Виньякура (соответственно три и семьдесят семь сотых процента и один и двадцать шесть сотых процента).

Во второй тур, согласно конституции, вышли Шарль де Голль и Франсуа Миттеран, что ни для кого не стало неожиданностью. Он состоялся спустя две недели после первого и принес безоговорочную победу действующему президенту, за которого было подано на два миллиона голосов больше, чем за единого кандидата левых сил.

Прошедшие выборы выявили тенденцию к консолидации как левых, так и правых сил. Однако двадцать процентов голосов, отданных в первом туре праворадикальным кандидатам, говорили о том, что значительная часть населения не согласна с деятельностью правительства генерала де Голля, предоставившего независимость заморским территориям Франции.

1966 год

Двадцать первого февраля 1966 года на пресс-конференции генерал де Голль объявил о полном выходе Франции из военной организации НАТО. Президент сообщил своим партнерам по Североатлантическому союзу о выводе всех французских войск из-под командования НАТО и удалении с территории Пятой республики всех ее баз и аэродромов.

Де Голль предложил странам НАТО завершить эвакуацию своих войск из Франции к первому апреля 1967 года.

Штаб-квартира НАТО было вскоре перенесена из Парижа в Брюссель, куда переехал и командующий войсками НАТО Л. Лемнитцер.

Разумеется, этот решительный шаг де Голля вызвал острую критику руководства стран, входящих в НАТО. Генерала обвиняли в предательстве, в подкупе Москвой, в измене интересам собственного народа… Но де Голль был непреклонен в проведении независимой политики, полагая, что Франция не должна участвовать в противостоянии сверхдержав.

* * *

Последняя попытка покушения на генерала состоялась в июле 1966 года, когда президент собирался с визитом в Советский Союз.

Автомобиль де Голля направлялся в аэропорт Орли в сопровождении традиционного кортежа. По пути следования у дороги одиноко стоял скромный автомобильчик, под завязку забитый взрывчатым веществом.

По каким-то причинам взрыва не последовало.

Этот акт готовило студенческое отделение террористической организации «Совет национального сопротивления» (CNC), которая, как и OAC, боролась за сохранение Алжира в составе Франции. Участники заговора были схвачены ночью того же дня при попытке ограбления банка.

* * *

В четыре часа пополудни двадцатого июня 1966 года генерал де Голль прибыл в Советский Союз. В аэропорту «Внуково-2» французского президента и сопровождавших его лиц встречал

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный и Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин.

Де Голль неторопливо прошествовал вдоль строя почетного караула. Зазвучали государственные гимны Франции и СССР. Загремел салют.

Де Голль заявил, что рад приветствовать процветающую и великую Россию и приехал, чтобы наладить дружеские и добрососедские отношения с Советским Союзом.

По пути следования кортежа из аэропорта в центр советской столицы французского президента встречали тысячи москвичей. В этот день де Голль побывал на Ленинских горах, на Красной площади, Комсомольском, Мичуринском, Ломоносовском проспектах, где встречался с русским народом.

В кратком биографическом очерке «Леонид Ильич Брежнев», вышедшем в Издательстве политической литературы полумиллионным тиражом, о том визите скромно говорилось:

«Новая глава советско-французских отношений была открыта переговорами Л.И. Брежнева, Н.В. Подгорного, А.Н. Косыгина с президентом Ш. де Голлем в 1966 году в Москве».

По странному стечению обстоятельств на дни визита приходился выход Французской республики из военной организации НАТО. Как считают некоторые биографы, это не было простым совпадением.

Кроме Москвы президент Франции побывал и в других советских городах. А двадцать пятого июня генерал вместе с Николаем Подгорным прибыл на космодром Байконур. Он стал первым иностранным лидером, увидевшим запуск русского спутника.

В тот же день президент вылетел в северную столицу России. Здесь он говорил ленинградцам о том, что счастлив находиться в городе, который дал миру революцию. Кроме того, де Голль отметил, что город на Неве внес большой вклад в общую победу над гитлеровцами.

Заканчивая свою речь перед ленинградцами, генерал сказал по-русски:

— Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия!

В Ленинграде президент Франции посетил Пискаревское мемориальное кладбище, где оставил запись в книге почетных гостей: «К павшим Ленинграда обращены мысли дружественной Франции. Шарль де Голль».

Не менее теплый прием ждал генерала в столице Украины. В своем выступлении перед киевлянами де Голль вспомнил, что киевская княжна Анна Ярославна была женой французского

короля Генриха I.

Двадцать восьмого июня де Голль прибыл в Волгоград, где он уже был в 1944 году.

— Я снова в этом самом героическом из городов, — сказал он, — я снова здесь, чтобы доложить вам о нашей второй победе, победе мирного труда и победе над разрухой!

Двадцать девятого июня генерал де Голль давал прием в посольстве, на котором присутствовали Брежнев, Косыгин, Подгорный и другие менее значительные советские и партийные лидеры.

Во время десятидневного визита де Голль вел интенсивные переговоры по самым важным проблемам международной политики и европейской безопасности, обменивался мнениями по германскому вопросу.

Договаривающиеся стороны высказались за создание атмосферы разрядки между Востоком и Западом Европы, за развитие отношений между всеми странами континента при взаимном уважении и невмешательстве в их внутренние дела. Рассматривалось положение на Юго-Востоке Азии.

Результаты переговоров были закреплены в совместной советско-французской декларации.

Первого июля де Голль отбыл на родину.

1967 год

В первое десятилетие Пятой республики ее экономика сделала значительный шаг вперед.

Развитие прикладных и фундаментальных наук предопределило научно-техническую революцию, плодами которой с успехом пользовались французские промышленные предприятия.

Так, объем промышленного производства вырос почти на шестьдесят процентов, а объем внешней торговли почти в пять раз превысил довоенный уровень.

Уже к 1965 году Франция расплатилась со своими внешними долгами и превратилась в страну-кредитора, прочно заняв третье место в мире по экспорту капитала.

На лидирующие позиции в мире вышли многие отрасли промышленности: нефтяная, химическая, автомобильная, авиационная. Выпуск грузовых автомашин возрос более чем в десять раз по сравнению с довоенным уровнем, в четыре раза увеличилось потребление нефти.

Объективно вырос жизненный уровень населения. То, что еще совсем недавно казалось людям атрибутами роскоши, превратилось в предметы повседневного быта. Производство легковых автомобилей по сравнению с уровнем 1940 года выросло в пятнадцать раз. Телевизоры, стиральные машины стали товарами народного потребления.

Десять процентов капиталовложений во французскую экономику составлял иностранный, в основном американский и западногерманский, капитал, инвестированный в первую очередь в новейшие отрасли промышленности (радиоэлектроника, переработка нефти и газа).

Значительные перемены произошли в сельскохозяйственном секторе, производительность труда в котором резко увеличилась благодаря повышению квалификации инженерно-технических кадров и рабочих, а также использованию новейшей техники. Индустриализация и интенсификация сельского хозяйства вывела Францию на второе место в мире после Соединенных Штатов по экспорту продовольствия.

За десятилетие Пятой республики население Франции увеличилось с сорока пяти до пятидесяти миллионов человек. Возросло число людей, занимающихся умственным трудом — с одного до трех миллионов человек. Рабочий класс насчитывал восемь миллионов французов. Постепенно увеличивалось количество иммигрантов из бывших французских колоний.

* * *

Двадцать четвертого мая 1967 года де Голль встретился с министром иностранных дел Израиля Эбаном.

— Франция выступает против новой войны на Ближнем Востоке, — сказал президент израильтянину. — Мы сделаем все, чтобы предотвратить эту войну.

— Израиль не менее Франции хочет мира, — ответил министр. — Но моя страна постоянно находится на грани военных действий с арабами. Мы готовы вести любые переговоры на любом уровне, но нас не хотят слушать!

— Франция, безусловно, будет считать агрессором ту страну, которая первой начнет боевые действия, — отрезал де Голль. — И военную помощь мы будем оказывать той стороне, которая подвергнется агрессии.

…Едва придя к власти, де Голль выступил с резкой критикой проекта Бен-Гуриона собрать на территории Земли Обетованной четыре-пять миллионов евреев со всего мира.

После начала Шестидневной войны, завершившейся полной победой израильского оружия, де Голль выступил защитником арабских интересов. Он наложил эмбарго на продажу в Израиль истребителей «Мираж», прекрасно проявивших себя в войне, вертолетов и другой боевой техники.

Тем не менее арабские страны потерпели жестокое поражение.

Позже Никита Хрущев писал:

> «Я до сих пор не могу понять, как могли допустить до полного разгрома египтян. Советский Союз несет свою и очень большую ответственность за происшедшее. Мы могли бы удержать Насера от неподготовленной войны, могли правильнее оценить обстановку уже после начала боевых действий. Вообще следовало не добиваться ликвидации существования государства Израиль и иными средствами стремиться к равноправию арабов Палестины. Недоучли и силы Израиля».

Приведенная цитата говорит о том, что советское руководство, активно участвуя в арабо-израильском конфликте 1967 года, во-первых, было заинтересовано в срочной ликвидации Израиля как самостоятельного государства и, во-вторых, по меньшей мере не стремилось предотвратить боевые действия между арабами и евреями, надеясь на победоносное шествие арабских армий по Тель-Авиву.

Однако реальность не соответствовала представлениям Кремля о мире на Ближнем Востоке.

Никита Хрущев писал:

> «Взаимоотношения с арабами складываются у Израиля очень тяжело. Если так будет продолжаться, то это кончится для Израиля плохо. Он все время беспокоит арабские страны. А из физики известно, что действие равно противодействию. В политике наблюдается то же самое. Шестидневная война должна научить арабов многому. Я вспоминаю Петра I. Когда ему шведы высекли задницу под Нарвой, он понял: спасибо за учебу, потом разбил их под Полтавой. Пройдет время, и если израильтяне не поумнеют, то арабы разобьют их.
>
> Впрочем, у кого организация дела хорошая, тех не бьют, те сами бьют других. В этом-то и дело: 2,5 миллиона евреев сорганизовались так, что за шесть дней разбили десятки миллионов в Египте, Сирии, да еще с их союзниками. Израильский военный лидер Даян был офицером английской армии. А сколько там людей, которые служили в нашей армии? В этом тоже их сила. Арабы особенно не воевали, больше на верблюдах ездили, а евреи воевали во всех войнах…»

* * *

В июле 1967 года де Голль отправляется в Монреаль, где открывалась Международная выставка «Экспо-67».

Находясь в Канаде, де Голль не упустил возможности посетить провинцию Квебек, где большинство населения составляли этнические французы, устроившие президенту восторженную встречу.

Двадцать четвертого июля генерал произнес перед монреальцами свою знаменитую речь. Де Голль приветствовал монреальцев, говорил о единстве всех французов и закончил речь следующими словами:

— Горячие чувства наполняют мое сердце! Да здравствует Квебек! Да здравствует свободный Квебек!

В ответ внемлющая каждому слову президента толпа запела «Марсельезу». Правительство Канады, а также государственные институты ряда западных стран резко осудили сепаратистское выступление де Голля, и после посещения советского павильона, которое длилось час, генерал отбыл на родину.

1968 год

Внутренней политике де Голль уделял меньше внимания, чем внешней, что привело весной 1968 года к массовым антиправительственным выступлениям.

В начале мая студенты Парижского университета объявили бессрочную забастовку, требуя не исключать из университета нескольких деятелей троцкистских и маоистских организаций. Одной из них руководил некий Даниель Кон-Бендит, профессиональный провокатор, анархист и мятежник, парижский поп Гапон.

Как любая истерическая личность, он любил и умел говорить с толпой. Его призывы к немедленной революции были поддержаны студенческой массой, провозгласившей лозунг «Нет — буржуазному университету». Одни бунтари требовали отмены экзаменов, утверждая, что последние — дискриминационная мера, вторые — увеличения стипендий и расширения круга тех, кому она выплачивается, третьи — гарантированного числа мест для студентов из рабочих семей.

Третьего мая студенты заняли здание Сорбонны, и ее руководство, вопреки вековым традициям, обратилось к помощи полиции, которая принялась наводить порядок в университетских аудиториях.

На следующий день толпы студентов вышли на улицы Парижа. Начались бесчинства толпы, в которой было все меньше студентов и все больше профессиональных провокаторов-экстремистов. Несколько тысяч демонстрантов вступили в схватку с отрядами полиции. Они били стекла витрин, переворачивали и жгли автомобили, забрасывали камнями жандармов.

Начало студенческих волнений не вызвало никакой реакции у президента де Голля.

— Это все ерунда, — говорил он по телефону Жоржу Помпиду, находящемуся в то время с визитом в Иране. — Детский сад. Двоечники решили не сдавать сессию, потому что боятся отчисления.

Однако события принимали все более драматический характер. Национальный союз студентов (ЮНЕФ), возглавляемый Ж. Соважо, и национальный профсоюз работников высшей школы, руководимый А. Жейсмаром, объявили о начале забастовки. Студенты и прочие демонстранты принялись строить баррикады. Они выворачивали булыжники из мостовой, ломали деревья…

Улицы Парижа, еще вчера утопавшие в зелени и сиявшие витринами, теперь представляли собой довольно мрачное

зрелище.

Власти были вынуждены прибегнуть к массовым арестам. Де Голль понял, что события принимают серьезный оборот и для подавления бунта необходимы самые решительные, однако предельно взвешенные меры.

Защитить население от разбушевавшихся бунтарей — его прямая обязанность. Де Голль не мог допустить смуты в государстве, которое приобретало все больший вес на международной арене и уже вошло в число самых влиятельных стран мира. Он обязан сохранить верность конституции, за которую боролся не один десяток лет.

Но что можно поделать с пьяной толпой, одурманенной левацкими идеями всеобщего равенства!

Конечно, равенство — идеал. Но — равенство закона для всех, равенство стартовых возможностей… Все прочее — от лукавого. Бог создает людей разными, и у Него на то есть свои причины.

Седьмого мая генерал встречается со своими соратниками, депутатами Национального собрания.

— События последней недели показали, что высшая школа нуждается в немедленной реформе, — сказал он депутатам. — Это моя позиция. Мы не должны потакать сторонникам анархии, ибо порядок — это основа процветания нашего общества. А порядок в университетах — это порядок, который должен воцариться во Франции завтра! Среди студентов всегда были бунтари, которые во главу угла ставили не получение знаний и служение отечеству, но удовлетворение своих непомерных амбиций. Они полагают, что можно изменить жизнь к лучшему кавалерийским наскоком, а не кропотливым трудом. Им нравится Мао Цзедун и его хунвейбины, которые считают, что можно построить корабли науки на реках крови! Но мы этого не допустим…

Разумеется, ФКП не могла остаться в стороне. Она в считаные минуты придумала теоретическое обоснование мятежу. Ее лидеры заявили, что волнения имеют под собой серьезную социальную почву. Якобы все дело в том, что система высшего образования во Франции не удовлетворяет демократически настроенную часть студенчества *(вероятно ту, которая жгла автомобили и крушила витрины),* зарплата требовала немедленного увеличения, а рабочий день — немедленного сокращения. ФКП пристально вглядывалась в события, надеясь разглядеть в ней пресловутую революционную ситуацию, когда верхи не могут, а низы не хотят…

ФКП безоговорочно поддержала левацкие организации,

требовавшие всеобщей забастовки в знак протеста против «зверств полиции», которая пыталась восстановить порядок.

Де Голль неоднократно встречается в эти дни с министром внутренних дел Кристианом Фуше, который, впервые столкнувшись с такой ситуацией, не мог решиться на активные действия, что вполне понятно.

— Вы должны взять себя в руки, господин министр, — сказал ему де Голль, когда несколько улиц столицы превратились в арены боев между демонстрантами и полицией. — Они хотят проверить, на что мы способны… Они хотят проверить нашу решимость противостоять беспорядкам! Их требования инфантильны, и их не интересует, выполним мы их или нет…

— Что же мне делать?

— Вы должны вести переговоры с кем только возможно. Пусть они думают, что мы считаем их политической силой… Но требуйте немедленного прекращения боевых действий на улицах!

Однако переговоры с представителями студентов ни к чему не привели, и обстановка продолжала накаляться. Десятого мая в центре города насчитывалось свыше полусотни баррикад, некоторые из которых достигали уровня второго этажа. Красные коммунистические и черные анархистские флаги гордо реяли над головами смутьянов, считавших, что они «творят» историю.

Силы правопорядка приготовились к схватке с разгоряченной толпой, однако им было отдано категорическое распоряжение ни в коем случае не применять огнестрельного оружия.

В два часа ночи одиннадцатого мая Фуше дает приказ смести баррикады. Полицейские идут на штурм баррикад, студенты швыряют в них бутылки с зажигательной смесью и камнями. Штурмующие применяют гранаты с газовыми наполнителями.

Улицы Парижа объяты пламенем. Горят перевернутые автомобили, магазины, рекламные щиты.

Только к семи часам утра полиции удается восстановить порядок. Студенты разбегаются.

Утром у президента собираются на совещание силовые министры и советуют де Голлю выполнить некоторые из требований студентов.

— Какие требования? — возмутился президент. — Запретить профессорам принимать экзамены? Или ввести квоту для детей из рабочих? Но это будет полная дискриминация! Чем дети рабочих лучше крестьянских детей или детей тех, чьи родители торгуют бижутерией?

— Но они просят не только этого, — возразил ему министр просвещения Алэн Пьерфит. — Они хотят повышения стипендий и увеличения государственных ассигнований на образование!

— Это разумное требование, но оно исходит от людей, которые за неделю превратили Париж в мусорный ящик, — произнес де Голль. — Если мы сегодня пойдем им навстречу, завтра другие начнут подкреплять свои требования мятежом…

Вечером одиннадцатого мая из поездки по азиатским странам возвращается премьер Жорж Помпиду, который немедля собирает кабинет министров. По его предложению решено возобновить переговоры со студентами, с чем соглашается де Голль.

— Хорошо, — сказал он премьеру, — может быть, в ваших словах есть зерно истины. Но вся ответственность за дальнейшее развитие событий ложится на вас.

* * *

Тринадцатого мая в Париже прошла полумиллионная демонстрация, участники которой несли лозунги, призывавшие к отставке де Голля и изменению конституционного строя.

Вместе с демонстрацией началась общефранцузская стачка, грозящая перерасти в катастрофу. Рабочие и служащие повсеместно прекращали работу и выходили на улицы с красными и черными флагами и транспарантами, призывавшими де Голля и его правительство уйти в отставку. Кроме того, демонстранты выдвигали и экономические требования — предотвращение безработицы, расширение прав профсоюзов, повышение размеров минимальной оплаты труда.

Демонстрация победоносно и беспрепятственно прошла по столичным улицам. Однако когда демонстранты проходили мимо Елисейского дворца, кучка провокаторов стала призывать идти на его штурм. Казалось, вот-вот толпа, вообразившая себя революционной массой, совершит непоправимое и появятся первые жертвы. Но, к счастью, профсоюзным лидерам удалось убедить студентов в пагубности этого пути. Демонстрация закончилась мирно.

Утром четырнадцатого мая президент де Голль отбывает в Румынию с официальным визитом, который давно уже откладывал.

Тем временем толпы смутьянов, среди которых большинство составляли студенты, занимают университетские корпуса и объявляют о создании «свободного» университета, которым руководит так называемая «студенческая» власть.

Студенты круглосуточно несут дежурство, дабы не допустить в университет полицию. Требования студентов остаются теми же, что и раньше: отмена экзаменов, право самому выбирать

академические предметы, увольнение старой профессуры и ряд других.

Политическая направленность не прослеживается, ибо тут одновременно поют «Интернационал» и декламируют антикоммунистические стихи.

Через несколько дней в забастовках уже принимали участие более двух миллионов французов. Практически все промышленные предприятия прекратили работу, общественный транспорт перестал функционировать, замолчало радио и телевидение. Рабочие требовали сорокачасовой рабочей недели и права выхода на пенсию в шестьдесят лет.

Разумеется, во всех своих бедах винили генерала де Голля.

— Он создал монархию, — кричали с импровизированных трибун разгоряченные бунтовщики. — Он правит нами уже десять лет! И что мы теперь имеем? Эксплуатацию человека человеком! Жиреющую буржуазию и обнищавший пролетариат! Пусть катится Ко всем чертям!

Крестьяне, словно околдованные смутой города, прибывали в Париж, где на митингах требовали снижения налогов и повышения закупочных цен на свою продукцию.

Де Голль почувствовал, что стабильность созданной им Пятой республики была кажущейся и все созданное может в любой момент рухнуть и похоронить под своими обломками все то, что было создано им с таким трудом.

Двадцать четвертого мая де Голль выступил по телевидению с шестиминутной речью. Он говорил о возможности гражданской войны и необходимости борьбы с политическим авантюризмом.

Многие посчитали эту речь заупокойной по Пятой республике. Социалист Миттеран, вчистую проигравший де Голлю на выборах, радостно заявил, что «власть стала вакантной», и сообщил журналистам, кого он собирается назначить премьер-министром и какой курс изберет для Франции после скорой отставки генерала де Голля.

К этому времени отчетливо проступили противоречия между организаторами демонстраций, митингов и забастовок. Социалисты ненавидели коммунистов, коммунисты ненавидели всех, кроме самих себя, левацкие группировки терпеть не могли профсоюзы, профсоюзы требовали немедленной изоляции коммунистов.

В конце мая лидеры коммунистов объявили своим приверженцам, что революционной ситуации в стране нет, ибо, по их мнению, *низы пока что хотели, а верхи могли.*

Чувствуя, что почва уходит у него из-под ног, генерал де Голль перешел к решительным действиям. Заручившись

поддержкой военного ведомства, он объявил о роспуске парламента и проведении новых выборов в высший законодательный орган страны. Генерал категорически заявил, что готов применить силу против смутьянов, если те продолжат свои выступления.

Тридцатого мая к столице подошли танки. Мирные граждане, последние недели жившие как на вулкане, вздохнули спокойно. Постепенно наступало отрезвление. Рабочие возвращались на фабрики, крестьяне— на поля, студенты — в аудитории.

В половине пятого вечера генерал выступил по национальному радио с гневной речью, в которой бичевал левые силы Франции.

— В нынешней ситуации, — сказал президент, — я не оставлю своего поста! Я избран народом и обязан подчиняться его воле!.. Сегодня я распускаю Национальное собрание… Франция стоит перед лицом диктатуры… Францию хотят заставить подчиниться… тоталитарному коммунизму.

Через час де Голль выступает с балкона Елисейского дворца. Внизу его приветствует толпа сторонников, которые скандируют: «Франция, пора работать!» и «Да здравствует де Голль!»

Де Голлю казалось, что волнения 1968 года не что иное, как заговор с целью отстранения его от власти и установления диктатуры аморфного парламента, которым будут командовать вездесущие левые.

Двенадцатого июня правительство запретило проведение демонстраций и распустило левацкие организации. По стране прокатилась волна манифестаций в поддержку де Голля.

Генерал вновь оказался победителем вопреки прогнозам левой оппозиции.

— Эти события, — сказал он Жоржу Помпиду, — звено в цепи мятежей, которые устраивают противники сильной власти. Чистой воде они предпочитают «болото». Вспомните алжирский мятеж…

События весны 1968 года заставили правительство Жоржа Помпиду объявить о тридцатипятипроцентном увеличении размера минимальной заработной платы, пятнадцатипроцентном увеличении пособия по безработице. На пять процентов увеличились семейные пособия и на десять — средняя заработная плата.

* * *

Франция стала готовиться к выборам нового Национального

собрания, которые состоялись через несколько дней после окончания всеобщей забастовки. Голлисты, переименовавшие свою партию в «Союз демократов в защиту республики» (ЮДР), на этот раз одержали убедительную победу. Они завоевали без трех голосов триста мест в нижней палате парламента и получили абсолютное большинство голосов. Эта победа в полной мере высветила настроения в обществе: Франция хотела стабильности и порядка и начисто отвергала революционные формы борьбы.

И хотя коммунисты по-прежнему оставались одной из самых влиятельных партий, их авторитет заметно снизился — на выборах в Национальное собрание они потеряли свыше полумиллиона голосов. То же самое можно сказать и об их попутчиках — социалистах.

Троцкисты и маоисты собрали менее пяти процентов голосов и не попали в парламент.

Когда были обнародованы результаты выборов, президент отправил Жоржа Помпиду в отставку и тринадцатого июля объявил о том, что сформировано новое правительство под руководством Мориса Кув де Мюрвиля.

1969–1970 годы

В начале 1969 года де Голль и его советники разработали систему социально-экономических реформ, «сотрудничества классов», которая уже несколько десятилетий занимала умы голлистов, полагавших, что новая система обеспечит коренные преобразования в социальной сфере и переход к новой общественно-политической формации.

И хотя голлисты считали ее «ни капитализмом, ни социализмом», «сотрудничество классов» имело гораздо больше черт, присущих обществу, построенному на Востоке Европы.

Для осуществления своего плана де Голль наметил несколько мероприятий, первыми из которых были изменение административного деления Французской республики и обновление верхней палаты парламента. Президент хотел уменьшить количество административных единиц Франции (департаментов) с девяноста до двадцати двух и передать часть полномочий верхней палаты парламента (сената) другим органам законодательной и исполнительной власти. Голлисты считали, что сенат должен был играть только консультативную роль.

По проекту нового закона руководить регионами поручалось региональным префектам, назначаемым президентом. Другим органом власти в укрупненном регионе должны были стать региональные советы, частично избираемые населением, частично назначаемые правительством. Среди задач, которые возлагались на советы, были формирование территориального бюджета и координация сотрудничества между представителями классов, представленных в совете.

После того как предложения де Голля были опубликованы в печати, президент заявил, что выносит их на референдум, и, если народ отвергнет новый законопроект, он уйдет в отставку.

Разумеется, коммунисты резко выступили против де Голля, объяснив трудящимся, что предлагаемая реформа выборных органов больно ударит по их интересам.

Центристские и правые силы увидели в новом законопроекте угрозу свободному предпринимательству и были напуганы разговорами о «сотрудничестве классов». Кроме того, они считали неправильным курс генерала на замораживание отношений с Израилем, недопущение Великобритании в ЕЭС и чересчур теплые отношения с Советским Союзом.

Перед голосованием генерал вполне допускал отрицательный результат. И потому за два дня до референдума отправился в Коломбэ, где вечером двадцать седьмого апреля узнал, что

большинство соотечественников отвергло предложенные законопроекты. Свыше пятидесяти двух процентов французов — двенадцать миллионов граждан — проголосовало против!

Счастье коммунистов было безмерным: наконец-то генерал де Голль потерпел поражение.

— Французы устали от меня, — сказал де Голль сыну, узнав о результатах голосования, — да и я устал от них!

В ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое апреля премьер-министр Франции Морис Кув де Мюрвиль получил заранее заготовленное письмо де Голля, в котором президент благодарил кабинет министров за работу. В половине первого ночи по радио было зачитано обращение де Голля к народу. Президент Франции объявлял о своей отставке. Закончились десять лет, три месяца и девятнадцать дней президентства генерала де Голля.

Он тяжело пережил случившееся, однако этот очень мужественный человек уже через несколько дней вел себя так (во всяком случае внешне), будто случившееся его не касается.

Десятого мая генерал с женой и секретарем отбыли в Ирландию, где поселились во второразрядной гостинице, ограничив свои связи с внешним миром. Де Голль не желал участвовать в выборах нового президента Пятой республики и с головой ушел в свои мемуары.

* * *

Летом 1969 года состоялись досрочные выборы второго президента Пятой республики. Голлистской партией ЮДР на пост руководителя государства был выдвинут бывший премьер-министр и личный друг генерала де Голля Жорж Помпиду. Коммунисты предложили Франции секретаря ЦК ФКП Жака Дюкло, который не смог выйти во второй тур, набрав всего двадцать один процент голосов.

За Жоржа Помпиду голосовало сорок шесть процентов избирателей, и он, вместе с Председателем сената А. Поэром (двадцать три процента), вышел во второй тур, который был назначен на двадцатое июня 1969 года. Признав буржуазными экономическую и политическую программы обоих кандидатов, коммунисты предложили своим сторонникам воздержаться от голосования.

Однако бойкот коммунистов не мог сорвать народного волеизъявления. Победу на президентских выборах одержал Жорж Помпиду, набравший пятьдесят восемь процентов голосов.

Пятнадцатого мая Жорж Помпиду получил поздравительную телеграмму от основателя Пятой республики генерала Шарля де Голля.

* * *

Жорж Помпиду. Родился в Монбудифе в семье сельского учителя пятого июля 1911 года. Учился в лицее Людовика Великого и Высшей школе Парижа.

В 1935–1944 годах преподавал древнегреческий, латынь и французский языки в марсельском лицее Святого Шарля, Лицее Ош в Версале и столичном лицее Генриха IV.

С 1945 года начинается его сотрудничество с Шарлем де Голлем. После ухода генерала с вершины Власти Помпиду продолжал работать с будущим основателем Пятой республики. В 1948 году Помпиду становится директором личного кабинета де Голля.

В 1958 году, когда де Голль вернулся к власти и был избран президентом, Помпиду отдалился от большой политики, заняв пост генерального директора банка Ротшильда.

Однако уже в 1961 году президент призвал Помпиду под свои знамена, отправив в швейцарский Люцерн на переговоры с Временным правительством Алжира, которые закончились подписанием исторических Эвианских соглашений.

В апреле 1962 году Помпиду занял пост премьер-министра, на котором настойчиво проводил в жизнь политические идеи генерала де Голля, уделяя большое внимание социально-экономическим проблемам республики.

В 1963 году Помпиду разработал «план стабилизации», предусматривающий финансовую стабилизацию в стране и структурную перестройку экономики в соответствии с требованиями ЕЭС.

Оставаясь премьером, Помпиду возглавлял голлистское большинство в Национальном собрании Франции и на местах. Под его патронажем голлисты выступали на выборах всех уровней.

В мае 1968 года во время студенческих волнений Помпиду проявил себя лидером, умеющим выходить из тяжелых ситуаций. Он довел по логического завершения сложные переговоры с профсоюзами, подписав Гренельские соглашения, положившие конец беспорядкам.

В 1969 году Помпиду, избранный президентом Франции после отставки генерала де Голля, назначил на пост премьера

Жака Шабан-Дельмаса. Предложенная последним программа «нового общества» предусматривала проведение ряда социально-экономических реформ.

Внешняя политика Помпиду находилась в фарватере политики де Голля, хотя новый президент выступал за расширение взаимодействий с Соединенными Штатами во многих областях, в том числе и в военной. Тем не менее Франция категорически отказалась вернуться в военную организацию НАТО.

Президент Помпиду стремился к укреплению внутриевропейских связей, выступая за более тесный политический, экономический и финансовый контакт западноевропейских государств. В 1972 году Помпиду согласился на вступление в ЕЭС Великобритании.

Помпиду, следуя идеям голлизма, прилагал все усилия для упрочения контактов с развивающимися странами. В 1973 году он первым из западных лидеров посетил Китай с официальным визитом.

Помпиду пять раз встречался с советскими руководителями и дважды — в 1970-м и 1974 году — посетил Советский Союз.

Визит в СССР в марте 1974 года стал последней зарубежной поездкой Помпиду.

Он умер второго апреля 1974 года в Париже, не дожив двух лет до окончания семилетнего президентского мандата.

Валери Жискар д'Эстен. Новые президентские выборы были назначены на май 1974 года. На высший государственный пост претендовали: от ЮДР — бывший премьер-министр Жак Шабан — Де льмас, от «независимых республиканцев» — Валери Жискар д'Эстен, от левых сил — Франсуа Миттеран, который заметно опередил обоих кандидатов в первом туре, набрав сорок три процента голосов.

Кроме Миттерана во второй тур вышел Жискар д'Эстен. Один из сподвижников генерала де Голля, Жак Шабан-Дельмас, набрал пятнадцать процентов голосов и выбыл из дальнейшей борьбы.

Во втором туре избиратели предпочли левому кандидату Валери Жискар д'Эстена, который и стал новым президентом Франции на очередной семилетний срок, получив пятьдесят и восемь десятых процента голосов.

Новый президент стал одним из самых молодых руководителей государства в его новейшей истории: к моменту объявления результатов выборов ему минуло всего сорок восемь лет.

Валери Жискар д'Эстен был широко образованным и

эрудированным человеком, слывшим в политической среде интеллектуалом. В свое время он окончил Политехническую школу и Национальную школу администрации.

В восемнадцать лет участвовал во второй мировой войне.

В 1956 году впервые избирается в Национальное собрание, а через три года, имея репутацию специалиста по экономическим проблемам, впервые вошел в правительство.

С 1962 года и на протяжении двенадцати лет работад министром экономики и финансов.

В 1974 году состоялась встреча Валери Жискар д'Эстена с Леонидом Ильичом Брежневым, на которой новый президент Франции подтвердил преданность голлистской политике в отношении Советского Союза. Французским и советским лидерами была согласована политика на Ближнем Востоке, в Индокитае и на Кипре, где к тому времени разразился крупный политический кризис.

В 1975 году Жискар д'Эстен от имени Французской республики подписал Заключительный акт совещания в Хельсинки и отказался вернуть Францию в военные структуры НАТО.

Благодаря стараниям В. Жискар д'Эстена во Франции наконец-то был снижен возрастной ценз на выборах — с двадцати до восемнадцати лет.

Франсуа. Миттеран. В 1981 году президентом Франции впервые становится кандидат левых сил Франсуа Миттеран, который родился в 1916 году в городе Жарнак департамента Шаранта.

Он окончил католический коллеж Сен-Поль в Ангулеме и Парижский университет по специальности юриспруденция и политология. Работал журналистом и адвокатом.

С первых дней принимал участие во второй мировой войне, был ранен и попал в плен. В конце 1941 года бежал, добрался до неоккупированной зоны, где поступил на службу в Виши, нащупав связь с подпольем. Позднее перебрался в Алжир.

В 1944 году Миттерана назначили генеральным секретарем по делам военнопленных во Временном правительстве де Голля. В 1945 году принимал участие ЮДСР. В 1946 году был избран от ЮДСР депутатом Национального собрания.

В период Четвертой республики занимал ряд ответственных государственных постов. В 1947–1948 годах — министр по делам бывших фронтовиков, в 1948–1949 годах — государственный секретарь при премьер-министре, в 1950–1951 годах — министр по делам заморских территорий, в 1952 году — государственный

министр, в 1953 году — министр по делам Совета Европы, в 1954–1955 годах — министр внутренних дел и в 1956–1957 годах — министр юстиции.

После основания Пятой республики Миттеран выступил с резкой критикой новой конституции и стал одним из лидеров левой оппозиции.

В 1965 году основал Федерацию демократических и социалистических левых сил (ФДСЛС) и выдвинул свою кандидатуру на президентские выборы, проиграв во втором туре де Голлю.

Миттеран был одним из основателей Французской социалистической партии (ФСП) и занимал пост генерального секретаря. Поддерживал идею блока с другими левыми объединениями. В 1972 году ФСП объявила о своем союзе с ФКП и левыми радикалами.

В 1974 году Франсуа Миттеран стал единственным кандидатом левых сил на президентских выборах, но уступил во втором туре В. Жискар д'Эстену, получив сорок девять и девятнадцать сотых процента голосов.

Он был избран президентом республики на выборах 1981 году.

После избрания президентом Миттеран распустил Национальное собрание. На новых парламентских выборах победила ФСП. Премьер-министром стал социалист П. Моруа, который провел ряд важных социально-экономических преобразований. Однако Л. Фабиус, сменивший Моруа в 1984 году, приостановил левые реформы, перейдя к режиму «жесткой экономики».

На парламентских выборах 1986 года правая оппозиция взяла реванш. Миттеран назначил на пост премьер-министра лидера правого Объединения в защиту республики (РПР) Ж. Ширака.

В 1988 году Миттеран вновь выдвинул свою кандидатуру на пост президента республики и победил во втором туре Ширака, после чего распустил правое Национальное собрание.

На выборах победили левые силы, которые, впрочем, не смогли справиться с социальными проблемами. В результате на очередных парламентских выборах 1993 года большинство мест в Национальном собрании получили правые.

Миттерану во второй раз пришлось назначить премьер-министром голлиста — Эдуарда Балладюра. В конце второго президентского срока Миттеран тяжело заболел, но оставался на посту до окончания семилетнего мандата.

Приоритетным направлением во внешней политике Миттерана стало строительство «единой Европы». Он полностью

поддержал идею экономического и политического союзов стран, входящих в ЕЭС. Миттеран активно выступал как за всестороннее развитие отношений Франции с Соединенными Штатами, Западной Германией и Советским Союзом, так и за укрепление связей с развивающимися странами.

Жак Ширак. На выборах 1995 года победу одержал кандидат правых сил мэр Парижа Жак Ширак.

Жак Рене Ширак родился двадцать девятого ноября 1932 года в семье банковского служащего. Закончил лицей Луи-ле-Гран и Институт политических наук в Париже, учился в Гарвардском университете.

После военной службы в Алжире учился в Национальной школе администрации, готовящей кадры для органов государственного управления. С 1962 года Ширак поступил на службу в администрацию Жоржа Помпиду. В 1967 году впервые избирается депутатом Национального собрания.

В 1972–1974 годах Ширак был министром сельского хозяйства.

После смерти президента Помпиду Жак Ширак занял пост генерального секретаря голлистской партии ЮДР.

Тогда же вновь избранный президент Валери Жискар д'Эстен назначает Ширака премьер-министром.

Через два года Ширак уходит в отставку, объяснив свое решение нежеланием Жискар д'Эстена расширить полномочия руководителя кабинета министров. В конце 1976 года Ширак основал собственную политическую партию «Объединение в защиту республики», стоящую на правых позициях.

В 1977 году Ширак был избран мэром Парижа.

На президентских выборах 1981 года он выставил свою кандидатуру, однако потерпел поражение. В 1986 году президент Ф. Миттеран поручил Ж. Шираку как лидеру парламентского большинства сформировать правительство.

Во время пребывания на посту руководителя кабинета министров Шираку удалось затормозить рост безработицы, сократить налоги, приватизировать некоторые национализированные предприятия, страховые компании и банки.

Однако на президентских выборах 1988 года он вновь проиграл. Тогда Жак Ширак покинул пост премьер-министра и сконцентрировал свое внимание на обязанностях мэра Парижа, проявив себя решительным и умелым администратором.

Оставаясь лидером правых, Ширак не стремился возглавить правительство, что сыграло положительную роль на выборах 1995

года, когда Ширак стал президентом.

Избирательная кампания Ширака проходила под лозунгами углубления процесса объединения европейских стран, введения единой европейской валюты, борьбы с безработицей. Но начало президентства Ширака связано со скандалом, вызванным его **решением** провести подземные ядерные взрывы на атолле Мururoa. Только обещание Ширака отказаться в дальнейшем от ядерных испытаний предотвратило введение рядом стран бойкота французских товаров.

Во внутренней политике он пытается провести реформы, направленные на сокращение государственных расходов и повышение уровня жизни народа.

* * *

Вернувшись в свое имение, де Голль продолжил работу над мемуарами, предполагая написать три тома: «Обновление», «Усилие» и «Завершение». Меньше года ему понадобилось, чтобы написать первый том, который увидел свет в октябре 1970 года в издательстве «Плон», имеющим с де Голлем многолетние деловые отношения.

Одиннадцатого декабря 1969 года генерала посетил его старый товарищ, писатель и политический деятель Андрэ Мальро, с которым де Голля связывала двадцатипятилетняя дружба.

— Мой договор с французами разорван, — не без горечи сказал де Голль писателю. — С величием покончено!

Де Голль с горечью вспоминает о неприятии его самого и его идей соотечественниками, считавших его диктатором, узурпировавшим власть и похоронившим демократию.

Сколько раз в годы своего правления он видел демонстрантов и манифестантов, которые с ненавистью глядя в пустоту, несли плакаты с надписями «Де Голля в отставку!», «Де Голля в богадельню!» и тому подобными.

Генералу казалось, что он знал французов. Конечно, его отношение к коммунистам — особая страница жизни. Дело совсем не в том, нравились или не нравились ему господа Жак Дюкло и Морис Торез.

Многие из коммунистов оставляли впечатление честных и порядочных людей, с которыми можно иметь дело. Вероятно, они не пьют кровь христианских младенцев и не приносят в жертву своему богу Карлу Марксу невинных девушек. Они не пляшут на могилах своих предков и не оставляют бомб в людных местах.

Но достаточно вспомнить их невменяемых вождей: Ленина,

Сталина, Троцкого, Зиновьева, — чтобы понять — эти люди улыбаются, пока ты силен и способен им противостоять. Как только ты оказываешься у них во власти, они тотчас забывают о моральных нормах и человеческом достоинстве, чему история знает немало примеров.

В двадцатых — тридцатых годах, читая работы коммунистических вождей, де Голль не мог понять — шутят они или говорят серьезно о помощи туземному пролетариату и мировом пожаре, в котором погибнут миллионы людей ради того, чтобы устроить счастье выжившему человечеству.

Счастье в понимании коммунистов было весьма своеобразным и специфическим: то ли население планеты, ликвидировав границы и взявшись за руки, будет водить хороводы вокруг экватора, распевая помпезный «Интернационал», то ли все люди, загнанные в концентрационные лагеря, начнут под внимательным оком гауляйтеров и вертухаев строить дворцы и бассейны для красных главарей и их многочисленных родственников.

Сколько человек истребили коммунисты, придя к власти в России? Миллион, десять, пятнадцать? Экспрессивный Хрущев говорил, что в годы «культа личности» погибло шестьсот тысяч человек…

Эти «шестьсот тысяч» стали как бы козырной картой в руках коммунистических идеологов. Отвечая оппонентам, они говорят: «Какой миллион? О чем вы говорите? У нас в годы культа личности погибло всего-то шестьсот тысяч!»

* * *

Де Голль рассказал Мальро, что на него сильное впечатление произвел следующий случай из жизни Сталина. Замышляя коллективизацию, он изложил свой план сподвижникам. Один из них сказал, что этот план трудновыполним: для его осуществления потребуются миллионы человеческих жизней.

— Ну и что? — спросил Сталин, поставив в тупик возражавшего…

С другой стороны, именно руководимый Сталиным и его кликой Советский Союз смог вынести все тяготы войны с гитлеровской Германией и победить. Многие русские воины погибали с именем Сталина на устах, который морил их семьи голодом и душил в сибирских концлагерях.

Неужели чем сильнее тиран угнетает и унижает народ, тем сильнее народ любит тирана? Трудно себе представить, чтобы

английские солдаты шли в бой с лозунгом: «За родину! За Черчилля!», а американцы писали на своих танках «Слава Рузвельту!»

Конечно, в СССР многое изменилось. Его руководители уже не размахивают дубиной перед лицом Европы и не грозят народам мировой революцией, как в двадцатые — тридцатые годы. Но где гарантия, что все так и будет дальше?

* * *

Девятого ноября 1970 года генерал де Голль умер.

Около семи вечера генерал раскладывал карточный пасьянс, ожидая вечерней сводки новостей, как вдруг почувствовал кинжальную пронизывающую боль за грудиной. Ему показалось, что некий невидимый рыцарь пронзил его шпагой.

— Господи! — закричал он. — Какая боль…

Де Голль попытался подняться из-за стола, но медленно сполз на пол.

Его жена, поддерживая голову генерала, закричала горничной, чтобы та немедленно вызвала врача.

Спустя двадцать минут врач и священник стояли у кровати бывшего президента. Через несколько минут он скончался, не приходя в сознание.

Де Голль умер, не дожив тринадцати дней до своего восьмидесятилетия.

Двенадцатого ноября, следуя завещанию генерала, его похоронили на скромном сельском кладбище в Коломбэ. На церемонии похорон присутствовали только близкие родственники.

У гроба выстроился почетный караул курсантов Военного училища Сен-Сир.

В этот день Французская республика погрузилась в общенациональный траур, ибо провожала в последний путь своего самого великого сына, который сделал для Франции несоизмеримо больше, чем все партии, правительства и президенты вместе взятые.

«Его кончина не может оставить безразличным ни одного француза», — говорилось в официальном коммюнике ФКП.

* * *

Жизнь генерала де Голля начиналась, когда его

соотечественники оплакивали поражение Франции в войне 1870–1871 года.

Его жизнь закончилась, когда миру грозил ядерный апокалипсис, а войны XIX века казались безобидной игрой в дартс. Рассуждениям о крепости клинка уступили место терминологии профессиональных радиологов и специалистов, работающих в области ядерной физики.

Генерал поднялся на борьбу за Францию, когда она была повержена Гитлером и стояла на коленях перед фашистскими захватчиками; он подал в отставку в стране, ставшей одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Де Голля постоянно обвиняли в диктаторских замашках, но не было в истории человека, сделавшего больше для демократии в своей стране.

Восшествию де Голля на вершину власти способствовали так называемые «черноногие», те, кто был категорически против предоставления колониям независимости. И именно они не раз и не два пытались убить генерала, устраивая на него настоящую охоту.

Генерал не любил коммунистов и революции, но никогда не отказывался от самых страшных страниц французской истории, утверждая:

«Мы, французы, никогда не отречемся от прожитого вместе на протяжении веков».

Де Голль частенько весьма скептически отзывался не только о своих противниках, но и о соратниках, не стесняясь обнажать их неприглядные стороны.

Но ему же принадлежат слова:

«В этом мире единственное, за что стоит бороться, — это человек…»

Литература

Антпюхина-Московченко В. Шарль де Голль и Советский Союз. М., 1990.

Арзаканян М. Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. М., 1990.

Арзаканян М. Первый визит де Голля в Москву // Международная жизнь. 1995. № 11–12. С. 98–103.

Д'Астпъе Э. Лету нет конца / Пер. с фр. Г. Велле, М. Ивановой. М., 1958.

Д'Астпъе Э. Семь раз по семь дней / Пер. с фр. Н. Столяровой. М., 1961.

Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 года) // Сборник документов. М., 1984.

Борее Ю. Сталиниада. М., 1990.

Борисов Ю.В. Новейшая история Франции. М., 1960.

Васютинский В. Н. Франсуа Миттеран // Вопросы истории. 1993. № 1.

Всемирная история: В 24 т. / Под ред. А.Н. Бодак, И.Е. Войнич и др. Минск, 1998.

Геббельс Й. Последние записи / Пер. с нем. Смоленск. 1993.

Гладилин А. Французская ССР: Роман. Таллинн. 1991.

Голль Ш. де. Военные мемуары: В 2 т. М., 1957–1960.

Голль Ш. де. Мемуары Надежд: Обновление. 1958–1962 гг.: Институты французского государства / Пер. с фр. // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 211–230.

Гранье Ф. Вот как это было: Воспоминания / Пер. с фр. М., 1960.

Гранье Ф. Дневники «странной войны» (сентябрь 1939 — июль 1940 / Пер. с фр. Б. С. Вайсмана. М., 1971.

История Коммунистической партии Советского Союза / Под ред. Б.Н. Пономарева, М.С. Волина и др. М., 1983.

История Франции: В 3 т. / Под ред. А.З. Манфреда. М., 1972.

Леонид Ильич Брежнев: Краткий биографический очерк, М., 1976.

Майский И. М. Воспоминания советского посла в Англии. М., 1960.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. *Молчанов Н.* Генерал де Голль. М., 1972. *Новиков Н.В.* Пути и перепутья дипломата. М., 1976.

Перек Ж. Вещи: Одна из историй шестидесятых годов / Пер. с фр. Т. Ивановой. М., 1967.

Петров В., Владимиров Ю. Кэ д'Орсе: Краткий очерк дипломатической службы. М., 1968.

Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера / Пер. с нем. И.В. Розанова. Смоленск, 1998.

Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. М., 1965.

Правда. 1953. 6 марта.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961.

Рубинский Ю. Шарль де Голль. Мысли и действие // Известия. 1991. 3 июля.

Рузвельт Э. Его глазами / Пер. с англ. М., 1947.

Рузе М. Роберт Оппенгеймер и атомная бомба / Пер. с фр. М., 1965.

Сименон Ж. Новые парижские тайны. М., 1988.

Симон А., Уотерфилд Г., Моруа А. и др. О тех, кто предал Францию/ Пер. с фр. М., 1941.

Сифакис К. Энциклопедия покушений и убийств / Пер. с англ. М., 1998.

Смирнов В.П. Новейшая история Франции. М., 1979.

Сопельняк Б. Пасынки Победы, или Подарок в 10 тысяч душ // Новые Известия. 1999. 14 августа.

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1944.

Суворов В. Очищение. М., 1998.

Тийон Ш. Французские франтиреры и партизаны в борьбе против немецко-фашистских захватчиков / Пер. с фр. Г.А. Велле и Д.Э. Куниной. М.,1963.

Форсайт, Ф. День Шакала / Пер. с англ. // Простор. 1988, № 12; 1989, № 1–2.

Хрущев Н.С. Воспоминания: Избранные фрагменты. М., 1997.

Черкасов П.П. Судьба империи: Очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М., 1983.

Шабан-Делъмас. Де Голль. Франция. Россия // Известия. 1990. 17 июня.

Шпеер А. Воспоминания / Пер. с нем. Смоленск, 1998.

Эррио Э. Из прошлого: Между двумя войнами (1914–1936) / Пер. с фр. М., 1958.

Эррио Э. Эпизоды / Пер. с фр. М., 1961.

Яковлев Н.Н. Загадка Перл-Харбора. М., 1963.

Мирович Михаил Олегович родился 8 февраля 1958 года в Ростове-на-Дону.

В 1981 году окончил Ростовский государственный медицинский институт. Работал научным сотрудником Ростовского НИИ эпидемиологии, микробиологии, паразитологии и гигиены.

Публиковаться начал в 1981 году. Изданы две книги: "Робинзон, друг Шмерзона" (1997) и "Вуцли - Туцли без обрезания" (1998).

Член Союза российских писателей.

ISBN 5-222-00875-4